

- [Кальма Н](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Кальма Н

Заколдованная рубашка

Анна Иосифовна КАЛЬМА

(Н. Кальма)

ЗАКОЛДОВАННАЯ РУБАШКА

Историческая повесть

В книгу известной детской писательницы вошли две исторические повести: "Заколдованная рубашка" об участии двух русских студентов

в

национально-освободительном движении Италии в середине XIX в. и

"Джон

Браун" - художественная биография мужественного борца за свободу негров.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Вступление

Петербург

1. В доме генерала Есипова

2. Разрыв

3. Прочь из дома!

4. Друзья-студенты

5. Заморский гость

6. Поворот судьбы

Рим

7. Римский пастушок

8. Гарибальдиец Пучеглаз

9. В траттории дяди Пьетро

10. Пучеглаз вербует охотников

11. Палаццо Марескотти

12. "Ангел-Воитель"

13. Встреча на улице

14. Любовь

15. Римские тайны

16. Пеппино - сын моряка

17. Снова на родной земле

18. За лимонным деревом

19. Узник тюрьмы Сан-Микеле
20. Художник в камере
21. Свидание невесты с женихом
22. Побег
- Генуя
23. Дочь профессора
24. Галубардо
25. В гавани
26. Отплытие
27. К берегам Сицилии
28. Сигнал в тумане
- Сицилия
29. На острове
30. Пленница Датто
31. В поход
32. Бой
33. Пещера Францисканца
34. Ночь полководца
35. Заколдованная рубашка
36. Под плащом
37. Друзья расстаются
38. На укреплениях (Из записок Льва Мечникова)
39. Что такое гарибальдийцы (Продолжение записок Мечникова)
40. Три маляра
41. Рок судил иначе (Окончание записок Мечникова)
42. Племянник кардинала
43. "Тысяча" побеждает
44. Клинок врага
45. Видения
46. Письма "Ангелу-Воителю"
47. Почти сто лет спустя...
48. Пароль

И. РАХТАНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы сейчас взяли в руки, - романтическая. Из нее вы узнаете о двух героях разных народов: об итальянце Джузеппе Гарибальди и об американце Джоне Брауне. Деятельность их протекала в разных странах, на разных континентах, но почти в одно и то же время, в один и

тот же год. Некогда им обоим посвятил свои влюбленные строки великий французский романтик, бурнопламенный поэт Виктор Гюго.

И Джузеппе Гарибальди и Джон Браун - люди высоких порывов, смелых и сильных идей, мужественного подвига, близкого Виктору Гюго, участнику французской революции, человеку передовой мысли. Строки, написанные им, были порохом, пулей, оружием в общей борьбе.

То было беспокойное время, когда в Европе и в Америке угнетенные начинали осознавать свои права, начинали чувствовать себя людьми. И Гарибальди и Браун организовывали их, вели на бой с притеснителями.

Сорок две книги для детей и юношества написала писательница Н. Кальма. Та книга, которую вы раскрыли сейчас, составлена из двух повестей, ранее вышедших порознь. Одна повесть не служит продолжением другой, и написаны они в различных литературных жанрах, но у всей книги в целом есть единство. Объясняется оно не только тем, что автор ее один, обладающий единым стилем. Более глубокие мотивы привели к объединению этих повестей под одним переплетом.

Я только что сказал, что написаны повести в различных литературных жанрах.

Это верно: "Заколдованная рубашка" - свободное повествование, где историческая личность - не главное действующее лицо. Гарибальди в повести отведена лишь подсобная роль. На первом плане здесь русские студенты, два друга, - Лев Мечников и Александр Есинов. Их глазами, через встречи с ними и показан нам Гарибальди, за судьбой друзей мы следим все время.

Они едут в Италию, становятся под знамена Гарибальди, с ним вместе участвуют в походе его знаменитой "тысячи".

В Риме они встречаются с замечательной русской женщиной Александрой Николаевной Якоби, женой художника Валерия Ивановича Якоби, прозванной "Ангелом-Воителем" за ангельскую внешность и за то, что она от всей души помогала делу Гарибальди.

Бок о бок с ней Александр Есипов подготавливает и проводит побег из римской тюрьмы друга Гарибальди, журналиста Бруно Пелуццо, приговоренного папским трибуналом к смертной казни.

Александр становится гарибальдийцем, едет в Сицилию, сражается с австрийцами. Более того, молодой человек влюбляется в "Ангела-Воителя".

Обо всем этом рассказано в повести Кальмы.

Короче, "Заколдованная рубашка" - настоящая повесть, хотя ее персонажи действительно существовали и имена их сохранились в истории освободительного движения Италии.

Иначе написан "Джон Браун". Это художественная биография мужественного борца за свободу негров Соединенных Штатов Америки. В центре ее - события из жизни Джона Брауна, его характер, его рождение и смерть. Но повесть не становится от этого скучнее. Да и можно ли говорить о скуке, если речь идет о жизни, наполненной благородным помыслом, если спокойный уравновешенный фермер под старость лет вдруг становится во главе восстания!..

Нет, вовсе не вдруг. С самого раннего детства ненавидел Джон Браун угнетателей, дружил с негритянскими ребятами.

Н. Кальма в своей повести показывает эту последовательность, она строит характер удивительный, неповторимый, упорный. Как это замечательно, что у негров появился преданный друг! Он все отдаст, ничего, даже самой своей жизни, не пожалеет, чтобы продвинуть вперед дело, в которое поверил раз и навсегда.

Таким встает Джон Браун со страниц повести, таким он был и в жизни. Кальма тщательно воссоздала его портрет.

Американцы, их буржуазная историография, не с большой охотой пишут о Брауне. Слишком уж цельной была его натура, слишком прямым и недвусмысленным был подвиг, совершенный им, чтобы его можно было истолковать как-то иначе. Нет, если автор берется за перо для создания этой биографии, он должен быть убежден в правоте, в закономерности движения, которое возглавил Джон Браун.

А таких людей в Америке пока не так много. Конечно, со временем их будет все больше. Эпопея Джона Брауна потому и эпопея, что она останется в веках. Более ста лет прошло с тех пор, но события у маленького городка Харнерс-Ферри в табачном штате Виргиния не только не потускнели, но проступают все с большей отчетливостью. И все ярче вырастает из тумана времени величественная фигура их вдохновителя - седобородого, прямого, быть может, фанатичного, но доброго и гуманного. Для большого и великолепного дела родился этот человек, для него же он прожил всю удивительную жизнь, в конце которой произошел взрыв всех его нравственных сил, принесших ему мировую славу и утвердивший его имя в истории не одних Соединенных Штатов.

Увлечение, с которым об этом писала Кальма, наверняка передастся и вам.

И поэтому обе повести читаются в один присест.

Мне хочется рассказать вам сейчас немного о самой Кальме, о ее литературном пути. Начала она его в газете. Здесь, у самого истока, стоял великий поэт Владимир Маяковский, который был другом ее отца и о

котором она впоследствии написала книгу для детей, назвав ее "Большие шаги".

С помощью этих "шагов" она, маленький газетный работник, совершила скачок в настоящую литературу.

Такие книги, как "Черная Салли", "Дети Горчичного Рая", "Тетрадь Андрея Сазонова", наверняка прочитаны вами; если же вы еще не читали, советую, после того как вы закончите эту книгу, прочесть и их.

Две темы интересуют Н. Кальму - историческая и международная. Она свободно чувствует себя на любых широтах и в любые времена. Не надо думать, что дается это просто. Прежде чем подойти к письменному столу и начать первую фразу новой повести, приходится долго и упорно работать в библиотеках, в архивах, встречаться с людьми, ездить, смотреть, записывать. Маяковский сказал, что "поэзия вся - езда в незнаемое". "Езда" - не обязательно дальняя и трудная поездка; можно проехать и на троллейбусе в архив и открыть там для себя поэзию, можно увидеть поэзию рядом с собой, в "боевой и кипучей" повседневности.

Нельзя сказать, что у писателя спокойная жизнь.

Всеми способами обогащает он свое восприятие мира: тут и действительные поездки, и встречи с нужными людьми, и кропотливая работа в архивах, когда нужно смирять свое нетерпение, свою страсть к быстроте.

Большую переписку с читателями ведет Н. Кальма. Вот если и вы ей напишете, она будет рада этому. А у вас, вероятно, возникнут вопросы после прочтения книги. Ведь она перенесет вас в незнакомый вам мир - и в штат Виргиния, и на обожженный солнцем остров Сицилия, в середину девятнадцатого века. Обстановка там будет чужда вам, быть может, вначале покажется странной, непривычной, но вы скоро поймете, что к чему, кого надо любить, кого ненавидеть, за кого печалиться, за кого радоваться. И тогда вы начнете жить одной жизнью с героями этих повестей.

Я только что прочитал все, что написал, и увидел, что достаточно подготовил вас к восприятию повестей.

Итак, переверните страницу - начинается свой рассказ Н. Кальма.

И. Р а х т а н о в

ВСТУПЛЕНИЕ

Я держу в руке серебряную медаль. На медали - чеканное изображение человека с прекрасным и мужественным лицом, в круглой шапочке на длинных волнистых волосах. Это Джузеппе Гарибальди, славный герой Италии. Победы Гарибальди над врагами Италии принесли его родине свободу. Прошло более ста лет, и партизанские отряды, носившие имя

Гарибальди, освободили Италию от фашистов.

И в далекие времена, и во время второй мировой войны в битвах итальянского народа за свободу принимали участие русские люди.

Чтобы я могла хорошо разглядеть медаль, ее снял с груди доктор Николай Дрёмин, ленинградец, работающий в сибирской больнице. Ранней весной он прилетел в Москву на свидание русских партизан-гарибальдийцев. Николай Дремин получил письмо от своего итальянского друга и тезки Николо. В конверте был листик цикория - того самого цикория, который растет в горах и появляется из-под снега вблизи хижины Николо.

Как тебя вспоминают сегодня, Италия! Твои моря и твои цветы, твоё небо и твои горы. Но главное - твоих людей, простодушных, отзывчивых, пылких и в ненависти и в любви.

- А помнишь, как в Генуе удалось спасти заминированный фашистами порт?

- А помнишь семью Белли? Какие чудесные старики! И какую поленту варила нам мамаша Белли!

- А помнишь, как наш Павел показал гитлеровцам трубку в кулаке, а они думали, это пистолет, и отдали ему оружие и сдались?..

- А помнишь папу Черви?

И тут наступает глубокая тишина, потому что люди помнят папу Черви, старика, который воспитал семерых сыновей-героев. В доме его нашли приют многие русские солдаты и вместе с сыновьями Черви ушли сражаться за Италию.

А вот и сам папа Черви на экране. Он сидит в соломенном кресле под раскидистым узловатым деревом. У него темное, загорелое лицо крестьянина и руки, перевитые синими венами. Они много работали, эти руки, они держали лопату и молот, оружие и ручонки детей. У папы Черви медлительный, но еще звучный голос.

- Мне всегда говорили: "Ты могучий дуб, взрастивший семь ветвей. Эти ветви обрублены, но дерево не погибло". Спору нет, сравнение красивое. Но дело не только в дубе, дело в семени, из которого дуб вырос. А семя - это идеи, которые движут человеком.

Длинная голая стена стрелкового полигона в Реджо-Эмилио. У этой стены расстреляли семерых братьев Черви. Много их друзей-русских тоже осталось спать вечным сном в итальянской земле. На кладбище Генуи лежит русский кузнец Федор Полетаев - Поэтан, награжденный за геройство высшим военным отличием Италии - Золотой Медалью. Он тоже был гарибальдийцем, этот русский человек.

Но вернемся к тому, что было почти сто лет назад...

ПЕТЕРБУРГ

1. В ДОМЕ ГЕНЕРАЛА ЕСИПОВА

- Нялка, это ты там шебаршишься? - спросил сонный голос.

- Я, Сашенька, я, голубчик.

Дверь скрипнула. Скользнула почти невидимая в утренних петербургских сумерках тень - няня Василиса.

- Проснулся, голубь мой?

- С кем ты там шепчешься, нялка? И который час? И какая погода на дворе? И что нового в доме? - все еще сонно, как в детстве, спрашивал Александр.

Было приятно еще понежиться в постели, знать, что на лекции торопиться не нужно. Сегодня 31 декабря, канун нового, 1860 года, в университете по случаю праздников занятий нет - стало быть, можно и поваляться.

- Погоду бог дает самую новогоднюю: снегу намело - ужась, да и по сю пору всё метет. Час уже поздний - никак, десятый или больше, - не по порядку докладывала няня. - В доме всё, слава тебе, господи, благополучно. Только вчерась с вечера, как собирались его превосходительство к графу, так на Василия очень гневались: зачем не то платье подал. Лютовали страсть! Василий так уж и приготовился быть сечену, да потом как-то обошлось. Только приказали ему на глаза не показываться, Герасима позвали.

Александр закусил губу. Вмиг исчезли теплая дрёма, ощущение покоя. Опять! Опять отец "лютует"! Господи, когда же этому будет конец! И няня Василиса, эта безропотная, бессловесная раба, еще говорит, что "в доме, слава тебе, господи, все благополучно"! Несчастливая!

Василиса между тем проворно сновала по комнате, подымала книжки, раскиданные по ковру, раздвигала тяжелые бархатные портьеры, что-то прибирала.

- Опять, видно, читал до самого рассвета... Вон книг-то, книг!.. ворчала она. - Не жалеешь головку свою, Александр Васильич...

Александр, думая свое, рассеянно прислушивался к этой привычной воркотне.

- Да, а ты мне еще не сказала, с кем шепталась под дверью, - вспомнил он вдруг.

- Да с Никифором, братухой моим, - отозвалась Василиса. - Он чуть свет нынче заявиться изволил.

- Никифор здесь?! - Александр мигом откинул одеяло, вскочил. - Что ж

ты молчишь, нялка? Приехал Никифор, привез, видно, важные новости, а она мне тут про погоду толкует! Ну, что там у них, в деревне? Что люди говорят?

Александр уже накидывал халат, уже намеревался бежать за прибывшим.

- Да погоди ты, погоди, горячка! - остановила его Василиса. - Никифор сам сюда сейчас будет. Разуваается он. Новые сапоги ему, вишь, мир справил, он и натянул их в городе-то. А скрипуны такие оказались - страсть! На весь дом как заскрипел, так у меня душа в пятки ушла. Разбудит, думаю, генерала, что тогда делать! Беды не оберешься. Ну, и прогнала его в людскую. А про деревенские дела он сам тебе, Сашенька, хочет сказать. Только, упаси бог, не увидел бы Герасим, что он тут, у тебя, околачивается... Сей же час барину донесет.

- Как Никифор придет, стань у дверей, никого ко мне не пускай, распорядился Александр. - А если Герасим от папа явится, скажи, что я еще не вставал.

Высокий, быстрый в движениях, Александр в семнадцать лет казался намного старше, таким замкнутым было его лицо. Бледность, скуластость, горячий хмурый глаз под широкой бровью - всё было взрослое, как будто уже определившееся навсегда. Но стоило Александру оживиться, повеселеть, - и вдруг наружу выступал мальчишка, зеленый мечтатель, наивный и жадный до всего нового, нетерпимый ко всякому злу, упрямый и великодушный.

Да он и вправду только недавно вышел из-под опеки гувернера, швейцарца месье Эвиана. В доме свирепого крепостника генерал-аудитора Есипова, которого даже его коллеги по военному суду звали "Каменное сердце", месье Эвиан был удивительной фигурой. Маленький, щуплый, этот человек был настоящим добрым духом дома. Александр, слуги, ютящиеся на задворках приживалки, даже маленькие казачки - все, все инстинктивно чувствовали, что под невзрачною внешностью гувернера таятся великие силы добра и любви к людям, бьется мужественное и благородное сердце.

К месье Эвиану шли со всеми заботами и горестями, ему поверяли маленькие и большие тайны, в его мезонине прятались от барского гнева. И для всех - от няни Василисы до дворового мальчишки - у швейцарца находилось и умное слово, и ласка, и внимание. Месье Эвиан впитал в себя дух революции 1848 года, он не только на словах, но и на деле был горячим защитником справедливости и равенства всех людей. Бывало, с половины генерала доносится хриплый бешеный крик, опрометью бегут ошалевшие

от страха слуги, шепчутся: "Опять в часть посылают... Велено розог дать. Ох, засекут парня, не вытерпеть ему!" Шатаясь, возвращались высеченные из части, сваливались где-нибудь в темном углу, и там находили их месье Эвиан с Александром. Мальчик с состраданием и ужасом смотрел на людей, а месье Эвиан пользовался случаем и внушал своему воспитаннику отвращение ко всякому насилию над людьми, к жестокости и самовластию сильных.

- Почто дитё расстраиваешь, мусье? У дитяти головка заболит, вон уж глазки покраснели... - ворчала няня Василиса.

- О, это нитшево, это карашо, Василис, - говорил месье Эвиан. - У тшеловек должен быть не только тут, но и тут... - И он трогал лоб, а потом показывал на сердце.

Александр обожал своего воспитателя - кроме няни Василисы, это был единственно близкий ему человек, потому что матери своей он не помнил (она умерла тотчас после родов), а отец всегда оставался для него чужим, далеким и страшным.

Месье Эвиан давал своему питомцу читать "Хижину дяди Тома" и "Записки охотника". Он приносил Александру "Сороку-воровку" Герцена и "Детство" Толстого - книги, которые будили ум и душу мальчика, заставляли вглядываться в окружающее, сравнивать и возмущаться. Мальчик рос, и всё крепче становилось в нем убеждение, что цель жизни всякого настоящего, большого человека - служение людям. Он видел вокруг грубость нравов, принуждение, жестокость и твердо, навсегда решил: всю свою жизнь он будет бороться, отстаивать справедливость, добро, равенство.

Университет, новые товарищи, которых он себе выбрал - опять-таки не случайно, а под влиянием месье Эвиана, - еще сильнее укрепили в Александре эти мысли.

В университете все и всё было в величайшем волнении. Молодежь места себе не находила: когда, когда же наконец отменят ненавистное, позорящее Россию крепостное право, когда освободят несчастных рабов, когда переделают суды и выгонят всех крючкотворов и взяточников, когда преобразуют армию?! Молодые головы лелеяли самые дерзкие, самые благородные планы. Каждое слово профессоров о реформах встречали овацией, сторонников крепостного права безжалостно освистывали, объявляли им бойкот, не ходили на лекции. Песни пели только о воле, с упоением читали только те статьи, где говорилось о судьбах народа, на студенческих концертах бешеным успехом пользовались стихи, где были строки о свободе.

И Александр, подготовленный воспитанием Эвиана, сразу примкнул к молодым вожакам этого движения, стал одним из самых рьяных.

Ему уже была известна страшная слава отца. По приговору генерал-аудитора солдат прогоняли сквозь строй, забивали шпицрутенами, отправляли на каторгу. Имя Есипова заставляло людей дрожать и креститься.

При Николае Первом генерал еще не так свирепствовал, были крепостники и полютее. Но вот Николай умер, в России повеяло пока еще неопределенными и очень умеренными реформами, заговорили об освобождении крестьян, и Есипов пришел в неистовство. Как, дать волю лапотникам! Да это же конец мира! Конец русского помещика-дворянина! Да это немедленно приведет Россию к революции во сто крат сильнее и разрушительнее той, что была во Франции Людовика!

И генерал слепо возненавидел даже самых "тихих" либералов. Студенты, профессора - все, кто стоял за перемены, становились его злейшими врагами. Мысль, что его родной сын, его Александр, учится в этом крамольном заведении, водится с людьми нового толка, не давала ему покоя. Есипов и у себя в доме искал крамолу и неизменно находил ее - месье Эвиан. Он давно уже уволил храброго маленького швейцарца, но не мог искоренить вольнолюбивый дух его, оставленный и крепко проросший в Александре.

Теперь почти каждая встреча с сыном, каждый разговор неизменно кончались взрывом. Вот и сейчас, если отец узнает, что к Александру пришел ходок из деревни, разразится буря. Ох, как бы это полочнее устроить, чтоб он не узнал: могут пострадать ни в чем не повинные люди! Надо во что бы то ни стало провести Никифора тайно, скрыть его...

- Так ты сама, нялка, покарауль у двери, - повторил Александр няне.

Он нетерпеливо заметался по комнате, откинул занавес у окна, прижался лбом к стеклу.

Улица была тиха и пустынна в этот утренний час. Проехал в санках чиновник, проскакал верховой курьер с депешами, две старушки в бедных салопчиках просеменили, видно, в церковь.

Александр рассеянно смотрел, как в доме напротив зажигают по случаю хмурого утра свечи, как прыгают по заснеженным крышам галки. Мысли его были далеко, когда в дверь поскреблись.

- Ты, Никифор? Входи, входи...

Няня в дверях подтолкнула брата, а сама стала "на часы". Неслышно ступая в толстых белых чулках, вошел большой, костистый мужик, рыжебородый, с таким же, как у Василисы, умным и зорким взглядом. Это

и был бурмистр псковской деревни Есиповых - Никифор Глотов. Не в первый раз видел его Александр. Еще когда в доме жил месть Эвиан, Никифор, приезжая с деревенскими припасами в город, всегда появлялся в комнатах барчука. То просил за соседа, которого генерал не в очередь приказал сдать в рекруты, то хлопотал, чтобы не продавали врозь крестьянскую семью. Редко удавалось Александру смягчить отца, добиться, чтоб отменил жестокий приказ. И все-таки Никифор, сначала со слов сестры Василисы, а потом и по собственному своему разумению, считал барчука единственной "надежей" и "заступником".

- Он простой, барчук-то, - говорил бурмистр своим, капальским, - силы в нем настоящей еще нету, а жалостливый растет, понимающий.

И вот к этому-то "понимающему" снарядил его мир теперь, когда весь крестьянский люд был взбудоражен слухами о близкой воле.

Никифор перекрестился на маленький образок, подвешенный над спинкой дивана, и хотел было поцеловать руку барчука, да тот не дал:

- Оставь, Никифор, пожалуйста, очень я этого не люблю. Рассказывай лучше поскорей, что там у нас, в Капали, делается. Зачем сюда пожаловал? Правду говорит няня, будто ко мне?

- Правду, истинную правду, Лександр Васильич, - быстрым цокающим говорком псковича отвечал Никифор. - К вам, Лександр Васильич, мир послал. Окромя вас, сударь, некому нам, темным, ничегошеньки объяснить. Извольте помнить, летошний год сказывали вы нам, мужикам, будто воля близка, будто царь своим помощничкам уже приказал указ про волю изготовить. Ну, а теперь все округ про это зашумели.

- Что ж у вас про волю говорят? - нетерпеливо перебил его Александр.

- Кое говорят, а кое уж того... - Никифор сделал выразительный жест. - Конечно, там, где уж невмоготу.

Александр так и впился в него глазами:

- Что? Жгут? Убивают помещиков?!

Никифор чуть усмехнулся:

- Убивать не убивают, барчук, такого еще не бывало. А где на барщину не ходят, где летось баб на барский двор не пускали, а где точно что жгут. В Покровском, извольте знать, сударь, риги пожгли. Навроцкого барина тоже огоньком попужали - экономию спалили. Конечно, народ темный, все толкуют, будто помещики сильно против царя идут, на волю свой запрет наложили. Уж вы, Лександр Васильич, не обижайтесь, что докучаем вам нашими мужицкими делишками. Простите, Христа ради, а только, окромя вас, не к кому нам идти. Ходили мы к столяру Кондрату, он у нас грамотный, как и я, а все же ничего толком сказать не мог. Обращались и к

дьячку, и к одной старой девке-начетчице, да те тоже ничегошеньки не знали. А как пошли наши ходоки к попу, так ни с чем вернулись: у попа разве правды дознаешься? Только знай подноси ему водочки да одаривай, а он замутит те голову так, что и не разобраться. Вот я нашим мужичкам и говорю: "Молодой-де барин всегда к нам, рабам своим, был милостив. Авось и теперь не откажет".

- Ну конечно, ну конечно! - перебил его Александр. - Ты знаешь, Никифор, я всегда рад помочь вам всем, чем только могу...

- Вот-вот, и я так нашим сказал, - подхватил Никифор. - Окажите божескую милость, Лександр Васильич, объясните нам, темным, чего нам ждать? Выйдет нам воля или осият господа помещики царя, не дадут народу вздохнуть?

И Никифор с такой мольбой и надеждой посмотрел на барчука, что тот внутренне вздрогнул.

- Ах, ну что я могу сказать тебе, Никифор! - начал он, волнуясь и болезненно морщась. - Я понимаю, как для вас всех это важно, но и сам я толком ничего не знаю. Спросить отца? Думаю, и отец и друзья его тоже еще ничего не смогут сказать наверное. Известно только, что царь учредил некий комитет и комитет этот должен обдумать и решить, как лучше и выгодней и для крестьян и для помещиков отпустить людей на волю - отменить крепостное право. Все держится в большом секрете, а когда решится, никому не известно.

Никифор кашлянул.

- Дозвольте спросить: кто же в этом комитете заседает? Сенаторы либо помещики?

- А это ты в самый корень смотришь, брат, - живо отозвался Александр. - Видишь ли, и я сам и многие слышали, будто сидят там такие вельможи, которым освобождение крестьян ненавистно, будто они потому и придумывают всякие сложности и оттяжки, и пугают царя, и всячески это дело тормозят.

- А барин наш Василий Александрович тоже, стало быть, в этом комитете? - осторожно спросил Никифор.

Александр невольно покраснел.

- Нет, отец там не участвует, - сказал он, потупившись. - Ты... ты напрасно так считаешь, Никифор. Отец к этому делу непричастен, даю тебе мое честное слово.

Бурмистр невесело усмехнулся.

- Да ты не божись, Лександр Васильич! - Он внезапно перешел на "ты". - Если не сам барин, значит, там его дружки-приятели судят-рядят, как

бы нашего брата в том же хомуте навеки оставить, на железную цепь посадить. Это уж я тебе точно говорю, хоть божись, хоть не божись.

Никифор сказал это с такой убежденностью, что Александр не решился возражать. Невольно он поразился верному чутью бурмистра: в комитете и вправду председательствовал старый друг отца - граф Панин, давний сторонник и охранитель крепостного права.

- Послушай, что я скажу, Лександр Васильич, - продолжал все так же хмуро Никифор. - Старики бают: было время, когда народ подался в степи, к Пугачеву, пожег помещиков и сам себе волю раздобыл. Конечно, Пугачева цари порешили, народ опять на цепь железную приковали, да память-то в железо не закуешь! Народ - он все помнит. Вот нам говорят: "Будет вам воля, погодите еще маленько, дадут землицы, от податей ослобонят, работай сам на себя, иди куда хошь". Говорят, а сами всё тянут, всё ничего народу не дают. А народ, знаешь, ждет-пождет, да и устанет ждать...

- А если устанет, тогда что? - с замиранием сердца спросил Александр.

Он будто впервые сейчас только рассмотрел и понял этого стоящего перед ним рыжебородого мужика.

Никифор вскинул на барчука глаза:

- Если устанет, тогда...

Он не успел договорить - запыхавшись, вбежала испуганная Василиса.

- Никифор, поди отсюда, поди поскорейча! А тебя, Сашенька, папаша требует к себе. Наказал тотчас быть. - Она всплеснула руками, зашептала торопливо: - Ох, батюшки, быть беде, чует сердце! Аспид-то этот, Герасим, пронюхал-таки про тебя, - обратилась она к Никифору. - А всё твои сапоги проклятущие! Увидел их под лавкой в людской: "Чьи сапоги?" Тут, на беду, Коська подвернулся, казачок: "Никифоровы. Никифор из деревни приехал давеча". - "А куда же он это спозаранку без сапог направился?" - "Да к барчуку его Василиса повела". Ну, Герасим сей же минутой к генералу с докладом... Ох, сымет он с нас головы! - Василиса с отчаянием махнула рукой.

- Полно, нялка, не причитай.

Александр торопливо застегивал студенческий сюртук с голубым воротником. Проверил перед зеркалом, все ли пуговицы застегнуты, всё ли по форме. Ему было тяжело и неловко под испытующим и все понимающим взглядом Никифора. Один только бурмистр был спокоен.

- Ты иди пока, брат, - сказал ему Александр. - Мы еще с тобой увидимся, и я все тебе объясню.

Что именно собирался объяснять Александр своему крепостному, он и

сам не знал. Но долго было ему стыдно за это словечко.

2. РАЗРЫВ

Александр шел к отцу в смутном и тревожном состоянии души. Весть, что уже начались пожары в имениях крепостников, знаменательные слова Никифора о Пугачеве и о том, что "народ ждет-ждет, да и устанет ждать", и ужаснули его и наполнили ликованием. Надо тотчас, не медля ни секунды, бежать на Васильевский остров, к Дреминым, все пересказать, обсудить вместе, что делать. Вот-вот вспыхнет революция, желанная, долгожданная революция, о которой столько мечталось с месье Эвианом и столько говорилось на студенческих сходках. Как некстати сейчас этот разговор с отцом! И, конечно, разговор не из легких. Отец, как всегда, постарается вначале говорить строго логично и сдержанно, а потом, опять-таки как всегда, не выдержит, сорвется, начнет раздражаться, кричать.

Отношения портятся с каждым днем, с каждой встречей генерала с сыном. Еще на прошлой неделе был скандал, когда генерал заговорил об университете, о том, что там внушают юношам "вольные мысли" и доведут этим вольнодумством их всех, в том числе и Александра, до каторги. Александр тогда что-то возразил отцу - и пошел дым коромыслом! Вот и сегодня, конечно, отец будет злиться, кричать, особенно если Герасим насплетничал про деревенского ходока.

Александр думал об этом и уже заранее чувствовал раздражение.

Отражаясь в зеркалах, он шел по высоким парадным комнатам. Вдоль стен выстроились в холодном казенном порядке стулья с твердыми атласными подушками. То и дело навстречу Александру попадались слуги с озабоченными лицами: в доме шла предпраздничная уборка. Сильно пахло скипидаром и воском, в большой зале двое дворовых натирали паркет и елозили по полу. Младший лакей Николай, стоя на стремянке, проверял фитили ламп и бра, вставлял свечи и протирал ламповые колпаки. В буфетной командовал Герасим: под его присмотром чистили серебро и мыли хрусталь - дом готовился к завтрашним новогодним визитерам. Герасим угрюмо поклонился Александру.

"Уже успел донести о Никифоре, негодяй!" - чуть не сказал вслух Александр, с гневом косясь на рябое лицо своего давнего врага.

Генерал был в своем кабинете.

Все в этой угрюмой громадной комнате было под стать хозяину: холодное, тяжелое, казенное. Широкий, как военный плац, письменный стол, кресла с жесткими спинками - ни облокотиться вольно, ни раскинуться, ни прикорнуть уютно. Массивная бронзовая лампа на мраморной колонке, в золоченой раме - портрет покойного царя Николая I с

красивым и бездушным лицом, - все было до мелочей знакомо Александру, все вызывало в нем враждебность и, как в детстве, холодок страха, ползущий по спине.

Генерал сидел - очень прямой и чопорный - у стола. Александр успел заметить, что отец уже в мундире с эполетами и золотым шитьем на воротнике и обшлагах. У шеи - владимирский крест, на груди - звезда святой Анны стало быть, генерал собирается выезжать. Молодой простоватый лакей Антон, недавно взятый из деревни, стоял перед генералом навтыжку.

Александр увидел, что парень дрожит с головы до ног.

- Ты что же, скотина, уморить меня замыслил? - тихим голосом спрашивал его генерал. - Почему вьюшку закрыл? Хочешь угаром удушить? Ты это задумал, животное?

- Только сей секунд закрыл-с, барин, - залепетал было Антон.

- Молчать, мерзавец! И сколько говорено было, чтоб не смели меня барином называть! Ваше превосходительство я, понял, дубина?

- Так точно-с! - шептал Антон.

Генерал неторопливо написал что-то на клочке бумаги, присыпал написанное песком из песочницы, протянул Антону:

- Отнесешь утром второго января квартальному. Скажешь, что генерал приказал дать тебе розог.

- Слушаюсь, ваше превосходительство, - опять еле слышно прошептал Антон.

Александр, почти такой же бледный, как слуга, шагнул к отцу.

- Моп реге, я вас прошу... - начал он. - Пожалуйста, моп реге...

Генерал повернулся в кресле:

- Ну что? Что тебе? Опять вмешиваешься в то, что тебя не касается?

Александр потупился и замолчал, мысленно кляня себя. Его вмешательство могло только ухудшить дело: Есипов терпеть не мог, когда сын проявлял, по его выражению, "неуместный сентиментализм".

Антон орудовал у печки заслонками. Он так дрожал, что заслонки жалобно тренькали друг о друга.

- Что стучишь, болван? - опять раздражился генерал. - Кончил, так ступай вон! И надеть ливрею, чучело деревенское!

Антон опрометью бросился из кабинета. Генерал наконец соблаговолит взглянуть на сына.

- Ну, здравствуй! - все еще недовольным тоном сказал он, когда Александр подошел поцеловать его крепкую, вовсе не старческую руку. - Как спал? Что делал вчера? Где был?

Генерал никогда не слушал ответов на такие вопросы. Александр это знал, потому и не отвечал, ожидая, что нужно от него отцу.

- Решил ты наконец, где будешь встречать Новый год? - обратился к нему генерал. - Поедешь со мной к князю Петру Сергеичу? Там всё будет en petit comite, но общество приятное: Шеломовы, Араповы, обе твои кухни - и Долли и Кэт.

Александр потупился.

- Не смогу, mon pere, - сказал он, не глядя на отца и все-таки видя всего его - мускулистого, крепкого, с блестящими, глубоко запрятанными под лоб глазами. - Я ведь еще намерен говорил вам, что зван на Васильевский остров, к приятелям моим - братьям Дреминым. Младший Дремин со мной на факультете учится.

Генерал отстукал костяшками пальцев какой-то военный марш по столу.

- Неужто не поедешь к князю? Ты ведь танцор порядочный, а там будут танцы, барышни из лучших семейств.

- Я уж давно не танцую, mon pere. К тому же у князя в доме скука всегда нестерпимая. Все так чинно, холодно...

- Коли нужно для дела, можно иной раз и поскучать, - возразил отец. Впрочем, я тебя не неволю, Александр, - сказал он насмешливо. - Человек сам находит себе среду: один выбирает знакомство между людьми комильфотными, светскими, известными, другой предпочитает сомнительную компанию каких-то разночинцев, забулдыг, пропойц...

- Но позвольте, mon pere...

- И что это, скажи на милость, за компания твоя? - продолжал генерал. - Какие-то Конкины, Дремины, Шапкины, Ляпкины... Откуда у тебя вкус к подобной шатии? Впрочем, знаю, отлично знаю откуда! - перебил он сам себя. - Все от него же, от твоего обожаемого месье Эвиана, от этого несчастного, подобранного мною оборвыша! Хорошо же он отплатил за все мои благодеяния! Это от него ты набрался всех этих новомодных идей. От него и твое неповиновение и твоя страсть к разным проходимцам!

Александр вспыхнул:

- Вы несправедливы, отец! Месье Эвиан был честнейший, благороднейший человек. Я стал бы последним подлецом, если бы сказал о нем хоть одно худое слово. И вас, mon pere, я просил бы...

- Надеюсь, ты не собираешься мне указывать, что и как говорить? Есипов пристукнул рукой по столу. - Я тебя не для того сюда вызвал. Будь любезен, объясни, что это еще за история с пожарными, о которой толкует весь город? Князь Петр Сергеич мне вчера говорил, будто ваши студенты

целый бунт подняли, будто и ты там замешан, твое имя ему в донесении попало...

- Никакого бунта не было, топ реге, - неохотно начал Александр. Загорелся дом, где жил наш товарищ Конкин. Мы и побежали на пожар помогать ему спасти что можно из имущества. А тут приехали пожарные, стали нас оттеснять, толкаться, браниться. Один какой-то мерзавец посмел даже руку поднять на Конкина. Конечно, мы - к офицеру. Требуем, чтоб он наказал мерзавца по заслугам. А он, вместо того чтобы наказать, еще пуще принялся науськивать на нас своих людей. Ну, тут мы не стерпели и схватились с ними драться. Уж и досталось же им от нас по первое число!

Александр при этом воспоминании ухмыльнулся и помахал в воздухе кулаком.

Генерал презрительно сморщился.

- "По первое число", "схватились драться"! Ну, братец, понабрался ты от своих Конкиных словечек! Так это правда: сын Есипова дерется с пожарными, как пьяный мужик? Ума не приложу, что сказать князю Петру Сергеичу, коли он опять меня спросит.

- Да так и скажите, папа, как дело было, - бестрепетно сказал Александр, - ведь они там всегда норовят из мухи слона сотворить.

- Кто такие "они", сударь? О ком это ты изволишь говорить в подобном непристойном тоне? - зло перебил его генерал.

Он выбрался из-за стола и раздраженно заметался по кабинету, точь-в-точь как Александр полчаса назад. Да и многое в манерах отца напоминало сына.

- Это что же, вас в университетах обучают этак честить верных слуг государя? Вы что же там, лекции слушаете или критиканством власти занимаетесь? - Генерал был уже в высшей степени раздражения. - Все зло - в этом вашем университетском воспитании, я вижу. Там забивают вам головы разными чувствительными идейками, которые никогда и нигде в жизни не приложимы. Любой гвардейский юнкер во много раз умнее и дальновиднее вас, щелкоперов.

- Но, топ реге, мы ведь тоже в будущем хотим быть полезными своему отечеству, своим согражданам... - попробовал объяснить Александр. - Мы мечтаем...

- Мечтаете быть полезными согражданам? Это Конкины и Ляпкины твои мечтают? - фыркнул генерал. - Уж не думаешь ли ты, что эту твою шатию допустят управлять Россией? Или воображаешь, что так оно и будет? О, я знаю, о чем ты думаешь! Мне давно известны все ваши беседы на Васильевском... Но знай и ты: я сорок лет верой и правдой служу моим

государям, и я не позволю...

- Верно служить жестоким деспотам еще не большая доблесть, пробормотал Александр.

Он произнес это очень тихо, но генерал услышал. Золотой орден забился у него под шеей, и так же забился и заходил над орденом его кадык.

- Ты, мальчишка, ничтожество, осмеливаешься так говорить о покойном государе! Хулить его память, как какой-нибудь красный негодяй!

- Генерал тяжело перевел дух. - Ну, значит, дело далеко зашло. Значит, правда, что нынче доложил мне Герасим: ты втихомолку, за спиной у меня, подбиваешь моих крестьян к возмущению, готовишь поджоги, бунты!

- Ага, так ваш Аракчеев, ваш шпион домашний уже донес вам? Я так и знал! - возвысил голос и Александр. - Вы сами своей жестокостью доводите людей до возмущения. И если эти несчастные что-то сделают для своего освобождения, вы сами, первый, будете этому причиной. Незачем вам винить меня и моих товарищей!

Александр почти не помнил себя. Железная рука схватила его за локоть.

- А, так вот ты как заговорил? - шепотом сказал генерал. - Знаешь ли, что я сей же час, сию же минуту могу передать тебя жандармам, засадить навечно в крепость, в кандалы...

- ...или прогнать сквозь строй, чтоб меня засекали шпицрутенами, как засекали насмерть по вашему приказанию сотни солдат, - тоже шепотом выговорил Александр. Он задыхался. - Я... мне стыдно носить имя Есипова! Это имя палача!

- Вон! - Генерал стремительно подвел сына к дверям, стиснул ему плечо. - Вон! Ты мне не сын больше!

Александр выбежал из кабинета.

3. ПРОЧЬ ИЗ ДОМА!

Уйти из дома сейчас же, сию минуту, не откладывая! Бежать куда угодно, куда глаза глядят! И часа не оставаться в доме деспота, который называется его отцом! Не брать с собой ни единой мелочи, принадлежащей отцу. Пусть нищета, пусть голод - это его не испугает. Он молод, здоров, у него крепкие руки и кое-какие знания. Можно давать уроки иностранных языков, истории, словесности. Живут же самостоятельно десятки студентов, таких, у которых нет ни имений, ни отцов-генералов. Пускай на них сатиновые рубашки, а не голландское полотно, это не делает их хуже или глупее. Конечно, кузина Долли, встретив Александра в заплатанной шинели, отвернет свой хорошенький носик, да не в Долли дело! Дело в

том, что вот теперь-то, живя самостоятельно, на свои, трудом заработанные деньги, он сможет, наконец, узнать жизнь. "Тепличный росток" - так насмешливо прозвал его Михаил Дремин. Что ж, теперь "тепличный росток" покажет, на что он способен! И можно будет делать что-то полезное, нужное. Например, учить грамоте мастеровых, как младший Дремин, читать им политическую экономию, историю. А живя здесь, в этом доме, он никогда не сможет посвятить себя служению людям. Отец этого не допустит. Но как он бешено крикнул: "Вон! Ты мне не сын больше!"

Голос отца явственно раздавался в ушах Александра. До самого вечера младший Есипов пролежал, отвернувшись к стене. Несколько раз на цыпочках входила няня, шепотом окликала, трогала за плечо - он не отзывался. Она принесла завтрак, обед, потом ужин - он ни к чему не притронулся. Было уже поздно. Александр зажег свечу, лихорадочно порылся в секретере - там было немного денег, оставленных ему матерью. На первое время хватит, а там будет видно.

Опять вошла Василиса. По ее лицу Александр увидел, что она обо всем знает.

- Сашенька, уходишь? Новый год пойдешь встречать? Воротишься-то поздно ли? - Она сама с собой хитрила. Ей было страшно додумать правду.

- Не знаю, нялка, ничего не знаю. Может, и вовсе не вернусь. Ты же слышала, он сказал: "Вон из моего дома!" - отрывисто отвечал Александр.

- Сашенька, голубчик ты мой, да куда же ты пойдешь из родимого-то дома? Одумайся, голубеночек мой, пожалей хоть меня. Ты же для меня как сыночек драгоценный! - Няня заплакала навзрыд. - Генерал наш горяч, да сам потом отойдет, пожалеет, что обидел тебя.

- Не надо мне его жалости. Ничего от него не надо! А тебя, нялка, я к себе возьму. Вот только оглянусь, устроюсь и тотчас вызову, ты не беспокойся. Ты ведь не его, а маменькина, и я тебя на волю отпущу. - И он горячо поцеловал старые, залитые слезами щеки няни.

И вот Александр уже шагает по заснеженной Гороховой, к Адмиралтейству. Под мышкой у него круглый кожаный баульчик с немногими нужными вещами.

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий,
Мутно небо, ночь мутна...

машинально, в такт шагам, повторяет Александр. Он хотел было кликнуть извозчика, но тут же себя одернул: "Обойдусь и так. Надо привыкать к пешему хождению. Я теперь не генеральский сын, а бедный

студиозус".

Снег косо летел по улице, остро сек лицо, забивался за воротник. Кругом одинокого фонаря на углу клубились, точно хоровод мошек, снежинки. Поддерживая друг дружку, проковыляли двое пьяных. У освещенного подъезда знакомого особняка вереницей стояли кареты. Гомонили о чем-то кучера, хлопали рукавицами, боролись, чтобы согреться. Заиндевелившие лошади были окутаны морозным паром и чуть подрагивали. В особняке глухо и нежно заиграла музыка. Александр с какой-то особой, болезненной остротой примечал каждую подробность. Вот подъехала еще карета, ливрейный лакей откинул с шумом подножку, с особым щегольством распахнул дверцу, и на ковер, посланный у подъезда, выпорхнула фигурка в меховой ротонде и капоре. Александр успел увидеть узенькую ножку в бальном башмачке. Из дома явственней и томительнее донесся модный штраусовский вальс. "Новогодний бал у Кавецких..."

И вдруг Александр пронзительно почувствовал себя одиноким, никому не нужным. Новогодняя ночь... Все веселятся, желают друг другу счастья и удач. Один он, выгнанный из родного дома собственным отцом, бесприютно скитается по улицам.

"Мчатся тучи, выются тучи..." - опять забормотал он, чтобы не заплакать. Но нет, нет, долой слабость, долой это постыдное малодушие! Он сумеет справиться с собой, сумеет быть совсем-совсем взрослым и сильным, стать настоящим мужчиной.

Александр поправил баульчик под мышкой, встряхнулся. Вот и Адмиралтейство, а там и Дворцовый мост. В Зимнем дворце светятся окна во втором этаже. Кабинет царя? Может, именно сегодня, в новогоднюю ночь, царь наконец решится и даст волю своему народу? А может, танцует сейчас на придворном балу, забыл и думать о таких, как Никифор, как лакей Антон, как окоченевшие на морозе кучера?

Будочник машинально вытягивается перед студенческой шинелью, и Александр видит, что он уже на мосту. Река безлюдна, запорошена снегом, только кое-где чернеют проруби. В темных стеклах университета отражается бледный снежный свет ночи. В своих теплых норах, бог весть где, спят старики швейцары, знающие по именам чуть ли не три поколения студентов. И не верится, что днем за этими окнами кипит и бурлит молодая жизнь.

Александр вспомнилось, как в треугольной шляпе, с жалкой шпагой на боку он вошел в дверь университета, в эту самую, мимо которой он сейчас проходит. Его угрюмо окликнул знаменитый швейцар Савельич:

"Ты кто такой? Новичок? Вот запиши в книге свою фамилию. А теперь

пойдем со мной в шинельную. Вот тут вешай, под этим номером, свою шинель, можешь и фамилию здесь подписать".

Александр поднялся наверх, но не встретил ни души. Сторож в коридоре грубо спросил:

"Чего так поздно пришли? Уже пять минут, как двери закрылись, везде профессора читают, никого пускать не велено. Надо вовремя приходиться".

Так и просидел целый час Александр в сборной зале в полном одиночестве. Мимо ходили сторожа, курили ароматными свечами по всем аудиториям и залам, и Александр глотал синий горький дым.

Но вот и университет остался позади. Величавые сфинксы сторожат Неву у академии. Их запорошенные снегом каменные глаза не смотрят на юношески тонкую фигуру, которая пробегает мимо них на Васильевский.

И сразу - вот чудеса! - меняется облик города. Узкие улочки, церкви и церковные дворики, низенькие дома - провинциальная тишь и глушь, будто это и не Петербург и не столица вовсе.

Впрочем, нет, какая там тишь! В первом этаже двухэтажного домишка у самой церкви Андрея Первозванного так поют и шумят, что дребезжат стекла в рамах. Из форточки валом валит пар, и вместе с паром вылетает удалая студенческая песня:

Там, где Крюков канал
Со Фонтанкой-рекой,
Словно братец с сестрой,
Обнимаются,
Где Никола святой
С золотою главой,
Сверху глядя на них,
Улыбается,
От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты
Там шляются.

- Ишь, до чего же лихо скубенты гуляют! - завистливо пробормотал над самым плечом Александра какой-то прохожий.

Александр тихонько стукнул в окно. Его не услышали - уж больно шумели внутри. Он снова стукнул, сильнее. В форточку просунулась растрепанная голова:

- Кто стучит? Чего нужно?

- Да это Есипов! - закричал изнутри чей-то радостный и пьяный голос.
- Скорей, Сашка, вали сюда! Да что ж ты так поздно, черт тебя дери!

Низенькая входная дверь распахнулась, и Александр со своим баульчиком вступил в прокуренную полутемную прихожую, где его сразу схватили в теплые, дружеские и пьяные объятия.

4. ДРУЗЬЯ-СТУДЕНТЫ

- Наша задача - обновить мир, проложить новые пути, создавать новые формы жизни...

- А ты у мужика спроси про эти формы, братец. Пускай он тебе сам скажет.

- Зачем вы эту брошь носите, Нина Александровна? Цепляетесь за украшения? А я вот считаю: необходимо уничтожить все, что служит прихотям бар, и оставить только то, что может пригодиться народу.

- Господа, господа, что это вы все о высокой материи! Давайте лучше выпьем. Новый год ведь...

- Водка вся. Выпить-то нечего.

- Как - вся? Быть не может! Ведь Липин татарину-старьевщику брюки продал за два рубля двадцать копеек и принес на все водки.

- Брюки? Ха-ха-ха! А сам-то как же теперь?

- Господа, вы с ума сошли, здесь же дамы! Что вы это, право, о брюках...

- Вы только послушайте этого комильфотного! Как он брюк испугался! Все по старинке норовит!

- Господа, господа, да уймись же! Меркурьев стихи будет читать.

- Стихи? Ура-а! Валяй, Меркурьев, читай стихи!

Что ни год - уменьшаются силы,

Ум ленивее, кровь холодней...

Мать отчизна! Дойду до могилы,

Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,

Что стоишь ты на верном пути,

Что твой пахарь, поля засевая,

Видит ведренный день впереди.

Чтобы ветер родного селенья

Звук единый до слуха донес,

Под которым не слышно кипенья

Человеческой крови и слез...

- Ах, Некрасов, что за поэт! Выпьем, братцы, за Некрасова!

- Братцы, ребяташки, споемте, ради бога! Эх,

Сердца жаркого не залить вином,

Душу черную не запотчевать...

- Коллеги, да кончайте вы с этой красивой чепухой, давайте лучше споем!

- Вася, Вася, споем нашу, вольную!

Загремел хор:

Уж опять не бывать

Прежней рабской доли,

Ночью, днем жадно ждем

Мы желанной воли.

Облегчить, освободить

Нас давно сулили,

А пока лишь бока

Наши колотили.

Коль путем и добром

Не дадут нам воли,

Топором заберем

Мы свое приволье.

Обещать и не дать

Уж теперь не могут,

Не то нам, мужикам,

Рученьки помогут...

- Тсс!.. Тсс!.. Разошлись, дьяволы! Забыли про Третье отделение!..

- Пропадем мы, братцы! Ей-богу, пропадем!

Аплодисменты, песни, споры, стихи...

Александр, растерянный, оглушенный всем этим гамом, оглядывался. Ему хотелось найти хозяев квартиры, но это было нелегко. Старый деревянный дом, казалось, плавал по бурному морю, как корабль, набитый шумными и беспокойными пассажирами.

Три комнаты, которые занимали у вдовы-чиновницы братья Дремины и два их товарища - студент четвертого курса Военно-медицинской академии Алпатов и ученик Академии художеств Тривратский, - ходуном ходили. В одном углу самозабвенно играли на гребешках, в другом - решали мировые вопросы, в третьем - пели "Гаудеамус игитур". Сейчас же за прихожей открылась комната, где был стол, покрытый несвежей скатертью. На столе стояли уже опорожненные штофы и полуштофы и тарелки с остатками селедки, огурцов, колбасы. Угощение было, как видно, самое скромное, все делалось в складчину, и Александр, вспомнив об этом обычае, покраснел: он не захватил с собой даже бутылки вина. Не до того ему было, чтобы помнить о неписанных правилах студенческой "коммуны", как называли свое жилье Дремины. Впрочем, злые университетские

насмешники, когда заходил разговор о системе этого житья в складчину, ехидно замечали: "Знаем, знаем вашу "коммуну" нанимаете на общие деньги одну кухарку, вот и вся ваша "коммуна"!" Для братьев Дреминых это было самой невыносимой обидой. Старший однажды даже наговорил дерзостей ядовитому насмешнику.

Сегодня, как, впрочем, почти всегда, беспорядок в "коммуне" был страшный. Доски, положенные на чурбаки, превратились в скамьи. По углам были свалены кое-как вороха книг. С полки над столом скалился желтый череп, а на окне рядом с огрызками французской булки валялся старый сапог. По всем скамьям и кроватям горой были навалены шинели и шубы гостей.

Александр кое-как протиснулся во вторую комнату. Там танцевали под разбитое фортепьяно, на котором лихо играл польку знакомый Есипову студент-филолог. "Танцзал" освещался десятком свечей, воткнутых в медные шандалы или просто прилепленных куда попало: на подоконник, на книжную полку, даже на пол.

В этом зале у танцующих не было ни пышных туалетов, ни белых перчаток, ни лаковых башмаков. Почти все дамы были в черных суконных платьях, закрытых до самого горла, с длинными рукавами и единственным украшением в виде белых рукавчиков или воротничков. Александр успел заметить удивительно красивую блондинку с модной прической. Блондинка отплясывала польку с длинным и тощим Алпатовым так азартно, что из прически выбилась широкая золотая прядь и била ее по разгоревшемуся лицу.

- Александр, дружище, приглашай дам! - заорал, увидев его, Алпатов.

Александр кивнул, все еще глядя на его даму, и тут наконец столкнулся с младшим Дреминым, своим закадычным другом. Павел был на два года старше Александра, но казался моложе, до того детское и румяное было у него лицо, с круглыми светлыми глазами удивительной чистоты и открытости. Завидев Александра, он так и просиял:

- А я уж думал, не придешь. Думал, отец не пустил тебя, увез к своим комильфотным! Уж я тебя ждал, ждал...

- Паша, я порвал с отцом. Ушел из дома. Окончательно. Навсегда, сквозь зубы сказал Александр.

- Ну и отлично! И замечательно! Давно пора! - воскликнул Павел, обнимая друга и с сочувствием заглядывая ему в лицо. - Останешься, конечно, у нас? Я сам скажу обо всем Михаилу и остальным, можешь ни о чем не беспокоиться.

И он потянул из-под руки Александра баульчик, который тот

продолжал прижимать к себе. Видно было, что Павел ужасно рад: друг будет теперь с ним неразлучно. Александр почувствовал это, и его обдало теплом.

- Коли бы ты знал, какой гость у нас нынче! - торопливо заговорил Павел, кивая на закрытую дверь третьей комнаты, которая принадлежала Тривратскому и гордо именовалась "студией". - Вот это сюрприз так сюрприз! Настоящий новогодний!

- Что за сюрприз? - рассеянно спросил Александр.

Павел хотел объяснить, но в этот миг дверь "студии" приотворилась, из нее показались крупная голова и широкие плечи старшего Дремина.

- А, это вы тут галдите? - нелюбезно сказал Михаил. - Или входите к нам, или я дверь запру. А то от этой проклятущей польки в ушах звенит. Ни черта не слышать, что люди говорят.

Оба друга поторопились войти в "студию", и Михаил крепко-накрепко затворил за ними дверь. Венская полька вмиг погасла, будто задунутый кем-то огонь.

"Студия" в этот вечер была гола и неприглядна. Из нее вынесли все стулья и этюды Тривратского. Оставались только приставленные к стенам подрамники да стол, на котором горела лампа под зеленым абажуром. Александр, едва войдя, тотчас заметил незнакомую пару - очень красивого юношу, сухощавого и стройного, с живыми блестящими глазами на смугло-румяном лице южанина, и девушку, тоненькую, стриженую и темноволосую, в черном, перетяннутом кожаным пояском платье, удивительно напоминающем подрясник послушника.

Выражение лица юноши было немножко насмешливое и самоуверенное, как будто этот молодой человек многое повидал на белом свете, многое понял и уже знает себе настоящую цену. Одет он был в поношенный сюртук, сильно выгоревший под неведомым солнцем, и грубые сапоги. Александр заметил, что и руки у нового гостя не холеные, а загорелые и обветренные, видимо привыкшие что-то работать. Вместе с тем молодой Есипов сразу почувствовал, что гость вполне светский человек и привык вращаться в хорошем обществе.

Глаза девушки, синевато-серые, как река в студеной день, были прикованы к юноше и выражали такую всепоглощающую преданность, такой восторг, что у Александра мгновенный холодок побежал по спине и где-то глубоко метнулась мысль: "Ах, кабы мне такую любовь!"

О такой любви Александр втайне мечтал уже давно, с тех самых пор, как начал читать Жорж Санд и Тургенева. Но барышни, которых он встречал в светских гостиных, казались ему пустыми и неумными, а

девушек, бывавших в "коммуне", он немного побаивался - уж слишком смело они себя держали и разговаривали только о "высоких материях". Одно время ему казалось, что он влюблен в свою кузину Долли Тыртову, грациозную и хорошенькую, но вскоре понял, что для Долли он смешной, претенциозный мальчишка, и только. И погасла эта влюбленность, так и не разгоревшись. Но страсть, любовь, влюбленные - все это продолжало тревожить и занимать Александра.

5. ЗАМОРСКИЙ ГОСТЬ

Новая пара была центром внимания всех остальных в комнате. Здесь был талантливый хозяин "студии" - Сергей Тривратский, чахоточный и сутулый, всегда увлеченный чем-то новым, два знакомых студента-медика, прозванные "мухами" за то, что носили на фуражках три буквы - М.Х.А., - означающие: "Медико-хирургическая академия", и сам Михаил Дремин, взлохмаченный, неряшливый с виду гигант, первый силач среди медиков, который мог и подкову согнуть одной рукой, и перекреститься двухпудовой гирей. За Михаилом шла слава "нигилиста" и неисправимого циника и насмешника, но Александр знал, что на самом деле он нежный брат и сын и вообще добряк.

Нагнувшись к лампе, новый гость что-то быстро набрасывал карандашом в небольшом альбомчике, в то время как остальные вытягивали шеи и теснились ближе к столу.

- Вон там, в горах, - говорил гость, - я жил в этаким вот сельском домике - белом, с зелеными ставнями. Климат благодатный, земля плодородная. Но, сказать вам по правде, господа, - тут гость выпрямился и оглядел столпившихся кругом, - сказать вам по правде, я предпочел бы для нашей цели не легкие земли, а такие, как например, в Сицилии. Камень, сушь или гнилое болото. Чтоб человек мог упражнять свою волю, доказать свое упорство, пригодность к любой борьбе.

Александр восторженно и с особенным интересом посмотрел на гостя. Слова "упорство и воля" немедленно нашли в нем отклик.

- Э, да вы, Лев, просто-таки отличный пейзажист! - сказал Тривратский, рассматривая рисунок в альбоме. - Какой прелестный вид!

И альбомчик стал ходить по рукам, пока не попал к Павлу с Александром. Александр увидел карандашный набросок - легкий и поэтический: горы, тонушие в дымке, дорогу и на переднем плане прилепившийся к скале бедный домик, возле которого играли дети.

- Прекрасно! Право же, прекрасный рисунок! - продолжал хвалить Тривратский.

Гость только пренебрежительно махнул рукой.

- Какой я художник! Так, при случае, балуюсь, как все. А этот вид мне просто очень запомнился.

- Кто это? - шепотом спросил Александр у Павла.

- Лев Мечников, - таким же шепотом отвечал младший Дремин. - Помнишь, нам харьковские студиозусы о нем рассказывали. Он у них там был за жоака, когда они устраивали обструкцию профессорам. Наш Тривратский от него без ума...

Александр тотчас вспомнил фамилию "Мечников" и все, что с ней было связано. Он тоже слышал, что Мечникова исключили из Харьковского университета за "либеральный образ мыслей". Из Харькова Мечников перекочевал в Петербург, в Медико-хирургическую академию, но и там не задержался. Живой, переменчивый, увлекающийся, он нигде не мог осесть надолго. Страсть к живописи привела его в Академию художеств. Там с ним и познакомился Тривратский и вот уже несколько месяцев мог говорить только о своем новом приятеле. По его словам, это был настоящий феномен. В свои двадцать два года Лев Мечников знал чуть ли не двенадцать языков, в том числе несколько восточных, побывал в Константинополе, Афоне, Иерусалиме, объездил всю Италию. До академии он, оказывается, служил переводчиком в русской миссии в Палестине и Малой Азии, однако повздорил там с начальством, подрался с кем-то на дуэли и вынужден был уйти со службы. В Бейруте Мечников поступил было торговым агентом на корабль, но, доехав до Венеции, снова увлекся живописью и бросил корабль и работу агента. Венеция в то время вела борьбу с австрийцами за свою независимость. Разумеется, Лев Мечников не мог остаться в стороне. Забыв о живописи, он бросается в самое пекло сражения, дерется с австрийцами. Тривратский, который с восторгом перечислял все приключения своего нового приятеля, уверял, будто Мечникова разыскивают по всей Европе австрийские жандармы. Было это правдой или Тривратский, увлекшись, сильно преувеличивал, неизвестно. Однако всем было ясно: Лев Мечников человек действительно незаурядный, отважный и романтический.

Тривратский явно гордился тем, что приготовил такой новогодний сюрприз и дружит с таким "идейным". Между тем Павел продолжал шепотом рассказывать Александру то, что знал о Мечникове.

- У него младший брат есть, тоже, говорят, необыкновенный. Говорят, громадные способности у мальчика еще в гимназии были не то в зоологии, не то в антропологии. А Лев приехал сюда неспроста. Он теперь, видишь ли, задумал основать в Италии коммуну. Не такую, как наша, а настоящую, всерьез. Всем жить своим трудом, самим землю обрабатывать. Инвентарь,

скот, дом - все общее, прибыли, какие будут, тоже поровну делить. А главное - приучаться к труду, к настоящей жизни, смешаться с народом, узнать его нужды. Чтобы не быть беспомощными белоручками, когда здесь, у нас, придет пора. Кажется, Мечников в Италии уже присмотрел участок, а теперь ищет себе подходящих товарищей.

Александр слушал затаив дыхание; то, что рассказывали о Мечникове, что говорил он сам, было так увлекательно, так поражало воображение! И эта девушка рядом, похожая на послушника. Как она смотрит на своего спутника!

В разговоре Лев иногда обращался к девушке, но вообще было заметно, что преданность ее он принимает как должное и уже привык к ней.

- Что же, Мечников, удалось вам подобрать себе товарищей для вашей коммуны? - обратился к гостю Михаил Дремин. - Смотрите выбирайте с осторожностью. А то наберете неженков да белоручек, так потом хлопот не оберетесь, - прибавил он с усмешкой.

Александр, мнительному, как все очень молодые люди, показалось, что Михаил именно его имел в виду, говоря о белоручках. Он вспыхнул, но промолчал.

- Кое-кого я присмотрел, - отвечал Мечников. - Да, кроме людей, нужен еще капитал, хотя бы небольшой, для начала. Я собираюсь съездить на Харьковщину, к родственникам, собирать там немного денег.

- На такое дело надо общественные средства собирать, - подхватил с воодушевлением Сергей Тривратский. - Мы, хоть и голь перекатная, а тоже на что-то сгодимся.

- Еще бы! - кивнул Мечников. - Но до чего же полезно бывает иногда отсутствовать, господа! - продолжал он своим бархатистым южным говорком. Вот я вернулся в Россию, и глаз мой как будто освежился. Могу сравнивать, могу делать заключения. И теперь вижу ясно, что мы, северяне, с нашей любовью к мечтаниям и философствованию, ничего не достигнем. Перемен никаких, одни прожекты. А вот в Италии народ захотел свободы - и тотчас взялся за оружие.

- Удалось ли вам, по крайней мере, повидать знаменитого итальянского героя - Джузеппе Гарибальди? Помните, как высоко ставит его Герцен, как восторженно о нем пишет? - обратился к Мечникову один из медиков.

- Герцена я, разумеется, читал, как читал почти все относящееся до Гарибальди, однако самого его видеть мне, к сожалению, не привелось. Я был в нескольких схватках с австрийцами, и вместе со мной дрались товарищи Гарибальди, но он в это время находился в Пьемонте. А я так

мечтал встретиться с Гарибальди! На мой взгляд, это самый значительный человек нашего времени, - прибавил Мечников.

Он порылся во внутреннем кармане сюртука и бережно вынул что-то завернутое в шелковый платок.

- Вот, взгляните, - сказал он, разворачивая платок, - это портрет Гарибальди, который мне удалось тайно, за большие деньги, купить в Венеции.

Все увидели грубо отпечатанное изображение бородатого и длинноволосого человека средних лет, в венгерской шапочке и полосатом плаще, накинутом на одно плечо. Лицо человека выражало спокойную энергию.

6. ПОВОРОТ СУДЬБЫ

Александр с особенным чувством всматривался в Гарибальди: такой же портрет был у месье Эвиана, и швейцарец с восторгом рассказывал воспитаннику о герое Италии: он был уверен что именно Гарибальди освободит Италию от австрийцев и папистов и объединит разрозненные итальянские герцогства в единую страну.

- Те, кому выпало счастье знать Гарибальди, - продолжал между тем Мечников, - уверяют, что у него прекрасное, выразительное, женственно нежное лицо. Я видел сам, - Мечников все более воодушевлялся, - я сам видел, как его обожает народ. Ему отказывают состояния, ему жертвуют жизнью, тысячи людей встают под его знамена, потому что он - национальный герой и на него вся надежда народа. Да, итальянский народ достигнет того, чего хочет, не то что русский, - прибавил он с горечью.

- Неправда! - крикнул вдруг Александр. Кровь бросилась ему в лицо. Неправда это! У меня... У меня сегодня был человек из деревни. Русский человек, бурмистр. Слышали бы вы, как он говорил, что говорил... Какая сила у нашего народа!

Все обернулись на этот задыхающийся, взволнованный голос. Александр увидел студёные глаза девушки и удивленно-доброжелательное лицо Мечникова.

- Вот было бы замечательно, если бы у нас в России явился свой Гарибальди! - сказал Лев, приветливо глядя на Александра. - Пожалуйста, расскажите же нам, что говорил ваш бурмистр.

Александр сразу сделался центром общего внимания. Михаил коротко представил его гостям. Девушка-монашек не спешила подавать ему руку.

- Генерал Есипов, каратель солдат, вам не родственник? - сурово спросила она, осматривая его с головы до ног.

Александр залился краской.

- Отец, - пробормотал он еле слышно.

- Кажется, мой батюшка знаком с вашим, - сказал своим приятным голосом Мечников. - Во всяком случае, я от него слышал не однажды вашу фамилию.

- Ну, на этот раз яблоко от яблоньки далеко упало, - вмешался Михаил, подмигивая Есипову. - Можете не беспокоиться, Лев, и вы, Наталья Андреевна, - обратился он к девушке. - Есипов - наш, совершенно наш. - Он кивнул Александру: - Рассказывай, рассказывай, брат, не мешкай.

Александр, донельзя смущенный тем, что приходится говорить при этой удивительной девушке (Мечникова он уже несколько не стеснялся, наоборот ему было приятно при нем рассказывать), передал свой разговор с Никифором. Слова Никифора о том, что "народ ждет, ждет, да и устанет ждать", вызвали шумный восторг. Сергей Тривратский и Павел Дремин закричали "ура" и полезли обнимать Александра. Мечников весело потер руки, и даже Михаил проворчал: "Ага, вот это уже на дело похоже". Одна только девушка-монашек оставалась молчаливой и как будто безучастной.

- А вы что же, Натали, никак не откликаетесь? - наклонился к ней Мечников. - Неужто вас не радует такое пробуждение народа? А ведь недавно только говорили, что дали бы себя сжечь на костре, лишь бы добиться раскрепощения для крестьянства.

Девушка угрюмо отстранилась:

- "Говорила, говорила"! Мало ли что я говорила. Это все глупости, детские мечты! А дойдет до настоящего дела, так нам, женщинам, и сунуться не дадут! Наше дело - вязать, салфеточки вышивать...

Она метнула горький и сердитый взгляд на тех, кто стоял кругом, как будто все были виноваты.

Мечников покровительственно похлопал по ее сжатому кулачку.

- Ну полно, полно, не огорчайтесь слишком. К тому времени, как у нас произойдет революция, русские женщины добьются многих прав.

Он обратился к Александру:

- Моя родственница Наталья Андреевна Осмоловская принимает очень близко к сердцу все, что происходит сейчас у нас в России. Быть простой зрительницей ей невыносимо. Она мечтала изучать медицину, чтоб помогать народу, но тут вмешался ее отец. Он, видите ли, и слышать не желает о женской эмансипации. Когда Натали остригла косу, это вызвало целый взрыв в семье. До сей поры отец с ней не разговаривает.

Александр с еще большей симпатией посмотрел на склоненную темную головку в пышной шапочке волос: так и ее отец - деспот? О, как он понимал Натали!

Мечников между тем горячо толковал о чем-то с Михаилом. Михаил хмурился, но кивал.

- Теперь вы видите, господа, как нам необходима серьезная подготовка, - обратился Мечников к остальным. - Моя идея коммуны вовсе уж не такая утопия, поверьте.

- Да кто говорит про утопию! - еще больше нахмурился Михаил. - Были бы мы свободны, тотчас отправились бы с вами. За себя, например, ручаюсь. И за брата тоже.

- Эге, на таком, как ты, вся коммуна могла бы пахать, - засмеялся Тривратский. - Стало быть, Лев, дело только за охотниками?

Сердце вдруг забилось, затрепыхалось в Александре где-то возле самого горла. Он облизнул вмиг высохшие губы. Вот когда можно сделать что-то настоящее! Если он упустит минуту - грош ему цена.

- Я... я поехал бы. Если, конечно, вы сочли бы возможным... Если бы сочли, что я вам пригожусь, - сказал он задохнувшись. - Я... я мог бы вложить все, что имею, что получу после покойной моей матери. Правда, это очень мало, сущие пустяки, но я мог бы... хотел бы работать...

Александр страшно волновался, почти не слышал самого себя. Ему казалось, что он несет какую-то чушь.

- Ага, вот уже и волонтер нашелся! - закричал Сергей Тривратский. Ай да молодчина, Александр!

Мечников, улыбаясь, смотрел на "волонтера". Принимать ли всерьез слова этого юнца? Совсем еще зеленый мальчишка. Но взгляд упорный, и чувствуется в нем огонь. А мальчишка, торопясь, задыхаясь, боясь, что ему не поверят, перечислял, что он может вложить в общий "котел". Через два года у него будут собственные деньги - наследство от матери, на них можно приобрести инвентарь и скот, да и сейчас у него уже есть немного денег. А потом, у него здоровые мышцы, он фехтует, он ездит верхом, не побоится и тяжелой работы...

- Это правда. Александр вовсе не белоручка, - подал голос Павел Дремин. - Третьего дня на пожаре он один целые балки носил. Мы даже удивлялись, какой он силач... И товарищ он хороший, вот хоть их спросите, - указал он на Тривратского и Михаила.

- Постой, а как же папенька-генерал? - перебил брата Михаил. - Ведь он небось, как узнает, что сынок вошел за границей в коммуны, все Третье отделение пошлет на розыски, ничего не пожалует.

- Не беспокойтесь, - сказал вдруг Мечников. - На господина Есипова мы моего отца напустим. Уж он сумеет его уговорить. Пускай на первый случай скажет, что мы просто хотим вместе путешествовать по Италии.

Так? - Теперь он уже ласково и серьезно смотрел на Александра.

- Да он порвал с отцом. Больше не вернется домой, - снова вмешался Павел Дремин. - Александр будет жить у нас, Михаил, - повернулся он к брату.

- Вот чудачина! - засмеялся тот. - Ты что, оглох? Ведь слышишь же: он собирается жить не у нас, а в настоящей, итальянской коммуне. Это будет получше, чем наша общая кухарка!

Александр еще не мог поверить нежданному счастью. Он оглядывался на всех ошалелыми и восторженными глазами. И вдруг увидел Наташу Осмоловскую. Она смотрела с такой безмерной любовью, так скорбно! "А я? Неужто ты не возьмешь меня с собой?" - спрашивал-молил этот взгляд, обращенный к Мечникову.

Но Мечников либо не замечал этой мольбы, либо не хотел ее заметить. Он обратился к Александру:

- Гарибальди всегда говорит своим новичкам-волонтерам: "Я не могу обещать тебе ни почестей, ни богатой добычи. Тебя ждут голод и жажда, холод и зной". Те же слова я могу повторить и вам. Не испугаетесь?

- Не испугаюсь, - твердо отвечал Александр.

- Не отступите перед трудностями? - Мечников уже не шутил, смотрел серьезно.

- Не отступлю. Вот вам моя рука, Мечников! - И Александр протянул свою узкую мальчишескую руку.

- Ура! Да здравствует русская коммуна - форпост свободы! оглушительно завопил Тривратский. - Выпьем братцы, скрепим договор!

- Выпьем! За свободу! - подхватили "мухи". - Ура членам коммуны!

- За Новый год! За новые свершения! - надрывался Тривратский.

- За свободу в России! - перекрыл всех бас Михаила Дремина.

Он вытащил откуда-то бутылку, выбил пробку. Пенистое вино плеснулось в стаканы. "Мухи" стучали изо всей силы стаканами по столу и выкрикивали тосты. Все чокались, все беспорядочно и весело галдели. Александр целовался то с братьями Дремиными, то с "мухами". Его заставили выпить с Мечниковым на "наменшафт", и теперь он уже называл его Львом, а тот его Александром. В низенькие окна смотрела морозная седая петербургская ночь. А в углу "студии" стояла позабытая хрупкая фигурка в черном - девушка, похожая на послушника.

РИМ

7. РИМСКИЙ ПАСТУШОК

Уже несколько дней, как перестал дуть ледяной ветер, словно перерезающий людей пополам. С моря потянуло теплом, ленивые облака

поплыли по разомлевшему небу, и жаворонки высоко завели свои песни. И сразу в мертвых до того лесах выскочили из шоколадной земли мохнатые лиловые анемоны и асфодели, похожие на канделябры розовых свечей.

На холме у каменной изгороди виноградника удобно расположились Александр и Лев, уже успевшие загореть и потерять петербургскую чопорность манер. Александр улегся на клочок свежей травы, даже не подстелив пледа. Шла уже третья неделя с тех пор, как юноши приехали в Италию, а молодой Есипов все еще ходил, как в тумане, все еще не мог привыкнуть к мысли, что он на римской земле и видит воочию пробуждение удивительной итальянской весны.

А весна и впрямь была удивительна! В еще голых розоватых каштановых лесах просыпались птицы и цветы, сухие прошлогодние стебли шелестели среди острых язычков новой травы. Начинали серебриться оливковые деревья, а вода в ручьях и в Тибре была рыжей и мутной по-весеннему. В лилово-голубых горах пятнами лежал снег. И в легкой дымке вдаль проступал огромный даже на расстоянии купол собора Святого Петра.

Итальянская весна несла Александра Есипова, как несет бурный весенний поток легкое деревце, вырванное с корнем из родной почвы. Новые впечатления, новые чувства обступали его со всех сторон, и он захлебывался в этом потоке.

Коммуна, долгие ночные споры с Мечниковым об уставе коммуны, о выборе наиболее пригодного места, сидение над географической картой Италии, новые знакомые, великие произведения искусства...

Но среди всего нового, что увидел и почувствовал Александр в Италии, одно было самым важным: он полюбил.

Это случилось здесь, в Риме. Когда именно и как это началось, Александр не мог бы объяснить. С первой же минуты он знал это - любовь поглотила его всего. Отныне все, что окружало его, - памятники архитектуры, великолепие солнца, цветов, ароматов - сделалось как бы фоном, на котором то отчетливее, то бледнее сияло женское лицо с гордой золотой головой, с умными, смелыми, единственными в мире глазами.

Для Александра Рим стал городом его любимой, весна - ее весной, птицы, краски, смеющиеся люди - все-все принадлежало только ей и было особенно дорого. Она была его тезкой, и как же он шептал теперь каждую минуту "Сашенька", как содрогался при одной мысли, что когда-нибудь, во сне, проговорится и выдаст Льву свою великую, дорогую тайну!

Вот и сейчас, лежа на холме и глядя на голые виноградные лозы за каменной изгородью, он повторял про себя: "Сашенька". Острый запах

примятой травы наполнял его невыразимым счастьем. Весна! Весна! Узкая тропинка вела в селение - десяток белых домишек с зелеными ставнями и розовой черепицей крыш. Зеленое, розовое, шоколадно-коричневое, и надо всем этим - масляный блеск солнца!

Мимо шло стадо грязно-белых овец. Несколько пастухов то и дело останавливались, чтобы поставить на слабые ножки новорожденных ягнят.

- Эй, рагаццо, поди-ка сюда! - окликнул Лев одного из пастухов. Присядь-ка вон на тот камень и посиди спокойно несколько минут - получишь целую лиру. - Он повернулся к Александру: - Взгляните на этого плутишку. Едва он взял на руки ягненка, как тотчас стал как две капли воды похож на сладкие изображения Иоанна Крестителя. И ведь понимает, мошенник, что художник непременно соблазнится подобным сюжетом. Недаром он здесь остановился и принимал живописные позы... Вот я возьму да и сделаю нарочно из него не Крестителя, а простого овечьего пастуха.

И Лев стал раскладывать походный этюдник, вынимать холст, уголь, краски, между тем как пастушонок, не выражая ни удивления, ни интереса, уселся на камень и стал гладить своего белоснежного ягненка.

- Как тебя зовут? - спросил Александр, который за последние недели научился уже кое-как объясняться по-итальянски.

- Лука, - сказал пастушонок.

Чумазый, одетый в козью безрукавку и заплатанные штаны, он держался очень непринужденно. У него было смышленное и живое лицо уличного римского мальчишки, и для Крестителя он явно не подходил.

- Ага, Лукашка, значит, - засмеялся Александр. - Ты из этого села, Лукашка?

- Si, signor.

- Где твои родители?

- Мать умерла, а отец пасет скот, как и я, синьор.

Пока Александр разговаривал с пастушонком и с некоторым усилием разбирался в его римском диалекте, Лев Мечников успел уже набросать его портрет почти в натуральную величину, с мордочкой ягненка, выглядывающего из-под руки мальчишка. Фоном пастушонку служили голубые тающие горы. Весь рисунок был так легкий, так естественно передавал живую прелесть оригинала, что Александр невольно ахнул.

- Какие удивительные успехи вы сделали, Лев!

Мечников покраснел от удовольствия.

- Так, значит, не худо нарисовано? - Он прищурился, рассматривая набросок сквозь кулак. - Вот тебе, бамбино mio, даже не одна лира, а две, -

поманил он мальчугана. - Позировал ты на славу.

Лукашка солидно взял деньги, прикусил одну монетку блестящими белыми зубами, но не торопился уходить. Внимательно и серьезно он рассматривал свое изображение.

- Ну как? Нравится? - не выдержал Мечников.

Мальчик кивнул, не отводя глаз от портрета:

- Очень красиво, синьор. Только это не я.

- Не ты? Как - не ты? Что же, ты не узнаешь самого себя?

Пастушонок упрямо стоял на своем.

- Не я, синьор. Я Лука Скабиони, простой парень из Романьи, а у вас на картине показан сам святой Джованни, как он сидит в нашей церкви. Весной мы носим ему цветы, чтобы наши овцы ягнились.

Лев захохотал так, что чуть не опрокинул этюдник.

- Нет, вы только послушайте этого мошенника, Александр! - закричал он, хохоча. - И ведь он правду говорит, сущую правду! Мне так и не удалось вырваться из здешних традиций - святой Джованни меня взял-таки в плен!

Миг - он схватил нож и крест-накрест перерезал холст.

Лука вскрикнул, да и Александр не мог удержаться от восклицания, хотя за время путешествия он успел уже привыкнуть к неожиданным поступкам Мечникова.

- Зачем, зачем вы уничтожили такую прелестную работу? - закричал он с упреком.

Лев беспечно махнул рукой.

- Э, к черту эту сладкую мазню! Напишу что-нибудь получше, что-нибудь стоящее... - Он погладил мальчика по плечу. - Лука Скабиони, я нарисую твой настоящий портрет. Будешь мне позировать еще?

- А кто же будет пасти овец, синьор? - солидно спросил пастушок.

- А мы вот кого заставим. - Лев шутливо ткнул кистью в Александра. Мой товарищ, Лука, клялся мне еще в России, что не боится никакой работы и готов взяться за любую.

Александр покраснел. Ему почудился в шутке Льва скрытый упрек. Но где же было ему приложить свои силы? До сих пор они путешествовали, осматривали вместе памятники архитектуры, и Лев как будто вовсе охладел к своему проекту коммуны. Между тем Лука серьезно оглядывал Есипова.

- Синьор, наверное, очень сильный, - сказал он наконец. - Наверное, почти такой же сильный, как мой отец. Но пасти овец надо умеючи. Кто учил синьора? Его отец?

Александр был почему-то неприятен этот разговор. Невольно он

вспомнил отца. Несчастные овцы - солдаты, попавшие в руки такого страшного пастуха!

Мечников чутьем угадал настроение товарища и поспешил переменить тему. К тому же из деревни вдруг потянуло запахами свежего хлеба и оливкового масла.

- Ух, как славно пахнет, и до чего же я проголодался! - воскликнул он, приносиваясь. - Александр, а что, если нам спуститься в селение и поискать там какую ни на есть трагторию?

Александр тоже признался, что голоден. Лукашка, уловив слово "трагтория", вызвался проводить их к "дяде Пьетро", который держал в деревне нечто вроде гостиницы с кабачком.

8. ГАРИБАЛЬДИЕЦ ПУЧЕГЛАЗ

Все трое спустились с холма на деревенскую улицу. В этот утренний час люди были в поле или на виноградниках, и на улице рылись в песке только смуглые голые ребятишки, свиньи да козы. Впрочем, у заведения "дяди Пьетро" - полулавчонки, полухарчевни - какой-то крестьянин в грубой синей одежде, с золотой серьгой в ухе сыпал проклятиями на всю улицу и нещадно колотил палкой невозмутимого белоухого осла.

- Я тебе покажу, как упрямитесь, рогсо Madonna! Я из тебя выбью навеки твою проклятую лень! - вопил он изо всей мочи, аккомпанируя себе ударами палки.

Александр не вытерпел и кинулся на выручку белоухому.

- Не смей его бить! Сей же час брось палку! Перестань, как тебе не стыдно! - закричал он крестьянину.

Тот не спеша оглянулся.

- А я и не знал, что у моего осла здесь родственники, - хладнокровно промолвил он и опять принялся тузить осла, приговаривая: - Кланяйся родственнику, скотина! Благодарю родственника за то, что он заступает, проклятый осел!

Лука зафыркал. Однако Александру было не до смеха: он уже собирался вырвать у крестьянина палку и поколотить его самого, как вдруг Лев удивленно и радостно воскликнул:

- Ба! Кого я вижу! Лоренцо! Сам Лоренцо Пучеглаз! Да как ты сюда попал, дружище? Ведь в последний раз мы с тобой виделись как будто у Комо? Помню, помню, как ты чистил у костра свой карабин и клялся продырявить сотню австрийцев... Вот, Александр, рекомендую - Лоренцо, по прозвищу Пучеглаз, один из самых преданных бойцов Гарибальди, - наскоро объяснил он товарищу. - Мы с ним очень подружились в Ломбардии, при осаде Комо.

Между тем крестьянин, в свою очередь, взгляделся в Мечникова и просиял:

- Дева Мария! Святые ангелы! Синьор Леоне! Сам синьор Леоне, неустрашимый и непобедимый! Вот это праздник!

Он подбежал и обнялся с Мечниковым, продолжая повторять:

- Какой чудесный день! Какая встреча!.. Ну и повезло тебе, проклятая скотина! - обратился он к ослу. - Счастье твое, что я встретил своего товарища по дракам, а то пошла бы твоя шкура на барабан для Галубардо!

Лоренцо бросил палку, пинком подтолкнул осла к лужку позади трактории и повернулся к обоим друзьям:

- Вот и встретились, синьор Леоне, и встретились-то в нужную минутку!

Александр жадно вглядывался в первого увиденного гарибальдийца. Чуть ли не с первых часов пребывания в Италии он беспрестанно слышал кругом разговоры о Гарибальди и его бойцах. Одни называли гарибальдийцев горячими патриотами и беззаветными героями, другие с негодованием честили их бандитами и разбойниками. Но, как бы то ни было, почти всякий итальянец понимал, что свобода и независимость Италии во многом зависит от Гарибальди и его бойцов.

И вот теперь перед Александром стоял боец Гарибальди. Лицо, высушенное солнцем и ветром, резкие черты, курчавая черная борода с золотистым отливом. Из-под черного вязаного берета смотрят ярко-черные, очень выпуклые глаза, благодаря которым Лоренцо и получил свое прозвище. Одежда бедная, грубая, на ногах - подбитые гвоздями тяжелые башмаки. Зато в движениях живость, легкость, даже неуловимое изящество. Когда Лоренцо улыбнулся, точно солнце блеснуло - такая это была ослепительная, белозубая, открытая улыбка. Лев познакомил его с Александром как со своим ближайшим другом. Гарибальдиец сжал в своих темных ручищах руки Есипова и сказал полушутливо, полусмущенно:

- Уж вы, синьорино, не обижайтесь, что я породнил вас с моим ослом, только я терпеть не могу, когда вмешиваются в мои делишки. - Он кивнул на тракторию дяди Пьетро: - Зайдем? Надо же отметить такую чудесную встречу!

Три ступеньки, сложенные из дикого камня, вели в низкую и темную комнату с земляным полом. Несмотря на то что жаркое время года было еще далеко, вся комната была полна мух и мушиного жужжания. Пахло кислым вином и прогорклым маслом. За прилавком в глубине дядя Пьетро, сутулый и рыжеусый, луцил головки чеснока и мурлыкал что-то себе под нос. В распахнутую дверь позади стойки были видны руины античного

водопровода полуразрушенная арка, сквозь которую просвечивали небо и четкий силуэт зонтичной пинии - единственного дерева в этих местах.

Два монаха сидели за грубо сколоченным столом в углу и пили мутноватое кьянти. Один был толстый, грузный, с неряшливой тонзурой, которую он то и дело отирал большим клетчатым платком. У другого, совсем еще молодого, широкие брови нависали над тонким горбатым носом. Он быстро, пронзительно, как дикая птица, глянул на вошедших и стал левой рукой наливать вино из оплетенной соломой бутылки.

- Где я видел этого левшу? - пробормотал Лоренцо, приглядываясь к молодому монаху. - Очень он мне знаком...

Он велел хозяину принести тоже кьянти, и все уселись поближе к двери, чтобы не так досаждали мухи.

На столе появились пузатая бутылка и четыре стакана.

Да, стаканов было четыре, потому что дядя Пьетро поставил стакан и для Луки: ведь пастушонок пришел вместе с синьорами и теперь находился в trattoria на правах гостя. Однако он не выпил ни капли - не до того ему было. С той минуты, как мальчик услышал, что перед ним - гарибальдийский солдат, что Лоренцо хорошо знаком с самим легендарным генералом Галубардо, он так же, как Александр, не сводил с него глаз, ни на шаг не отходил и боялся пропустить слово.

9. В ТРАТТОРИИ ДЯДИ ПЬЕТРО

- Вы знаете, синьор Леоне, как наши бойцы верят Галубардо, как ему преданны, - приглушенным голосом начал Лоренцо, когда все присутствующие, кроме Луки, выпили за удивительную встречу старых друзей. - Если народ и надеется, что кто-то наконец освободит Италию от чужаков, объединит всех итальянцев, то этот "кто-то" только один - генерал Галубардо. Он написал в воззвании: "Кто не возьмется за оружие, тот либо изменник, либо трус", и он прав, тысячу раз прав! - Лоренцо крепко пристукнул кулаком по столу. Я сказал вам, синьор Леоне, что вы и ваш друг встретились мне в нужную минуту. Я не зря так сказал. И не случайно вы меня встретили, синьоры, здесь, под Римом. Никогда нога моя не ступила бы на землю пап и попов, если бы не было у меня здесь важного и срочного дела. А какое это дело, вы, синьор Леоне, догадайтесь сами. Ведь недаром у нас в роте не было никого учнее и умнее вас. - И Лоренцо шлепнул себя по лбу и хитро подмигнул Льву.

У того вдруг заиграли и заблестели глаза.

- Как! Неужто опять в поход? Опять военные дела? Снова Гарибальди собирается показать миру свою силу?

- Тсс!.. Синьор, не надо так громко. Шпионы-церковники так и кишат...

- Лоренцо покосился на монахов.

Но те, казалось, совсем захмелели и что-то гнусаво рассказывали друг другу. Пучеглаз успокоился, сложил крестом большие пальцы обеих рук и с жаром их поцеловал.

- Клянусь этим святым знаком, вы догадались, синьор. Это так. Генерал, да благословит его святой Джузеппе, его покровитель, опять собирает людей, опять посылает нас, своих старых боевых товарищей, сзывать всех, кому дорога Италия. Вот почему вы встретили меня здесь, синьоры, торжественно закончил свою речь Лоренцо.

Мечников спросил с интересом:

- Но с кем же на этот раз собирается сражаться Гарибальди - снова с австрийцами, Бурбоном или папскими войсками?

Лоренцо яростно затеребил свою серьгу.

- У Галубардо чистая душа, простая душа, синьоры. Он уверен: стоит ему разделаться с Бурбоном, с австрияками и папой, как Италия будет едина и свободна. Но мы-то с вами, синьор Леоне, - он нагнул к Мечникову, - мы с вами знаем, что не все так просто. Помните, синьор, какую ловушку подстроили генералу у Лонато?

Мечников удивленно поднял брови:

- Ловушку? Я слышал, будто король Виктор-Эммануил послал Гарибальди с полутора тысячами бойцов на Лонато, а там вдруг оказался главный штаб двухсоттысячной австрийской армии и Гарибальди со своими бойцами очутился в тисках. Но я полагал, это была стратегическая ошибка или разведка у короля Виктора-Эммануила никуда не годна.

- Ошибка? Ого-го! Разведка?! - Лоренцо с негодованием прищелкнул пальцами, а дядя Пьетро вышел из-за стойки и подошел к их столу, чтобы лучше слышать. - Как бы не так! Это была западня, синьоры, ловушка, самая настоящая ловушка, чтобы уничтожить всех наших, а может, и самого генерала...

- Постой, постой Лоренцо, почему же... - начал было Мечников.

- А потому, - раздраженно сказал Лоренцо, - потому, что наш Галубардо и все мы - как бельмо на глазу у больших итальянских господ! Да вот, спросите хоть Пьетро, - он пальцем ткнул трактирщика в живот, - он тоже вам скажет, что господа нас боятся.

Дядя Пьетро кивнул и задумчиво почесал живот под грязным фартуком.

- Галубардо - для нас, для простых людей, а не для знати. Знатные да богатые его не очень-то любят.

- Вот-вот. Они боятся, что мы приведем с собой за руку революцию,

подхватил Лоренцо. - Генерал наш - великий полководец. Когда им плохо, они зовут его на помощь, но, едва только он расправится с врагами, они не прочь с ним покончить.

- Ого, этот вчерашний крестьянин, оказывается, отменно тонко разбирается в политике! - сказал по-русски Александру Мечников. - Он прав: здешние нобили терпят Гарибальди, пока он им нужен, но генерал для них опасен. С ним народ, и втайне они были бы рады от него избавиться.

- Лев, спросите, бога ради, вашего знакомого, с кем и где будет драться Гарибальди, - нетерпеливо перебил друга Александр.

Он с трудом сдерживался. Новые мысли, новые планы начинали в нем кипеть, волноваться. Еще месье Эвиан рассказывал своему воспитаннику о Гарибальди, с увлечением читал о его победах, и Александр давно заочно восторгался великим итальянцем. И та, которая с недавних пор владела сердцем Александра, называла себя верной гарибальдийкой, она тоже мечтала служить Гарибальди. В словах Лоренцо, простого солдата, ослепительным светом засиял образ героя - борца за свободу, легендарного храбреца. И в этом свете как-то сразу померкла, потускнела скромная идея коммуны, побледнели мечты о труде на земле, о простой жизни на природе, о мозолях, набитых плугом. Нет, Александр не был ни легкомысленным мотыльком, ни искателем приключений. Просто его, как всех юношей, манили к себе благородные дела во имя свободы, высокие идеи, подвиги... И потому он так нетерпеливо ждал ответа Лоренцо.

10. ПУЧЕГЛАЗ ВЕРБУЕТ ОХОТНИКОВ

- Так объясни мне, amico mio, с кем нынче намерен сражаться наш Гарибальди? - снова перейдя на итальянский, спросил Мечников. - Ходили слухи, будто он уехал к себе, на остров Капреру, и решил навсегда покончить с походами и сражениями.

Лоренцо, который расплылся в улыбке при словах "наш Гарибальди", энергично стукнул кулаком по столу:

- Santo diavolone! Что придумали! Да разве генерал усидит на Капрере, если он узнает, что где-то его народ бедствует, что бурбонские шпионы и жандармы выслеживают и пытаются патриотов, что народу уже и дышать невозможно! А где хуже всего живет народ? - со страстью спросил Лоренцо и сам тотчас же ответил: - Хуже всего ему живет на моей родине - в Сицилии, вот где! Народ там дошел до крайности. Верные люди дали знать генералу, что достаточно одного его знака, чтобы поднялась вся Сицилия...

- Ага, значит, поход в Сицилию? Правильно я тебя понял, друг

Лоренцо?

Лев спрашивал небрежно, даже чуточку насмешливо, но Александр, уже начавший разбираться в настроениях своего нового друга и попутчика, видел, что и Мечников всерьез заинтересован рассказом гарибальдийца.

- Так, синьор, так, - закивал Лоренцо.

- Но когда, когда же это будет? Quando? Quando? - не вытерпел Александр.

Лоренцо понимающе глянул на юношу. Его выпуклые глаза, казалось, заблестели еще ярче.

- Скоро, очень скоро. Как только соберем оружие и людей, как только генерал скажет: "Вперед! Avanti!" Люди готовы. Осталось только раздобыть еще оружия и немного денег, и тогда генерал тотчас же подаст знак. - Он повернулся к Мечникову. - Avanti, синьор Леоне, avanti!

- Не понимаю, Лоренцо, что ты хочешь этим сказать, - со смехом отвечал Лев.

- А вот и понимаете, отлично понимаете! - с жаром подхватил Лоренцо. - Мы с вами славно сражались с австрийцами под Комо, и я своими глазами видел, как вы не жалели себя и бросались в самое пекло. Вы говорили мне тогда, что ваша Россия очень далеко, что там у вас всюду снег и лед, но что русские - люди с горячей кровью и, как итальянцы, тоже хотят свободы. И вы сражались за нашу страну, как будто вы настоящий итальянец. Но, может быть, вы изменились с тех пор, синьор Леоне?

- Нет, я не изменился, Лоренцо, - улыбаясь, отозвался Мечников.

- А если так, синьор Леоне, если вы и вправду остались таким, как были, то сейчас, когда в Сицилии будет решаться судьба всей Италии, всего нашего народа, вы не сможете вот так смотреть на это издали или сидеть и рисовать свои картинки! Вы пойдете с нами, синьор Леоне, со мной, с генералом, со всеми вашими прежними товарищами. И мы вместе навсегда прогоним проклятых бурбонцев! - И Лоренцо так пристукнул кулаком по столу, что подскочила оплетенная соломой бутылка.

- Ого, вот это оратор! - воскликнул, хохоча, Мечников. - Ай да Гарибальди - знал, кого послать за волонтерами! Клянусь, Александр, час назад я думал только о косах да о лопатах для нашей коммуны, а этот Пучеглаз так меня разбередил, что впору завтра же взять ружье в руки и идти под знамена Галубардо... Ба-ба-ба, что я вижу! - Мечников близко нагнулся к лицу Александра. - Щеки горят, глаза мечут молнии, дыхание прерывистое. Я же был медиком, эскулапом, вот мы тотчас и определим ваше заболевание. Ну-ка, ну-ка, дайте ваш пульс, дорогой пациент! - Лев, дурачась, охватил пальцами запястье Александра. - Так и есть! "Febris

Belli", иначе говоря - лихорадка войны. А в переводе это означает, что Есипову-младшему до страсти захотелось попасть к гарибальдийцам!

- А вы сами, Лев, вспомните, что вы сами только что говорили, пытался защититься Александр. - И потом, если вдуматься хорошенько, наша коммуна - это отличное, благородное дело для пользы народной, но и сражаться за свободу Италии - это тоже дело для народа и, конечно, конечно же, это большая честь для каждого. А для меня и для вас, Лев...

Александр окончательно смешался и замолчал, но на лице у него была написана такая решимость, что Мечников понял: никакие уговоры уже не подействуют на товарища. Впрочем, Лев и не мог бы отговаривать Александра: он и сам ощущал нетерпеливое желание снова присоединиться к гарибальдийским войскам. Но он был старше и хотел еще раз, зрело все обдумать. К тому же он отвечал за судьбу молодого Есипова. Поэтому он сказал:

- Прошу вас, Александр, не принимать пока никаких решений. Мы вместе, не сгоряча все это обсудим.

Потом повернулся к Лоренцо, который лукаво, с понимающим выражением, следил за всем разговором.

- Ты не напрасно явился сюда, в папскую область, Пучеглаз. Во всяком случае, одного волонтера тебе здесь, кажется, удалось завербовать.

- Двух, - хладнокровно отвечал Лоренцо и поднял выразительным жестом два пальца правой руки. - Двух, считая вас, синьор Леоне.

- Трех, - раздался вдруг трепещущий голос.

Все с удивлением оглянулись. Лука, весь пунцовый, испуганный своей смелостью, тянул Лоренцо за рукав.

- Синьор, синьор, скажите, берет генерал мальчиков? Я тоже хочу к вам в отряд. Я ничего не боюсь, синьор, я взбираюсь на самые крутые скалы, я умею стрелять, умею лазить по деревьям. Вот, поглядите!

И прежде чем могли его остановить, Лука выбежал из траттории, подскочил к высокой пинии, росшей посреди деревенской улицы, и, обезьяньи перебираясь с ветки на ветку, вмиг добрался до вершины.

Монахи, совсем было заснувшие за столом, подняли головы.

- Я уже здесь, синьоры. Я вижу отсюда Рим! - раздался слегка запыхавшийся голос Луки. - Я могу быть разведчиком, синьоры.

- Ладно, ладно, слезай оттуда, да смотри не сверни себе шею, а то твой отец зарежет меня! - закричал Лоренцо и гордо посмотрел на русских: Видите, какие у нас, в Италии, растут дети!

Лука уже входил в тратторию.

- Как вы думаете, синьор, подойду я генералу? - снова с волнением

обратился он к Пучеглазу.

- Гм!.. генерал зовет к себе патриотов, - пробормотал Лоренцо, не зная, что ответить мальчугану.

- Так я же патриот! Я всегда был патриотом! - закричал, чуть не плача, Лука. - Вот спросите хоть дядю Пьетро, как я провел недавно одного папского жандарма. Он спрашивал дорогу на Фраскати, а я послал его совсем в другую сторону.

- Ух, мальчишка, втянешь ты нас всех когда-нибудь в беду! - проворчал дядя Пьетро, опасливо поглядывая на монахов. - Если этот синьор жандарм когда-нибудь сюда вернется, он тебя славно взгреет!

- Пускай, я не боюсь! - тряхнул кудрями Лука.

Лоренцо сделал самую серьезную физиономию.

- Ого, раз ты такой патриот, может, ты нам и подойдешь, - сказал он. - Возможно, появится место барабанщика или вот эти синьоры, - он кивнул на обоих русских, - согласятся взять тебя в денщики. Словом, если ты меня хорошенько попросишь...

- О, синьор! - только и смог вымолвить потрясенный таким счастьем Лука.

11. ПАЛАЦЦО МАРЕСКОТТИ

Художники, которые приезжают из всех стран мира в Вечный Город, делятся на две категории. Одни - помоложе и победнее - непременно хотят жить в гуще народа, изучать его, искать среди народа подходящую натуру. Эти снимают конурку в кварталах бедноты, там, где с утра до ночи стоит неумолчный шум, где в узких, темных улочках кишмя кишит бедный римский люд, живой, насмешливый и неунывающий. Из окон в окна переговариваются соседи, над головами висит белье, визжат дети, ссорятся супруги, сапожник и столяр стучат молотками, медник колотит в медный лист. Из бесчисленных жаровен, вынесенных на улицу, идет чад и бьют в нос прохожему запахи лука и оливкового масла, рыбы и чеснока, и перца в томате, и еще тысячи запахов острой итальянской кухни. Полуголые ребятишки то и дело попадают под ноги, их братья и сестры постарше, оборванные, но независимые и полные чувства собственного достоинства, то бегают по мелким поручениям, то часами зевают на что-то, в то время как старшее поколение зевак отправляется на берег Тибра, плюет с моста Святого Ангела в рыжую воду и созерцает собственные плевки.

Художники постарше, обладающие уже именем и положением, избегают жить в таком шуме и тесноте. Эти выбирают тихие кварталы старого Рима, вроде Виа делла Пинья. Там на узкие улочки выходят окна старинных дворцов, то и дело попадает маленькая пустынная площадь с

фонтаном или цветником, церковь с колоколенкой, обширный и тоже пустой двор. На улочке то глубокий, колодезный сумрак, то слепящее солнце, обомшелые, позеленевшие от времени и сырости стены, садик с изгородью из буксуса и лимонных деревьев и великий покой и тишина.

Изредка пройдет монах в капюшоне или прачка с корзиной белья на голове; мягко покачиваясь, проедет коляска с важным кучером на козлах, прошмыгнет кошка и уляжется на теплых ступенях лестницы. И кажется, будто и кошка и солнце свернулись клубочком и одинаково нежатся и наслаждаются покоем.

На такой вот прелестной уединенной улочке, в бывшем палаццо Марескотти, находилась студия приехавшего из Петербурга художника Валерия Ивановича Якоби.

Якоби был известен как преуспевающий живописец, а в последнее время даже как "идейный" художник. Картина его "Привал арестантов" наделала шуму. Это было небольшое по размеру полотно.

Седые косматые тучи завихриваются на низком небе, по которому летит косяк журавлей. Журавли свободны, они могут умчаться прочь от бесприютных холодных мест, могут улететь к самому сияющему солнцу, а люди на земле закованы в кандалы. Обоз арестантов остановился в голое поле, у полосатого верстового столба. Стражники на телегах просматривают винтовки: не вздумал бы кто из арестантов бежать с привала. Да где там! Один сокрушенно разглядывает ноги, израненные кандалами, другой улегся с безразличным видом прямо на мокрую землю, третий дерется с товарищем, таким же несчастным кандальником, может, из-за куска хлеба. А на телеге лежит мертвый арестант. Он не похож на своих товарищей по этапу: породистое, одухотворенное и страдальческое лицо закинуто к небу, из-под наброшенной сермяги видны тонкие сапоги, а рука, свесившаяся с телеги, никогда не делала грубой работы. Это - "политический". Видно, он только что испустил последний вздох. Еще стоит над ним с фляжкой рыжий плотный стражник, еще не верит он, что самая крупная дичь ускользнула, и поднимает он грубым пальцем веко над остекленевшим глазом. Нет, не очнется замученный человек, и воришка, забравшийся под телегу, может безнаказанно тащить с мертвой руки перстень, верно подаренный на память о большой любви.

А чуть поодаль - группа женщин с детьми. У одной на руках грудной ребенок, но, видно, давно пропало у нее молоко, и она сунула плачущему младенцу пустой рожок. Волосы выбились у нее из-под платка и длинными беспорядочными прядями падают вдоль бледных щек. Она склонилась над ребенком, эта арестованная людьми мадонна, шагающая по этапу, и столько

тоски, столько материнской любви и муки в ее лице, что дрожь пронизывала зрителя.

Смерть "политического", страдания матерей - это было прямое воззвание к справедливости, к милосердию. Картину художника подняли на щит. Поклонники Якоби уверяли, что "Привал арестантов" призывает к борьбе с грубым произволом, к торжеству человечности.

Недруги же уверяли, будто Якоби гоняется за модными темами, далек от всякой идейности. Краски его аляповаты и грязны, мастер он весьма посредственный, а исторические лица в его картинах выглядят как оперные статисты.

Наверное, истина лежала где-то посередине, то есть был Якоби старательный, но не слишком талантливый художник, умеющий вовремя находить тему, созвучную моменту. Умение это принесло ему известность и средства, позволяющие жить в Риме в старом палаццо на Виа делла Пинья. Студия его сделалась центром встреч русских художников и вообще русских, живущих в Риме или просто путешествующих по Италии. Здесь бывали Василий Верещагин, Риццони. Сам Валерий Иванович - манерный, с острой бородкой, в моднейшем костюме и широком, во всю грудь, галстуке, вряд ли сумел бы привлечь в свой дом такое избранное общество. Все знали, что хозяин дома может без конца и с увлечением говорить только о двух предметах: о себе самом и о своих творениях.

На первый раз это было еще терпимо, но при втором посещении люди уже норовили ускользнуть от словоохотливого хозяина. Палаццо Марескотти, с его старой лепкой и внутренним садиком с фонтаном и лимонными деревцами, само по себе тоже не могло бесконечно интересовать ценителей архитектуры.

Магнитом дома, его светочем и средоточием была жена Валерия Якоби, Александра Николаевна, "прекрасная Адександрина", или "Ангел-Воитель", как ее прозвали в Риме. Ходили слухи, что у Александры Николаевны в России остался первый муж, за которого ее выдали будто бы насильно, чуть ли не девочкой, что брак этот был очень несчастлив для нее и что Валерий Иванович увез ее от мужа-тирана тайно и только потом добился для нее развода. В картине "Привал арестантов" в женщине-мадонне Якоби изобразил Александру Николаевну. И так хороша была натура, что художник впервые сумел возвыситься над самим собой и сделать что-то настоящее.

12. "АНГЕЛ-ВОИТЕЛЬ"

Золотисто-рыжий вечер спустился над Римом. Постепенно затихали, будто таяли в сумерках, пронзительные голоса газетчиков, стук экипажей.

Из крохотного садика палаццо Марескотти в открытые окна студии тек сладкий запах жасмина и зацветающих лимонов. В садике разговаривали и смеялись, и Александра Николаевна, позирующая в студии для портрета, узнавала издали голоса. Вот сказал что-то своим неторопливым, обстоятельным баском Владимир Ковалевский, русский юноша, биолог, посланный в Италию корреспондентом "Санкт-Петербургских ведомостей". Жизнерадостный и энергичный Риццони, модный портретист, рисующий красивых итальянок, ответил ему, и оба они чему-то засмеялись. А вот тихонько зарокотала гитара в руках горбатенького пейзажиста Латынина, и слышно, как Валерий Иванович требует, чтоб он спел непременно что-нибудь гусарское.

Александра Николаевна чуть пожала плечом: бестактно просить горбатого петь гусарские романсы. Но из сада уже послышался томный тенорок Латынина:

Мадам, за гусара замолвите слово:

Ваш муж не пускает меня на постой,
Но женское сердце нежнее мужского,
И, может быть, сжалитесь вы надо мной.

Я в доме у вас не нарушу покоя,
Смирнее меня не найти из полка,
И коль несвободен ваш дом от постоя,
То нет ли хоть в сердце у вас уголка?

Гитара смолкла на густом аккорде. В садике зааплодировали.

- Обожаю, черт возьми, наши романсы! - воскликнул Якоби. - Я хоть и не был военным, а вполне ощущаю их поэзию и ни за что не променял бы их на здешние сладкие серенады!

И снова кто-то зааплодировал его словам. А Верещагин знай пишет себе да пишет. Ни романс, ни аплодисменты до него, видимо, и не дошли: словно на дне моря человек... Недаром все русские художники в Риме называют его подвижником и уверяют в шутку, будто перед каждой новой картиной Василий Петрович идет в церковь - исповедоваться и причащаться. И ведь всего двадцать пять лет художнику, а он - стипендиат академии, и новая его картина "Ночь на Голгофе" будет, как говорят знатоки, событием в мире искусства.

Александра Николаевна смотрит на Верещагина. Скуластое лицо с темной редкой бородкой и усами, густые волосы на косой ряд - решительно ничего "художнического" в наружности. И вместе с тем это лицо, изглоданное одной страстью, отрешенное от всего обыденного и низменного. Художник то и дело вскидывает на модель острые, будто

вытягивающие что-то из самой глубины глаза - и снова к мольберту.

- Василий Петрович, можно немного передохнуть?

У "Ангела-Воителя" голос был низкий, чуть хриловатый. Ленивый, пленительный голос. Верещагин посмотрел растерянно. Медленно опускался он на землю.

- О, конечно, конечно! Милая, голубушка вы моя, я совсем вас замучил! - забормотал он. - Ох, какой же я осел! И вообще, я уже кончил на сегодня. Вот только волосы пройду кое-где. Никак не поймать мне это бледное, северное золото... Удивительного цвета у вас волосы, барыня моя!

И, говоря так, Верещагин все не мог оторваться от холста, все что-то трогал кисточкой, все нетерпеливо и жадно вглядывался в свою модель.

Александре Николаевне Якоби было немногим больше двадцати лет. Верещагин писал ее в короткой безрукавке, отороченной темным мехом, и зеленовато-сером платье, будто нарочно подобранном к цвету ее глаз. Но зрачок у нее был темный, почти черный и такие же темные ресницы и брови, и это придавало ее широкому, очень русскому и простому лицу выражение энергии и силы.

И фигура у нее была под стать лицу: не тоненькая, скорее даже полноватая, но сильная и гибкая. Она легко двигалась и красиво поворачивала голову с низко заложенной золотой косой. Верещагин как замороженный смотрел на эту косу.

- Никак не дается, ну никак! - бормотал он с напряжением. В руке он все еще держал кисть. - Да и не только цвет не получается. Мне вашу суть, ваше нутро надо выразить, а пока - только бледная тень.

Александра Николаевна увидела вдруг пальцы художника. Они дрожали, теребили кисть. Усмешка, проступившая было у нее на губах, исчезла. Все было очень всерьез.

- В чем же вы, Василий Петрович, видите мою суть? - медленно проговорила она.

- Вы - Жанна д'Арк. Вы - воительница за правду. В вас это сильнее всего говорит. Вы этим жаром так и полыхаете и тех, кто к вам приближается, опаляете, - угрюмо сказал Верещагин. - А я бездарен, не могу этого выразить.

Он отвернулся к окну. Стали видны его острые лопатки, выпирающие под черным глухим сюртуком.

"Господи, кажется, сейчас заплачет!" - с отчаянием подумала Александра Николаевна.

- Вы просто устали, дорогой друг! - Она быстро подошла к художнику, положила ему на плечо руку. - Завтра опять я буду вам позировать, и вы

свежим глазом все поймаете, что хотели: и цвет волос, и мою, конечно, целиком выдуманную вами суть. А сейчас мойте руки, да пойдем в сад. Я слышу, нынче нашло много разного народа.

Верещагин, все еще поглощенный своей неудачей, начал хмуро отговариваться.

- Не упирайтесь, - перебила его Александра Николаевна. - Нынче обещался быть Мечников с маленьким Есиповым.

- Левушка? - оживился Верещагин. - Разве он еще здесь? А я воображал, что он давно где-нибудь в Сицилии, выбирает там самое гиблое болото для своей коммуны.

- В Сицилию он собирается, но, кажется, вовсе не по делам своей коммуны, - отозвалась Александра Николаевна.

- А для чего же?

- Кажется, там что-то назревает. Сицилийцы послали гонцов... Вы знаете, к кому, - осторожно выбирая слова, сказала "Ангел-Воитель".

13. ВСТРЕЧА НА УЛИЦЕ

Верещагин глянул ей в глаза.

- Ага, значит, не только заговорщица, но и вербовщица. И вербуете для Гарибальди наших, русских, - сказал он. - Ах, как я прав был в вашей сути! - И он снова повторил, что не пойдет к гостям. - Некогда, завтра надо рано вставать - ехать на этюды.

- Это для какой же картины? Для "Голгофы", или новую задумали?

Василий Петрович поежился. Суеверный, как все художники, он не любил говорить о своих новых работах. Но Александра Николаевна смотрела с таким добрым участием! Невозможно было ей отказать.

- Не знаю, право, интересно ли вам будет, - начал он смущенно. Вчера вот, идучи к вам, почти столкнулся я с женщиной в полосатом сицилийском платке на голове. На руках она несла младенца, а поодаль шел мальчик лет двенадцати в козьей безрукавке и чочах. У мальчика было гордое и дикое лицо, а мать очень хороша собой. Знаете, такой чистый итальянский тип: горячие, чуть-чуть лошадиные глаза, смугло-розовый, теплый тон кожи. Но не красота ее меня, так сказать, занозила. - Верещагин с суровой честностью взглянул на Александру Николаевну. - Дело в том, что женщина эта плакала. Плакала горько, отчаянно, не стесняясь тем, что на нее смотрит вся улица. И чем горше она плакала, тем все более дико и гневно озирался по сторонам старший мальчик.

- Ну, и вы, конечно, не выдержали, стали спрашивать, не можете ли чем помочь? Ведь я вас знаю, милый вы мой Дон Кихот, - усмехнулась "Ангел-Воитель".

Верещагин кивнул.

- Дон Кихот я, как знаете, никудышный, но тут, правда, подошел, спросил, почему плачет так горько. В ответ - целый роман. Зовут ее Франческа Монти. Муж ее был искусным столяром - резчиком по дереву, и они жили очень счастливо со своими двумя бамбино, покуда не случилась беда. Отца Марко убил по закону вендетты один сицилиец. Это было давно, и человек этот успел умереть, но у него остался сын. Сын этот поселился здесь, в Риме, и Марко должен был, опять-таки по закону вендетты, убить его. По словам жены, мужу страх как не хотелось обогреть руки в крови, но вендетта - железный закон, и земляки настаивали. Тогда он вызвал врага на честный поединок и убил его. Тут вмешалась папская полиция, схватила его и заковала в кандалы. Когда я встретил Франческу, она как раз шла из тюрьмы после свидания с мужем. Тюремщики сказали ей, что скоро мужа либо казнят, либо отправят навечно в Портолонго, сиречь на каторгу. Представляете себе отчаяние этой несчастной! Говоря со мной, она еле держалась на ногах. Вдобавок вот уже несколько дней, как она и дети голодают. Ну, я дал ей несколько денег... - Тут Верещагин замялся.

- А сами вдруг почувствовали страстное желание написать все это? догадалась Александра Николаевна. - Ощутили материал и сюжет будущей картины?

Верещагин кивнул.

- Сначала, правда, она не хотела брать денег, говорила, что не привыкла к милостыне, и тогда я предложил ей для заработка позировать мне вместе с детьми. Сделал первый набросок, и тут меня как жаром обдало: "Ах, думаю, коли бы написать мне в тюрьме и мужа, этого кроткого убийцу, и всю семью, пришедшую, может быть, на последнее свидание!.." Полагаете, это бессердечно с моей стороны? - Он с волнением ждал ответа Александры Николаевны.

Та молчала.

- Но все равно, конечно, это так и останется одним замыслом, продолжал Верещагин. - Франческу и детей я, может, и напишу, а до мужа мне не добраться. Ведь он в тюрьме, и, того и гляди, папские тюремщики его прикончат... - Верещагин грустно махнул рукой.

- Узнали вы, по крайней мере, имя заключенного? - спросила Александра Николаевна.

- Узнал. Его зовут Марко Монти.

- А в какой тюрьме содержится ваш Марко?

- В одной из самых ужасных, - отвечал Верещагин. - Представьте, мы с вами ее видели, только не знали, что это тюрьма, думали - древний замок.

Помните тот ветреный февральский день, когда вы простудились? Помните дикую отвесную скалу и на скале - такие же темные стены из дикого камня? Это и есть тюрьма Сан-Микеле, где заперт мой Марко.

Точно молния сверкнула в зелено-серых глазах.

- В тюрьме Сан-Микеле? - повторила Александра Николаевна. - Это... это замечательно! Это такая необыкновенная удача!

Она себя не помнила от какого-то радостного волнения. Верещагин, донельзя удивленный, смотрел на нее, ничего не понимая.

- Какая удача? Почему замечательно, что Марко Монти сидит в тюрьме Сан-Микеле? - спрашивал он. - Что вы еще такое придумали?

Александра Николаевна схватила его за руки и закружилась по комнате. Она разругалась и казалась совсем девочкой.

- Василий Петрович, дорогой человек, ваша встреча на улице - это перст судьбы! Судьба хочет, чтоб был спасен один человек. И вот являются ваша Франческа и ваш Марко, и что-то начинает брезжить, и какая-то тень надежды мелькает вдали. И если вы согласитесь мне помогать, то, может, может статься, что-нибудь и получится!

И Александра Николаевна опять закружилась с Верещагиным по студии. Тот осторожно отвел ее руки, высвободился, хмуро посмотрел:

- Опять тайны? Опять "наше дело", то есть опять появляется ваша подруга Эсперанс Шварц и опять новые таинственные поручения Гарибальди?

- Тсс!.. - "Ангел-Воитель" рукой зажала ему рот. - Не говорите об этом здесь, во владениях папы.

- Но вы сами... Подумайте о том, что вам грозит! - Верещагин заходил по студии, затеребил волосы. - Ваша безопасность... Куда смотрят ваши домашние!

Александра Николаевна нахмурилась.

- Ну, вот, что: помогать будете или забоитесь?

- Я - забоюсь?! - Художник вспыхнул. - Ну, знаете...

- Тогда надежда на успех увеличивается, - твердо объявила Александра Николаевна. - А теперь идемте к гостям. Я вас не отпускаю.

14. ЛЮБОВЬ

Если бы Лев Мечников и не наткнулся в тумбочке Александра на тонкий женский платок с меткой "А. Я.", если бы он и не видел, с каким волнением собирается каждый раз его молодой друг к Якоби, он все равно догадался бы, в кого влюблен Есипов.

Любовь была в глазах Александра, когда он смотрел на "Ангела-Воителя". Любовь была в его пальцах, когда он передавал ей шаль, книгу,

чашку. Любовь была в дрожи его голоса, когда он говорил с ней. Это была самая чистая, самая горькая и самая безнадежная любовь на свете, и Левушка, насмешливый, склонный обычно трунить над "чувствиями", ни разу ни одним намеком не показал Александру, что знает его тайну.

Как это случилось? Когда? Может, во время поездки по Кампанье, когда все пошли смотреть акведуки, а они двое уселись на траву, полную белых звездочек-маргариток и вдруг заговорили о России, о письмах оттуда, о русских людях и вдруг почувствовали удивительную схожесть своих мыслей. Или в грозу на вилле Адриана, где в разрушенных залах гулял и гремел гром, а она, усевшись в амбразуре окна, рассказывала Александру о своем детстве, таком же одиноком и мучительном, как его детство. А может, в один из мартовских вечеров, когда сырые дрова едва тлели в мраморном камине старого палаццо и она раздувала огонь, смешно вытягивая губы. Александр тогда впервые заметил, что она почти его ровесница, что есть что-то совсем детское в ее взгляде и усмешке. Он сказал ей об этом, а она ласково дернула его за черный вихор на затылке: "Вздор какой! Я много старше вас. В матери не гожусь, но уж в старшие сестры наверное. Вы должны меня слушаться, тезка". И замерло тогда сердце, и Александру тотчас пришлось оторвать от нее взгляд, чтоб не выдать себя.

Замечала ли "Ангел-Воитель" любовь мальчика, только что перешагнувшего из детства в юность? Иногда, ловя на себе напряженный, горячий взгляд, она незаметно указывала на Александра кому-нибудь из художников.

- Взгляните на это лицо. Вот кого надо бы написать. Сколько силы, какой скрытый огонь! Молодой Икар! О, этот мальчик еще себя покажет!

Мечников знал Валерия Ивановича Якоби еще в Петербурге, в Академии художеств. Теперь, приехав в Рим, он узнал, что у Якоби на Виа делла Пинья собирается почти вся русская колония. Он поспешил возобновить старое знакомство и представил Якоби своего друга и спутника - молодого Есипова. Про Есипова Валерий Иванович сказал жене, что "в нем чувствуется порода", а Левушку Мечникова принял с распростертыми объятиями: почему-то ему вообразилось, что Мечников - восторженный почитатель его таланта, чуть ли не из самых верных.

На самом же деле Левушка относился к картинам Якоби довольно сдержанно, а к самому хозяину дома и вовсе иронически.

Сегодня, придя в палаццо Марескотти, Лев и Александр застали в крохотном садике целое общество. За железным садовым столом играли в карты Риццони, Валерий Иванович и две русские дамы, жены художников.

У кадки с цветущим лимонным деревцем расположился Латынин со своей гитарой. Владимир Ковалевский вел какой-то ученый спор с доктором-окулистом Тасси, умным и добрым итальянцем.

- А где же Александра Николаевна? - спросил Мечников, поздоровавшись со всеми.

Александр благодарно посмотрел на него: сам он ни за что не решился бы задать этот вопрос.

- Позирует в студии Василию Петровичу, - отозвался Якоби.

- И удачно получается портрет?

- Не видал, ничего не могу сказать. Вы ведь знаете характер Верещагина и его условие: до окончания портрет никому не показывается, отвечал Якоби. - Даже модели своей не позволяет взглянуть.

- А я и сама не хочу глядеть, покуда он не скажет, что можно, откликнулся вдруг низкий ленивый голос и в дверях студии появилась под руку с Верещагиным хозяйка дома.

15. РИМСКИЕ ТАЙНЫ

Точно живой водой сбрызнуло людей, так все кругом повеселели от одного присутствия "Ангела-Воителя".

- S'accomodi! - улыбнулась гостям Александра Николаевна, и это чисто итальянское слово, означающее одновременно и "располагайтесь", и "добро пожаловать", и "чувствуйте себя как дома", заставило каждого ощутить уют и прелесть крохотного садика, теплого, душистого вечера и приветливой хозяйки. Александр поздоровался с ней и тотчас укрылся за густое лимонное деревце. Оттуда он мог без помехи, сколько угодно смотреть на "Ангела-Воителя".

- Писем из России от вашей корреспондентки не получали? - обратилась Александра Николаевна к Мечникову. - Не пишет она, скоро ли волю у нас объявят?

- Да, да, что у нас дома делается? Что на Руси? Какие новости? Вы ведь самые последние оттуда приехали, - раздалась со всех сторон голоса.

Сидящие за карточным столом оставили карты. Лев Мечников сразу стал центром внимания. Все эти люди на чужбине принимали близко к сердцу события и дела своей родины и нетерпеливо ждали добрых вестей о свободе.

Да и впрямь русская колония в Риме состояла большей частью из тех, кто уехал из России или от преследований, или из чувства протеста против того, что делала царская власть. Александр II и его царствование не вызывали здесь доверия.

- Вчера получил одно письмо, - сказал Мечников. - Боюсь, вы, господа,

будете разочарованы: пока никаких перемен, одни разговоры. Родственница моя пишет даже, что либералы наши потеряли всякую надежду: царя-де так напугали бунтами и революцией, что навряд ли он решится дать народу волю. А на тех помещиков, которые самостоятельно решили отпустить своих крепостных, другие смотрят волками.

- Письмо от Натали? - спросил Александр.

Мечников кивнул.

- Ах, кабы я была в России, уж я сумела бы пробраться к царю, объяснить его слепоту! - вырвалось у "Ангела-Воителя". - Сказала бы ему об отчаянном положении крестьян, о произволе помещиков, о том, как обнищала Россия, - все, все сказала бы!

- И тотчас очутилась бы в Третьем отделении или в Петропавловке, матушка, - отозвался от карточного стола Валерий Иванович. - Ты и здесь со своими идеями, того и гляди, попадешь в лапы "псов господних" - иезуитов. Они за всеми следят, а твои воззрения...

- Да, в Риме сейчас беспокойно, - подхватил Риццони, смуглый, заросший волосом, похожий скорее на корсара, чем на художника. - С тех пор как папа и его присные узнали, что Гарибальди уехал с Капреры и снова кликнул клич волонтерам, они ждут от него всяких козней. Вы не поверите, сколько всюду шныряет разных шпионов, лазутчиков в сутанах, соглядатаев! Подслушивают, подсматривают, всех подозревают.

- На русских очень косятся, - сказала одна из дам за карточным столом, - мы для них по-особому подозрительны.

- Да, они ведь убеждены, что в России вот-вот вспыхнет революция, кивнула вторая. - У нас в пансионе, как только заговоришь по-русски, ловишь на себе подозрительные взгляды. Поселился у нас недавно какой-то молодой человек, левша, с таким странным хищным лицом, так хозяйка мне под секретом сообщила, что он ее обо всех подробнейшим образом расспрашивал.

- Левша, да еще с хищным лицом, как это романтично! - засмеялась Александра Николаевна. - Вам, дорогая Ольга Петровна, всегда что-нибудь страшное чудится.

- Нет, Александра Николаевна, вы не извольте так легкомысленно смеяться. Иезуитский и папский Рим - это страшный город! - вмешался Латынин. - Вы не смотрите, что на Корсо газовое освещение ввели, - здесь еще инквизицией пахнет и бродят тени семейства Борджиа. - Он поехал под своим плащом.

- А вспомните только мертвого Паганини, которого проклял папа, подхватил молодой Ковалевский. - Ведь гроб с его телом возили по Италии,

и монахи не позволяли его хоронить. И это в нашем девятнадцатом веке!

- Здесь еще столько мрачных, зловещих тайн, - опять сказал горбатенький Латынин, - я их так чувствую! Какие тюрьмы! Какие подземелья в этом городе! Я прохожу мимо замка Святого Ангела или мимо тюрьмы Сан-Микеле, и дрожь меня берет от мысли, сколько человеческих жизней там загублено. Сколько трупов в мешках выброшено темными ночами в Тибр...

Александр, не отрывавший глаз от Александры Николаевны, внезапно уловил быстрый взгляд, которым она обменялась с Верещагиным. Заметил он и то, что она часто смотрит на часы и, видимо, кого-то ждет.

- И все это иезуиты и священники совершают якобы во имя бога, а на самом деле ради политики или ради корысти и честолюбия, - продолжал Латынин. - И как же они ненавидят Гарибальди, который не признает никаких попов!

- Признает, но только таких, которые носят под рясой красную рубашку и пистолет, вместо монашеского капюшона - военные кепи и сражаются бок о бок с ним за свободу Италии. Наверное, вы слышали об отце Гавацци - его любимце, который следует за ним повсюду, - подал голос Мечников.

- Вот, кстати, - повернулся к нему Якоби, - я давно хотел просить вас, Лев Ильич, расскажите нам о Гарибальди. Ведь вы, кажется, встречались с ним?

- Ах да, да, расскажите нам об этом легендарном человеке! Пожалуйста, расскажите! - раздалось со всех сторон.

Все глаза обратились на Мечникова. Он чуть повел плечом.

- Валерий Иванович ошибается, - сказал он. - Действительно, некоторое время я был в гарибальдийской армии, но в ту пору встретить самого Гарибальди мне не случилось. Правда, мне повезло в другом: я был дружен с людьми, которые близко знали Гарибальди и постоянно с восторгом о нем рассказывали, - прибавил Мечников, потому что вдруг увидел, как все разочарованы.

- Ну, тогда расскажите нам, что слышали от этих людей, - приказала Александра Николаевна. - Вот, кстати, и ему надо послушать. - Она кивнула на Ковалевского. - Ведь он же будет писать в газету о Гарибальди.

Ковалевский смущенно взглянул на Мечникова.

- Ходят такие разноречивые слухи, не знаешь, кому верить... Если бы вы могли, хотя бы со слов очевидцев, рассказать о жизни Гарибальди, я был бы так вам благодарен!..

- Наверное, это целый роман - история жизни Галубардо, как зовет его

простой народ, - подхватил Латынин. - Вот кабы мне удалось написать когда-нибудь его портрет! - вздохнул он.

- Извольте, господа, - сказал Мечников. - Однако сам я слышал эту историю отрывочно, то от сицилийского крестьянина - моего друга, то от солдат, то от одного генуэзского рыбака. Поэтому не обессудьте, если и мой рассказ будет отрывочен и неполон.

16. ПЕППИНО - СЫН МОРЯКА

Два моря - два чистых синих ока смотрят в упор на итальянские берега. Вот почему рыбаки Адриатики и Средиземного моря зовут свою Италию синеокой.

Домик моряка Джакомо Гарибальди стоял в Ницце на самом берегу, и сынишка, родившийся у Джакомо, едва открыв глаза, увидел густую морскую синь и навсегда пленился морем.

Мальчику дали имя Джузеппе, но кругом все называли его Пеппино. Соседи рано начали говорить синьоре Гарибальди:

- Совсем особенный сынок у вас растет, синьора Роза. Попомните наши слова - будет он большим человеком.

Синьора Роза вздыхала, качала красивой головой:

- Ох, как я боюсь за него, если б вы только знали! И радуется он меня и пугает, и молюсь я за него целыми ночами...

Синьора Роза не напрасно беспокоилась за сына. Каждый день приносил неожиданности. Если бы возник спор о том, когда и как проявляют себя выдающиеся люди, то на примере Джузеппе Гарибальди можно было бы доказать, что героическое в будущих героях проявляется именно с детства.

Пеппино начал плавать тогда же, когда научился ходить, и плавал как рыба.

Порой он заплывал так далеко, что за ним приходилось посылать лодку. Он проводил целые дни в порту. Матросы кораблей, приходивших в Ниццу со всего мира, уже хорошо знали коренастого светловолосого нетерпеливо-любопытного мальчишку, который лазил по мачтам, как маленький гимнаст, приставал ко всем с расспросами о путешествиях и приключениях в море, решительно ничего не боялся и плакал, только если при нем мучили животных или насекомых.

Однажды он сам нечаянно оторвал ногу сверчку, и, кажется, это было первое серьезное горе в его жизни: синьора Роза никогда еще не видела таких горьких слез у своего Пеппино.

Как каждый мальчик, Пеппино страстно мечтал о героических подвигах и приключениях. Он был твердо убежден, что все это будет в его

жизни: и приключения и подвиги. И учитель ему попался подходящий: бывший офицер Арена. На первом же уроке Пеппино опрокинул все заранее составленные программы занятий. Он попросту вцепился в Арена: "Где вы сражались, синьор? С кем? Как это происходило? Расскажите, расскажите скорей!"

Вот и пришлось учителю вместо уроков рассказывать ученику подробнейшим образом обо всех сражениях, в которых ему довелось участвовать. Пеппино был требователен, нетерпелив, хорошо учился только тому, что ему нравилось. А нравилась ему больше всего история, особенно римская. Он с жадностью читал о прошлом величии и славе Вечного Города. Рим диктовал миру свою культуру; его художники, его полководцы были самыми прославленными. А теперь... Теперь все взрослые говорили кругом, что Рим обнищал и опустился, что Италия раздроблена, что страной правят чужеземцы и попы. И мальчик втайне давал себе клятву снова добиться величия родины, освободить ее.

Арена пытался охладить ученика, образумить его, притушить его кипучую энергию, обуздать его безрассудную мальчишескую мечту. Да куда там! Что мог поделывать маленький отставной офицерик с этой необыкновенной, героической натурой!

Пеппино не было еще восьми лет, когда горожане Ниццы пронесли его по улицам на руках, как триумфатора.

- Смотрите! Все смотрите! Вот он, этот малыш! Только что он спас жизнь женщины! Его зовут Пеппино Гарибальди, он настоящий герой, этот мальчуган!

Это была правда. Прачки стирали в канаве белье. Одна из женщин поскользнулась, упала в воду и начала тонуть. Женщины закричали, стали звать на помощь, но поблизости были только два мальчугана, которые играли на берегу камушками. И вдруг младший из мальчуганов бросился в воду, нырнул и вытащил уже захлебнувшуюся женщину. На берегу успела собраться толпа, спасенную и спасителя вытянули на сушу.

- Как тебя зовут, маленький герой?

А маленький герой с тревогой соображал, попадет или не попадет ему от мамы за испорченную одежду, и конфузливо увертывался от ласк и восторженных похвал.

Во второй раз Пеппино прославился, когда ему только что исполнилось тринадцать лет.

В тринадцать лет это был уже почти совсем сложившийся характер прямой, честный, бесстрашный. Пеппино умело водил по морю лодки, хорошо управлял рулем, был силен и ловок. И вот в сильную бурю он

благополучно привел в порт шлюпку, полную людей. И снова Ницца услышала имя Гарибальди.

Уже подростком Пеппино твердо решил, что станет моряком, как отец. Синьора Роза плакала, умоляла сына выбрать сухопутную профессию, но мальчик не сдавался. Он был бесконечно привязан к морю. Сначала под наблюдением отца, потом самостоятельно он ходит в плавание. Побывал в Греции, Турции, Африке, несколько раз плавал в Россию, прошел все ступени морской службы - от юнги до капитана.

И вот 1833 год... Корабль Гарибальди грузится зерном в русском порту Таганроге. Серо-жемчужное, совсем не похожее на итальянские моря, Азовское море. Утонувший в зелени городок с портовыми кабачками, где по вечерам пиликают скрипки, басит гармонь и пьют здешнее терпкое вино моряки из разных стран. При свете единственной свечи Гарибальди видит бледное скуластое лицо, слышит итальянскую речь, быструю, кипучую:

- Невозможно дольше терпеть тиранов! Мы, итальянцы, должны наконец подняться против иностранных и своих угнетателей! Да здравствует единая, свободная Италия - наша родина!

О, вот наконец тот призыв, которого так жаждал Гарибальди!

Он пробился к незнакомцу, схватил его за руку:

- Друг! Ты высказал то, что горит во мне давно! Я хочу быть с тобой и твоими товарищами.

Итальянец, которого звали Кунео, бурно обрадовался: вот и еще один член революционного общества "Молодая Италия"! Он рассказал Гарибальди, что общество это создано в Италии молодым патриотом Джузеппе Мадзини; Мадзини считает, что народ сам должен завоевать свою свободу. Вельможам и герцогам невыгодно объединение Италии, они предпочитают, чтоб страна оставалась раздробленной и покоренной. Необходимо общее восстание, чтоб освободить страну от деспотов.

Гарибальди точно сразу прозрел. "Я услышал слово "отечество" и увидел на горизонте свет маяка революции. Значит, подумал я, есть все же люди, посвятившие себя делу освобождения Италии!" - вспоминал он позже.

Теперь единственной мечтой Гарибальди стало увидеть Мадзини. В Марселе ему удалось познакомиться с Мадзини. Это был хрупкий с виду, красивый и бледный человек с одухотворенным лицом. Про Мадзини говорили, что он аскет, пророк, фанатик, поглощенный единственной идеей, что в этой поглощенности и таится секрет того необыкновенного влияния, какое имел Мадзини на всю свою партию. Он сразу покорила Гарибальди и сам пленился бронзоволицым и светлокудрым капитаном,

который пришел к нему и не задумываясь предложил примкнуть к любому восстанию ради освобождения Италии.

Мадзини действительно готовил восстание. Итальянские эмигранты организовали за границей отряд, который должен был в октябре вторгнуться из Швейцарии в Пьемонт и произвести там переворот. Генерал Раморино, генуэзец, возглавлял этот отряд, а Гарибальди, как опытному моряку, поручили готовить восстание на королевском флоте. Для этого Гарибальди поступил матросом на корабль "Эвридика" и стал исподволь подготавливать команду. Он с нетерпением ждал сигнала к восстанию. В феврале 1834 года Гарибальди отправился в Геную и поступил на королевский фрегат, где служили матросами многие его друзья. Он был уверен, что в нужную минуту друзья присоединятся к восстанию.

И вот наконец сигнал! Восстание назначено на вечер 4 февраля. Заговорщики должны собраться в Генуе, атаковать казармы на площади Сарцано и овладеть городом. В то же время моряки должны захватить стоящие в порту корабли.

К вечеру, вооруженный пистолетом, Гарибальди отправился в город, чтобы помочь товарищам. На площади Сарцано было тихо и пустынно, уже темнело, и редкие прохожие торопились домой. Гарибальди ждал час, два часа... Внезапно он увидел знакомого студента.

Что случилось? Где все товарищи? Скорее пусть ему скажут, он умирает от беспокойства!

- Бегите! - торопливо отвечал студент. - Скорее, спасайтесь! Савойское восстание сорвалось, Раморино распустил свои войска. В Генуе аресты. Сейчас сюда, на площадь, придут солдаты, вас схватят! Спасайтесь!

Гарибальди все еще не мог поверить: как, неужто полный разгром? Неужели сказать "прощай" всем мечтам о свободе! Студент протянул ему вечернюю газету.

Королевские чиновники сообщали, что "шайка" мятежников разоружена и арестована.

- Теперь верите? - спросил студент. - Смотрите, сюда идет патруль! Чего вы ждете?

Гарибальди тоже увидел патруль. Поблизости оказалась фруктовая лавочка, и Гарибальди, не раздумывая, бросился туда. В лавчонке была одна только молодая хозяйка. Гарибальди торопливо объяснил ей, кто он такой и почему ему надо спрятаться. Женщина оказалась тоже патриоткой и с радостью взялась укрыть от королевских солдат революционера. До ночи Гарибальди просидел в ее каморке, а когда стемнело, она дала ему крестьянскую одежду и сама вывела за город.

Десять дней шел Гарибальди по каменистым дорогам, по горам и ущельям, пока наконец не добрался до Ниццы. Он пришел в родной дом такой оборванный и измученный, что мать не сразу узнала своего Пеппино. Однако вместо радостной встречи его ждали упреки и даже угрозы: отец не желал иметь сына-мятежника, участвовавшего в восстании против правительства. Он грозил, что выдаст сына властям. А синьора Роза рыдала и умоляла любимого сыночка Пеппино пойти повиниться и покорно попросить прощения.

В ту же ночь Гарибальди ушел из отцовского дома. Он переплыл широко разлившийся Вар, добрался до французского кордона и сказал, что он политический беглец.

Французы не хотели верить, что он переплыл такую бурную и широкую реку; они тотчас же арестовали этого подозрительного "политического" и заперли в казарму. Казарма была низкая, одноэтажная. Пленник выглянул в окно, увидел, что часовые отвернулись, и недолго думая спрыгнул в палисадник. Когда жандармы опомнились и бросились в погоню, он был уже далеко. Через несколько дней Гарибальди удалось добраться до Марселя, и там в местной газете он прочел приговор генуэзского суда. Гарибальди и еще некоторых участников заговора суд заочно приговорил к смертной казни, к наказанию позорной смертью и к публичному отмищению как "врагов отечества и государства и бандитов первой категории", как говорилось в приговоре. "Виновные должны быть преданы в руки палача, который, надев им петли на шею, проведет их по городу в торговый день до места казни, где они будут повешены".

Гарибальди, зная, что оставаться в Европе ему опасно - его найдут и казнят, - с помощью друзей уехал сначала в Бразилию, а затем в Америку.

17. СНОВА НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Неугомонный и свободолюбивый дух не оставлял Гарибальди и в чужих странах - тринадцать лет Гарибальди сражался в Америке за свободу чужого ему народа.

Пока он был далеко, в Италии продолжались восстания, заговоры, росло народное возмущение против иноземного гнета и собственных несправедливых властителей. С повстанцами свирепо расправлялись, казни следовали за казнями. Но вот грянул 1848 год. Над Европой пронеслась огненная и освежающая буря революции, и на крыльях этой бури в Италию примчался из Южной Америки Гарибальди. Он не мог оставаться вдали от родины, когда его страна поднялась на борьбу с тиранами. Мальчик Пеппино стал взрослым человеком, но в нем, как и раньше, жили жажда свободы и стремление помочь обездоленным людям.

Пылала Сицилия, восставшая против ненавистного неаполитанского короля. В Северной Италии партизаны боролись против австрийских оккупантов. Римляне прогнали из Вечного Города своего владыку - папу Пия IX и провозгласили республику. На помощь папе послал свои войска французский президент Луи Наполеон Бонапарт, провозглашенный позже императором Наполеоном III. Луи Наполеон - душитель революции 1848 года восстанавливал власть папы и расправлялся с защитниками свободы в Риме. Гарибальди собрал волонтеров и бросился на помощь Римской республике. Сначала успех был на его стороне, но французы выставили против гарибальдийцев многотысячную регулярную армию.

Дело республиканцев было проиграно. Римскую республику потопили в крови, и Пий IX вернулся на свой папский трон. Хозяевами Рима стали французские офицеры, австрийские шпионы и папские прихлебатели. На виселицах висели трупы республиканцев, тюрьмы были полны сторонниками республики. Мадзини бежал в Англию. Гарибальди ушел из Рима с тремя тысячами волонтеров и одной горной пушкой. За голову Гарибальди была назначена высокая награда. Рядом с Гарибальди ехала его отважная жена Анита, всегда разделявшая с ним все трудные походы.

Гарибальдийцы решили пробираться в Венецию, еще боровшуюся за свою независимость. С невероятными трудностями, потеряв часть людей в схватке с австрийцами, они перешли Апеннинские горы. Австрийцы отбили у Гарибальди единственную пушку. Со всех сторон надвигались австрийские войска - бежать было некуда. В крохотной республике Сан-Марино Гарибальди попросил убежища и съестных припасов для себя и для своих людей.

- Мы пришли к вам просить отдыха и хлеба, - сказал он властям, солдаты мои сложат свое оружие, и, видно, на вашей земле пришел конец войне за независимость Италии. Вам будет принадлежать честь отстоять нашу неприкосновенность.

Сан-маринцы умоляли Гарибальди не втягивать их маленькую республику в войну: австрийцы грозили им нападением, если Гарибальди и его люди не сдадутся. Тогда Гарибальди созвал своих солдат и объявил, что временно распускает свой отряд. Но пусть люди помнят: наступит минута, когда их снова призовут к оружию. Пусть каждый знает: кровь его принадлежит отечеству.

- Я освобождаю вас от обязанности следовать за мной, - сказал он солдатам. - Отправляйтесь на вашу родину, но помните, что Италия не должна существовать в рабстве и позоре и что лучше умереть, чем жить рабами иноземцев.

Двести бойцов не покинули своего командира. Гарибальди построил их, окружил бойцами горящую в лихорадке Аниту и в полночь прошел через неприятельский лагерь. На следующий день он был уже на берегу Адриатики. Рыбаки, слышавшие о нем и преклонявшиеся перед ним, отдали в его распоряжение тринадцать лодок. Он разместил в них своих людей и приказал плыть к Венеции. Гарибальди решил во что бы то ни стало пробиться к этому городу, потому что Венеция - республиканская, отстаивавшая свою независимость оружием, - всегда была для него светочем свободы.

Только очутившись в лодке, Гарибальди увидел, что его жена и товарищ всех его походов Анита тяжело больна. Анита должна была стать матерью, но голод и жажда, трудные переходы ее изнурили. Еще в Сан-Марино началась у нее злокачественная лихорадка. Босая, в лохмотьях, пылающая от жара, Анита уверяла всех, что чувствует себя превосходно, и успокаивала своего Джузеппе. Ее гораздо больше тревожила участь Гарибальди и всех его бойцов. Она ни за что не сдавалась на уговоры мужа: Гарибальди убеждал ее укрыться где-нибудь, позаботиться о себе. Нет, Анита непременно хотела быть с ним и с его солдатами.

И вот они плывут по Адриатическому морю. При свете луны австрийцы видят маленький гарибальдийский флот. Три австрийских фрегата пускаются в погоню. Гарибальди приказывает своим держаться у берега, в тени, но это бесполезно. С фрегатов летят ядра. Часть лодок погибает на глазах у Гарибальди, часть попадает в руки неприятеля. Только четверем лодкам удастся пристать к берегу. Может, и здесь гарибальдийцев ждут австрийские и папские жандармы? Однако выбирать не приходится. Гарибальди берет на руки жену, спрыгивает на берег и бережно кладет Аниту на землю. Своим спутникам он приказывает разделить и поодиночке искать убежища.

- А как же вы, генерал? - спрашивают люди.

Они окружают его. Они не хотят бросить своего командира в беде. Но Гарибальди настаивает: они должны спешить, спасаться, а он не может оставить умирающую жену.

С Анитой на руках он пробирается сквозь кустарники и тростники. Он идет несколько часов и наконец набредает на уединенную хижину. Он мечтает, что здесь сможет дать Аните воды, найти хоть какую-то пищу. В хижину стучится юноша. Это Нино Боннэ, ломбардский волонтер и пламенный гарибальдиец. Он тайком следовал за Гарибальди и его Анитой и теперь пришел сказать, что близко жандармы. Надо снова бежать. Нино предлагает Гарибальди пристанище на ферме своих родственников, он сам

помогает беженцам пробраться к ферме. Но оставаться на ферме опасно. Поэтому Нино сговаривается со сторожами в Камаккио, что они перевезут его "брата" с больной женой на ферму друзей, Гиччиоли, возле Санто-Альберто. Он укладывает Аниту в барку и следит за отправкой Гарибальди и его жены. Побережье охраняет австрийский патруль, однако Нино удается пустить слух, что генерал Гарибальди и его отряд уже в Венеции.

Гарибальди добирается до фермы, но Анита уже без сознания. 4 августа 1849 года она умерла.

Вот что писал Гарибальди об этом страшном дне:

"Мы приехали в Мандриолу на телеге, в которой на матрасе лежала Анита. Подняв матрац за четыре угла, мы положили Аниту в постель, но мне почудилось в ее лице выражение смерти. Надеюсь вырвать ее из челюстей смерти, я судорожно сжимал ее пульс, считал его прерывистые вздохи. Увы, я сжимал в своих объятиях труп! Горько оплакивал я потерю Аниты, неразлучного товарища во всех приключениях моей жизни".

Гарибальди и сам едва держался на ногах. Изнуренный усталостью и лихорадкой, он заснул возле постели, на которой лежала мертвая Анита. Его разбудили: "Спасайтесь! Австрийцы идут сюда!" И Гарибальди, оставив труп жены у чужих людей, был вынужден бежать.

На рассвете австрийцы явились на ферму, но Гарибальди был уже далеко. Всюду у него находились друзья и единомышленники, которые помогали ему скрываться. Друзья настаивали, чтоб он сбрил главные свои приметы: золотистую бороду и кудри, но Гарибальди не соглашался.

Он узнал об участии тех своих бойцов, которые расстались с ним при высадке на берег. Его ближайших друзей - Уго Басси и Чичеруаккио австрийцы пытали, а потом заставили их выкопать ямы для собственных могил и расстреляли всех, даже тринадцатилетнего сына Чичеруаккио. С болью вспоминал друзей Гарибальди. Ему удалось добраться до пьемонтского городка Кьявари. Однако пьемонтское правительство узнало о его пребывании в городе и всеми силами начало выживать "красного дьявола": из-за Гарибальди неизбежно начнутся столкновения с Австрией и Францией, может разразиться даже война. Нет, надо во что бы то ни стало избавиться от него! И по настоянию пьемонтского правительства Гарибальди уходит из Кьявари. Ему некуда податься на своей родине, и он вынужден снова вести жизнь скитальца.

В конце 1850 года он очутился в Нью-Йорке, бездомный, одинокий, почти без всяких средств. Знакомый итальянец, владелец свечной фабрички, предложил ему работу. Гарибальди не гнушался никаким трудом. И вот герой итальянского народа, полководец и мореплаватель,

оказался перед котлами с расплавленным салом. Он лил свечи. Но друзья Гарибальди не могли равнодушно смотреть на такое недостойное героя занятие и нашли для него место капитана на судне, которое нужно было отвести в Англию. В Лондоне Гарибальди познакомился с русским революционером-эмигрантом Александром Ивановичем Герценом. Герцен спросил, почему Гарибальди не живет спокойной жизнью где-нибудь в Европе в качестве эмигранта.

- Что теперь делать в Европе? - отвечал Гарибальди. - Привыкать к рабству, изменять себе или ходить в Англии по миру? Поселиться в Америке еще хуже: это - конец. Это - страна "забвения родины", это - новое отечество, там другие интересы, все другое, люди, остающиеся в Америке, выпадают из рядов. Что же лучше моей мысли, что же лучше, как собраться в кучку около нескольких мачт и носиться по океану, закаляя себя в суровой жизни моряков, в борьбе со стихиями, с опасностью?

В путешествиях и приключениях, в удачах и лишениях Гарибальди никогда не забывал о своей обездоленной родине. Спустя несколько лет он снова вернулся в Италию и поселился на острове Капрера. Это был почти пустынный скалистый остров, населенный главным образом дикими козами. Гарибальди сам строил свое жилище - белый домик с плоской крышей и круглым куполом. В доме было всего две комнаты: спальня Гарибальди, где стояли кровать с жестким тюфяком, стол, старое кресло и сундучок, набитый старыми бумагами, и вторая комната, которая предназначалась для гостей. Здесь стены были увешаны военными трофеями Гарибальди - ружьями, саблями, пистолетами и знаменами, захваченными у неприятеля. Неподалеку от дома была пристройка, названная "Ватиканом". В "Ватикане" жил старый осел, по прозвищу Пий IX, упрямый и злой.

Гарибальди сам обработал сад и огород на острове, насадил фруктовые и миндальные деревья, разбил виноградник. Когда на Капреру приезжали боевые друзья Гарибальди, все они тотчас же брались за лопату или тачку - так действовал на них пример хозяина.

Как-то у него гостила немецкая писательница Эсперанс Шварц. Вот что она писала о хозяине Капреры:

"...Когда я проснулась утром и подошла к окну, я в испуге отшатнулась: мимо промчалась расвирепевшая корова с опущенной головой и поднятым хвостом, а вскоре появились гнавшиеся за ней Гарибальди и его дочь Тереза. Он вооружился ведром, она держала в руках скамейку для дойки. Спустя час, за завтраком, Гарибальди извинялся передо мной за отсутствие молока.

"Видишь, Тереза, - с упреком воскликнул он, - это ты во всем виновата! Сколько раз говорил я: с животными надо обращаться ласково. Таким путем можно добиться гораздо большего, чем побоями".

На своем скалистом острове Гарибальди продолжал следить за всеми событиями в Италии.

Он все ждал, что родина позовет его, что Италии понадобятся его силы и знания, его любовь. И его действительно позвали. Виктор-Эммануил, король Пьемонта, и его первый министр граф Кавур сговорились с Наполеоном III и сообща начали войну против Австрии. Наполеон должен был поддержать Пьемонт, а за это король обещал ему Савойю и даже Ниццу. Виктор-Эммануил понимал, что магическое имя Гарибальди привлечет в его армию тысячи добровольцев. Поэтому он вызвал Гарибальди и предложил ему командовать корпусом альпийских стрелков. Гарибальди не подозревал, что Виктор-Эммануил - только послушная марионетка в руках французского императора. Он наивно считал, что король заботится лишь о благе народа и что война Пьемонта с австрийцами - настоящая освободительная война. Поэтому он с восторгом откликнулся на призыв короля. Под его предводительством Пьемонт одерживал над австрийцами победу за победой, Гарибальди шел как триумфатор, и целые селения присоединялись к его альпийским стрелкам. Кавур и Виктор-Эммануил хотели скрыть от Наполеона III, что Гарибальди участвует в военных действиях; они знали, что император ненавидит Гарибальди и боится его популярности.

В Средней Италии начались волнения. В Тосканье, Модене, Парме народ прогнал своих правителей-герцогов. Всюду народ требовал присоединения к Пьемонту и с восторгом встречал Гарибальди.

Из его экипажа выпрягали лошадей, и люди сами везли его, усыпая его путь цветами и крича:

- Viva Garibaldi! Viva la liberta! Да здравствует свобода!

И вдруг!.. Вдруг Наполеон дернул за ниточку своих послушных марионеток, и Виктор-Эммануил прекратил войну.

Гарибальди со своими войсками хотел было снова двинуться на Рим, чтобы поднять восстание и свергнуть наконец папу Пия IX, но и тут его остановил король Пьемонта. Гарибальди с его славой и народной любовью становился неудобен для правителей. От него хотели избавиться. Несколько раз ему давали коварные поручения, вероломно посылали его и его бойцов на верную гибель. Самое большое горе и разочарование ждало Гарибальди, когда Кавур и король Виктор-Эммануил отдали Франции Ниццу - прекрасную солнечную Ниццу, его родину! Вот когда он наконец вполне

понял всю глубину предательства королей и королевских прислужников!

Вне себя от горя он ворвался в парламент, он кричал об измене Кавура, он требовал суда над ним - все напрасно! Это был глас вопиющего в пустыне.

И снова Гарибальди уехал к себе на свой скалистый остров. Уехал до той поры, когда народу снова понадобится он, его силы, его преданность свободе. Итальянцы знают: Гарибальди защищает всех угнетенных и ненавидит поработителей. Он велик, добр и прост со всеми - от королей до последних бедняков. Он презирает смерть и отказывается от всяких почестей. И когда раздается его клич, сзывающий на бой всех настоящих патриотов, тысячи людей идут к нему, тысячи людей отдают ему свои сбережения и самое драгоценное, что есть у них, - свою жизнь...

18. ЗА ЛИМОННЫМ ДЕРЕВОМ

В саду палаццо Марескотти было тихо. Все молчали. Одни еще были там, у смертного одра Аниты, другие взбирались по крутым откосам острова Капрера, третьи вместе с Гарибальди бросали в лицо Кавуру гневное обвинение в измене...

Внизу, на улице, остановился экипаж, послышался голос кучера, стукнула дверца кареты. Вошел слуга:

- Синьора Сперанца Шварц, - доложил он.

Александра Николаевна встрепенулась, вскочила. Легкая краска выступила у нее на щеках. "Ага, вот кого она ждала!" - понял в своем убежище Александр.

Шурша переливчатым шелком платья, вошла молодая женщина с живым, умным и некрасивым лицом. Новая гостья расцеловалась с Александрой Николаевной и поклонилась остальным.

- Мой друг Эсперанс Шварц, храбрая амазонка и писательница, представила ее гостям хозяйка.

Она сказала это по-итальянски, и Эсперанс Шварц отвечала на том же языке:

- Амазонки говорят, что Шварц, кажется, действительно писательница, а писатели утверждают, что она как будто амазонка. Сама же Шварц ни то, ни другое. - И она звонко рассмеялась, вдруг удивительно похорошев.

- Только что о вас здесь говорили, друг мой, - продолжала по-итальянски Александра Николаевна. - Нам рассказывал наш соотечественник месье Мечников о вашем друге, генерале Гарибальди, и кстати вспоминал, как вы писали о своей поездке на Капреру. Ах, как я хотела бы там побывать! прибавила она со вздохом.

- Мы съездим туда вместе, душа моя, - сказала Эсперанс. Она взяла

Александр Николаевну под руку. - Кстати, у меня есть к вам небольшое дело...

Обе дамы отошли в глубь сада, за густолиственное лимонное деревце.

- Записка? - чуть слышно спросила Александра Николаевна.

- Она у меня, - отвечала так же тихо Эсперанс.

- Он сам передал ее вам?

- Да. В Генуе. Я только что приехала оттуда.

- Почему он хочет, чтобы этим занималась именно я?

- Меня уже знают и, наверное, за мной следят. Он сказал: "Русская не вызовет подозрений". Он сказал еще, что всецело доверяет моим друзьям.

Александра Николаевна смотрела на Эсперанс, что-то обдумывая.

- Передайте ему: я постараюсь сделать все, что от меня зависит, сказала она наконец. - Кажется, у меня будет возможность переправить туда все необходимое. Нашлась связь.

- На воле?

- Нет, там. Но это еще не наверное. Это должно выясниться в ближайшие дни.

- Поторопитесь. В конце месяца праздник святого Теренция. В Риме охотно пользуются этим днем для казней.

- Я помню об этом каждую минуту, - шепнула "Ангел-Воитель".

- Вот, возьмите. Спрячьте.

Александр Есипов, сидевший по другую сторону лимонного деревца, увидел, как "Ангел-Воитель" быстро сунула за корсаж свернутую в трубочку бумажку. Снова раздался шелест шелковых юбок, и обе дамы вернулись к гостям. По их беспечному виду никто не смог бы предположить, что минуту назад они вели такой отнюдь не женский разговор.

Александр Есипов чувствовал величайшую растерянность и неловкость. Что делать? Выйти и тотчас же признаться обеим подругам, что он все слышал, или промолчать? А если скрыть, - это низко, он уподобится папским шпионам, он, выходит, просто подслушивал! Александр не знал, на что решиться. Наконец он решил про себя: сию же минуту признаться во всем Александре Николаевне, но сделать это с глазу на глаз, в отсутствие Эсперанс.

Он вышел из своего убежища, отвел в сторону хозяйку дома.

- Я... мне надо что-то сказать вам, - пробормотал он, пылая и не глядя на нее. - Знайте, я все слышал. Я сидел вон там, - стремительно сказал он.

У Александры Николаевны чуть дрогнули ресницы.

- И... и что же вы поняли из этого разговора? - тихо спросила она.

Кажется, в эту минуту ей больше всего хотелось рассмеяться над красным, ошарашенным собственной смелостью мальчиком.

Александр нагнулся к ней:

- Я понял, что вы намерены совершить что-то смелое и опасное, что вам понадобится помощь, что, может быть, и я мог бы вам пригодиться, - выпалил он единым духом.

Это пришло к нему внезапно, как вдохновение. Кровь шумела у него в ушах. Что-то она скажет?

Александра Николаевна смотрела на него. Прикидывает его силы?

- Я все могу. - Голос Александра стал совсем детским. - Честное слово, я очень сильный.

- Что ж, это дельно, - промолвила, словно про себя, Александра Николаевна. - Хотите послужить? - обратилась она уже прямо к Александру.

Тот рванулся:

- Располагайте мной, моим временем, моей жизнью!

- Нет, нет, что вы, не мне надо служить, - как будто даже испугалась Александра Николаевна. - Не мне, но прекрасному, благородному делу. Надо спасти человека, преданного Италии, защищающего ее свободу, ее идеи, человека, одаренного блестящими талантами, которого папа приговорил к смертной казни...

- Располагайте мной и моей жизнью! - снова повторил Александр.

19. УЗНИК ТЮРЬМЫ САН-МИКЕЛЕ

Воздух Рима насыщен подозрительностью, недоверием людей друг к другу, человеческой низостью. Воздух отравлен предательством, шпионажем, сыском. Во славу всемогущего владыки церкви и светской власти - папы Пия IX шпионят монахи и чиновники, офицеры и торговцы, содержатели гостиниц и парикмахеры, портные и привратники. Священники без всякого стеснения выдают тайну исповеди, кураторы подсматривают, какие книги читают студенты, подслушивают в аудиториях, в кабачках, на улицах, о чем говорит молодежь. Слова "свобода", "независимость", "объединение Италии" - слова запретные. За них - преследования, тюрьмы, казни. А имя Гарибальди! Со всех церковных кафедр несутся проклятия еретику, нечестивцу, возмутителю. Гарибальди и тем, кто с ним, грозят вечными муками в аду, на нем и на его людях лежит проклятие самого папы! А если попадет в руки попов верный соратник Гарибальди, его бросают в тюрьму и обращаются с ним хуже, чем с самым отъявленным злодеем.

Так думал Бруно Пелуццо, машинально отсчитывая шаги по каменным

плитам тюремного двора. Было самое начало апреля, но здесь, во дворе замка Сан-Микеле, не было ни травки, ни былинки, по которой можно было бы угадать весну. Камень, камень, всюду камень - серо-желтый, в трещинах, в каких-то рыжих, точно засохшая кровь, подтеках. За многие месяцы своего заключения Пелуццо успел изучить уже каждую извилину, каждый подтек на стене, окружающей двор, и на стенах самой тюрьмы. И сколько шагов он делает за десятиминутную прогулку, Бруно тоже успел сосчитать. От двери камеры до железной двери, выходящей во двор, - шестьдесят восемь шагов. От железной двери до поворота - тридцать шесть. От поворота снова до железной двери - те же тридцать шесть. Так и проходит прогулка.

Бруно Пелуццо ждала смертная казнь. Он знал это: недаром сам папа, перечисляя своих злейших врагов, после Гарибальди всегда называл имя Пелуццо. Pamфлеты Пелуццо, его публицистические статьи, обличающие папу и его сподвижников, острые, язвительные, убийственные сатирические стихи ходили по всей папской области и были известны даже за границей, их повторяли в народе. Пелуццо был близким другом Гарибальди, его военным товарищем, преданным и отважным. Гарибальди давно советовал ему бежать из папской области, скрыться у надежных друзей, но Бруно был храбр до безрассудства. Он почти открыто выступал в Риме со своими памфлетами против папы. По рукам ходили рукописные сборники его статей и стихов. Папская полиция давно выслеживала Пелуццо, но он жил на окраине города, у бедной вдовы садовника, и никому из врагов до сих пор не приходило в голову искать прославленного писателя-публициста в такой дыре.

И все-таки он попался! Кто выследил его, кто его предал, Пелуццо не знал, но был твердо уверен: это не простая случайность, его именно предали, и предатель этот скрывается среди тех людей, с которыми он встречался, которых считал верными друзьями. Как мучительно хотелось ему предупредить Гарибальди, что среди его окружения есть изменник, что нужно во что бы то ни стало его найти и обезвредить! Но Пелуццо был заперт, и никаких сношений с внешним миром ему не разрешали.

Одиночка. Толстая решетка на оконце, из которого видна только голубая заплатка неба. Один. Совсем один. Даже крыс нет. Даже таракан не живет в одиночке.

Пелуццо не пугала казнь - выматывало и мучило только это бесконечное шагание по одиночке, десятиминутные прогулки по пыльному каменному двору, топот караульных по ночам.

Он попробовал попросить у своих тюремщиков книг, бумаги, чернил,

перьев - ему, конечно, ничего не дали. Он просил поместить его в отделение для политических заключенных - его нарочно перевели к уголовникам и вместе с ними водили на прогулку: папа умел мстить тем, кто не хотел его признавать.

И вот неделю назад Бруно Пелуццо сообщили: его казнят 15 апреля, в день святого Теренция.

Даже привыкшие ко всему на свете тюремщики поразились - так беспечно принял заключенный эту весть. Пелуццо ничего не изменил в распорядке своей жизни в тюрьме: так же, как все месяцы, делал гимнастику, читал вслух стихи, которые знал на память, так же во время прогулки повторял французские глаголы. Все это помогало ему не думать о казни. Смуглый, крепко сбитый, с курчавой бородой и быстрыми глазами, Бруно прогуливался по двору, поглядывая издали на цепочку уголовников, которая тянулась вдоль тюремной стены. Их тоже вывели гулять, и двое конвойных строго следили за тем, чтобы заключенные не общались между собой.

Пелуццо жалел этих несчастных: все они были закованы в тяжелые железные кандалы и каждого ждала либо виселица, либо каторжная работа на далеких болотистых островах. Думая о них, Бруно забывал, что и его ждет та же участь. Он просто не мог поверить, что перестанет дышать, двигаться, думать. "Вероятно, я еще слишком молод для того, чтобы всерьез поверить в смерть". Он загляделся на крутое облачко, повисшее как раз над тюремным двором. Вдруг кто-то так больно наступил ему на ногу, что он вскрикнул:

- Porco Madonna!

Перед ним, пристально глядя на него, стоял заключенный в полосатой одежде каторжника. Обеими руками он поддерживал свои кандалы. Бруно увидел тонкое, изможденное лицо, добрый взгляд.

- Ты Бруно Пелуццо? - быстрым шепотом спросил уголовник на сицилийском наречии.

- Да, - кивнул тот, удивленный.

- Твои друзья знают о пятнадцатом. Твои друзья велели сказать, чтоб ты надеялся, - так же быстро проговорил заключенный. Он нагнулся, делая вид, что подбирает кандалы. - Твои друзья...

- Эй, что там? Монти, ты чего там застрял? - раздался окрик конвойного. Он уже бежал к ним. - Разговаривать воспрещается. Ты что, в карцер захотел, проклятый осел? - Он грубо толкнул уголовного.

Монти на прощание сделал рукой выразительный жест, означающий что-то вроде "не робей!". По крайней мере, Бруно понял именно так.

Восторг, смятение, надежда, радость вспыхнули в нем, забушевали. "Друзья" - это, конечно, Гарибальди. Гарибальди помнит о своем друге, он следит за Бруно и его судьбой, он не даст ему погибнуть! Но как придет спасение? Когда? Что еще хотел сказать ему заключенный, по имени Монти?

Давно окончилась прогулка, за оконной решеткой было уже совсем темно, а Пелуццо все ходил и ходил по своей узкой, как гроб, одиночке, все сильнее билось в нем беспокойное нетерпение. Поскорее, поскорее бы подоспела помощь! Да, но что думает предпринять генерал? Организовать его побег из тюрьмы? Но он, наверное, не знает, как крепки здесь запоры, сколько здесь стражи. А решетки... Пелуццо подошел к крохотному оконцу камеры, потряс толстую решетку. Напрасно - решетка не поддавалась. Ах, знал бы друг Джузеппе, сколько раз Бруно обдумывал все возможности побега, сколько раз убеждался, что убежать из тюрьмы Сан-Микеле не удастся! А вдруг у Гарибальди на уме другое?

Подошла ночь. Узник продолжал метаться по камере. Скорее, скорее бы утро, скорее бы день! Заключенных снова выведут на прогулку, тогда, быть может, удастся перекинуться словом с Монти. Бруно мысленно уже видел его доброе лицо, слышал его шепот: "Твои друзья велели сказать, чтоб ты надеялся".

20. ХУДОЖНИК В КАМЕРЕ

Наступило утро. Пелуццо насильно заставлял себя заниматься гимнастикой - обычными приседаниями и сгибаниями. Скорей, скорей бы шло время!

Наконец, совершенно измучившись, он услышал в коридоре шаги, звон ключей. Час прогулки! Стараясь казаться спокойно-небрежным, Бруно вышел во двор, окинул быстрым взглядом цепочку заключенных. Сердце у него упало: Монти не было.

Бруно медленно перевел дыхание. Что с ним? Заметили что-то и заперли в карцер? Или заболел? А может, отправили в ссылку? А может... может, казнили?! Пелуццо не приходило в голову, что Монти могли освободить, - это было невозможно. Из тюрьмы Сан-Микеле для заключенных было только две дороги - в ссылку или на эшафот.

Бруно улучил мгновение, когда конвойный отвернулся, и подскочил к одному из уголовных.

- Где Монти? Почему его нет сегодня?

Тот усмехнулся.

- Монти теперь важный - не подступись. Его пишет художник.

- Что? Художник? - бесконечно удивился Пелуццо. - Зачем?

Заключенный хотел было ответить, но конвойный вновь повернулся, и уголовник поспешил примкнуть к своим.

Пока Бруно ломал себе голову, зачем понадобилось какому-то художнику писать Монти и как он этого добился, в общей камере уголовников сидел за своим мольбертом Василий Петрович Верещагин. Ему удалось сравнительно легко добиться от коменданта тюрьмы разрешения писать "смертника" из уголовных. Правда, он должен был подробно рассказать "синьору коменданте", высохшему и болезненному человеку, весь замысел своей картины и пообещать, что непременно напишет портрет самого коменданта, его супруги и детей. Когда Верещагин сказал, что хотел бы взять моделью для центральной фигуры в картине уголовника Марко Монти, приговоренного к смертной казни, о котором он прочитал в газетной хронике, комендант заметил:

- Есть у нас такие злодеи, к которым я не рискнул бы пустить вас в клетку, синьор художник, но этот Монти совсем безобидный малый. И лицо, как у Христа.

- Тогда почему же он смертник? - спросил Верещагин. - Его бы надо отпустить с миром.

Комендант пожал плечами.

- У его святейшества другие принципы, - сказал он осторожно. - К тому же с этим народом никогда и ни в чем нельзя быть совершенно уверенным.

Комендант сам ввел Василия Петровича в большую, сравнительно светлую камеру уголовников, где у самой двери сражались в кости два заросших до глаз вора в полосатых тюремных куртках и штанах. Чуть поодаль сидел прямо на каменном полу человек в такой же полосатой одежде, с кротким и задумчивым лицом и добрыми глазами.

- Вот, Монти, синьор иностранец, художник, хочет тебя нарисовать, обратился к нему комендант. - Ты сиди смирно, а то знаешь что тебе будет!
- Тут комендант выдвинул вперед нижнюю челюсть. - А вы, синьор художник, можете ему приказывать, как сидеть и куда поворачиваться, если вам это понадобится. Всякие другие разговоры у нас строжайше запрещены. Я прошу вас, синьор, как иностранца, помнить об этом и уважать наши порядки.

Верещагин молча поклонился. Все внимание его было устремлено на Марко Монти. Удивительное лицо! До чего хочется сейчас же взяться за карандаш, перенести на полотно эти глаза! Впалые щеки, тон кожи... Но тут мгновенно память Верещагина вызвала лицо "Ангела-Воителя" - требовательное, повелительное. Ее поручение - вот о чем надо думать

прежде всего.

Между тем комендант распорядился надеть узнику кандалы потяжелее, "на всякий случай", потом шепнул что-то дежурному тюремщику, и тот уселся в дверях камеры.

- А теперь, синьор художник, желаю удачи. - И комендант, выпрямив сухой торс, удалился.

И вот Верещагин за работой. Марко Монти сидит точно каменный. Только изредка глубокий вздох приподымает его грудь, и тогда видно, что это все-таки живой человек.

В окно камеры прокрадывается солнце, взбирается на щербатую плитняковую стену. Карандаш художника схватил уже овал лица узника, его твердый рот и подбирается теперь к глазам и носу. Течет время. Тюремщик, который вначале с любопытством следил за каждым штрихом, соскучился и несколько раз громко зевнул. Пожилой, грузный человек в мешковатом мундире. Наверное, добрый семьянин, заботливый отец... Но тут Верещагин увидел, что тюремщика сморил сон. Смятым большим узлом осел он на своем стуле. Верещагин очутился подле Марко.

- Спрячь это, - шепнул он, всовывая в руку Монти подпилочек, - придет твоя Франческа, все объяснит.

Глаза Марко мгновенно ожили. Миг - и подпилочек исчез в складках полосатой куртки. Больше ни звука. Тюремщик, приоткрывший глаза, увидел все ту же картину: художника, сосредоточенно что-то штрихующего на полотне, и арестанта, похожего на изваяние.

В первое же свидание Франческа шепнула мужу:

- Доверяй художнику, как мне. Он сказал, что тебя спасут, но и ты должен кое-что сделать.

- Что?

Франческа опасно покосилась на стражу:

- Тебе скажут. Скоро...

Сеансы в тюрьме продолжались. Однажды Верещагин попросил коменданта, чтобы ему разрешили присутствовать при свидании Монти с женой и детьми.

- От вас, синьор команданте, зависит судьба всей моей картины, ее успех, - сказал Верещагин.

Коменданту это польстило. Сам он показался себе меценатом, чуть ли не музой искусства. К художнику он был уже расположен: Верещагин показал ему наброски, сделанные с его жены и детей. Он благосклонно дал художнику разрешение писать "Семью заключенного". Это была и в самом деле трогательная картина: красавица Франческа с убитым видом смотрела

на мужа, в то время как малютка на ее руках тянулся к кандалам отца, а старший мальчик, Уго, прижимался к стене, откинув гордое и непримиримое лицо.

- Ты сказал тому? - шепнула мужу Франческа.

Марко еле заметно кивнул.

21. СВИДАНИЕ НЕВЕСТЫ С ЖЕНИХОМ

- Вот я и готова.

Александр Есипов увидел широченную шелковую юбку небесно-голубого цвета, черный бархатный лиф с нежным гипюром у рук и шеи и такую же голубую ленту в золотых волосах. Ослепительная кожа, лучистые глаза...

- Принарядилась для такого свидания, - усмехнулась Александра Николаевна, поймав взгляд своего тезки.

Она старалась говорить шутливо, но Александр видел, что вся она в необычайном напряжении.

В дверях показался Валерий Иванович - великолепный, пышноволосый, с выхоленной бородкой.

- На прогулку? - Он благосклонно кивнул Александру. - Что ж, неплохая идея: сейчас на Корсо весь бомонд. - Он одобрительно оглядел жену. - Вот такую я и напишу тебя, Александрин. В этом самом платье, оно идет тебе удивительно. И левретку Молли напишу, и кошку Лотту - ты будешь ей коготки подстригать. Получится такая картинка - пальчики оближешь! - И он, улыбаясь, послал жене воздушный поцелуй.

"Ангел-Воитель" жестоко покраснела. Даже перед этим мальчиком, влюбленным в нее, она стеснялась легковесности своего мужа. И как далека была та "прогулка", на которую она и Александр собирались, и от Корсо и от римского бомонда!

Накинув просторный светлый бурнус, она завязала ленты белой шляпы, почти совершенно затеняющей лицо, и вместе с Александром вышла на залитую утренним солнцем уличку. Александр кликнул экипаж - старую коляску, почти потерявшую цвет от солнца, с веселым римским возницей-веттурино, который с ласковой фамильярностью помог своим седокам взобраться на продавленные подушки сиденья.

И вот они уже едут по извилистым, узким улицам, по неожиданным крохотным площадям, наполненным черной густой тенью. К величественным дворцам то и дело лепятся самые жалкие лачуги, тротуаров почти нет, люди идут прямо по мостовой, лавируя среди повозок и экипажей. Уличные продавцы мяса, рыбы и колбас громко выкликают свой товар. Траттории зазывают посетителей названиями вин: фраскати,

кьянти, чинцано. Лотерейные конторы вывешивают номера выигрышей и лотерейные билеты. Продавцы жареных каштанов жарят на жаровнях свой товар и гонят веником дым на всех прохожих, сапожник посреди улицы тачает сапоги, над дверью портного привешено ведро, в котором торчит кактус, похожий на диковинное доисторическое животное. По всем направлениям двигаются тележки, запряженные ослами. У домов на скамейках дремлют старики и старухи, сидят женщины с вязаньем или шитьем, а дети, полуголые, грязные и веселые, снуют под ногами у людей и лошадей.

Над улицами реют самые пронзительные кислые, пряные, острые запахи. Террасы нагромождаются друг на друга, всюду лестницы, балкончики, фонтаны, подъемы и спуски, в луче солнца вдруг проблеснет, как драгоценность, мраморный фриз, или статуя, или густо-зеленая пальма. Улицы то и дело круто поворачивают. Веттурино, который, кажется, знает здесь каждого, шуточно тыкает своим кнутовищем то в одного, то в другого прохожего, обменивается приветствиями и покрикивает на зазевавшихся.

Но вот они выехали из лабиринта запутанных улочек на набережную Тибра. Здесь просторнее и пустынное. Река медленно катит свои желтые воды. На противоположном берегу растет густой кустарник, и скалистые склоны подчеркивают извилистой, резкой линией голубые холмы на горизонте, развалины каких-то портиков, розоватую волнистую долину. Мимо экипажа мелькают монастыри с глухими окнами, пустынные, как будто нежилые, дворцы, голые стены семинарий.

Александра Николаевна и ее тезка с той минуты, как выехали из дому, не обменялись и десятью словами. Есипов видел чистый, суровый профиль своей соседки и не смел заговаривать: понимал, что "Ангел-Воитель" взволнована и совершенно поглощена предстоящим. Потихоньку он дотрагивался до внутреннего кармана сюртука, где осязательной тяжестью лежит заряженный пистолет. Дай-то бог, чтоб не пришлось пустить его в дело!

Вдруг он почувствовал, как Александра Николаевна вздрогнула. Ага, вот она, стена, - высоченная, из дикого, словно выжженного солнцем камня!

- Остановитесь у ворот, - сказала "Ангел-Воитель" веттурино.

Тот повернулся на козлах, уставился на нее удивленным взглядом.

- Вы сюда, синьора? Зачем вам в это проклятое богом место?

- Нужно, - коротко отвечала "Ангел-Воитель".

- Ага, понимаю: синьора - благотворительница, - кивнул с удовлетворенным видом веттурино. - Да поможет вам святая Мадонна за

то, что вы не забываете несчастных, которые здесь погребены!

Александр дернул веревку, висящую у железных ворот. Где-то далеко внутри раздался звон колокола. В воротах приоткрылся глазок. Александра Николаевна проворно сунула карточку с заранее заготовленной запиской:

- Синьору коменданте.

Прошло несколько минут. Солнце пекло не по-весеннему, но и Александру и "Ангелу-Воителю" было холодно. Вот загредел тяжелый засов, чуть приотворилась одна створка.

- Войдите, - сказал невидимый страж.

Один двор, потом другой, потом третий. Камень под ногами, камень кругом, каменные своды над самой головой. Ни травки, ни кустика. Древняя башня-крепость, темные сырые казематы, бесконечные переходы и лестницы, слепые, давно не мытые окна, забранные решетками. Тлен, затхлость, мокрицы, разбегающиеся из-под ног.

Но вот и кабинет коменданта - такая же темная, низкая и сырая комната, почти ничем не отличающаяся от каземата. Комендант, невзрачный, болезненного вида, прощается с каким-то посетителем.

- Так помните: на вас надеются, - говорит посетитель и направляется к двери.

На секунду свет падает на его лицо, и Александр видит широкие, сросшиеся над хищным носом брови. Где он видел это лицо? Но посетитель уже исчез, а комендант обращается к ним:

- Чем могу служить, синьоры?

Вместо ответа Александра Николаевна падает к его ногам. Небесно-голубая юбка волочится по пыльному полу, голос Александры Николаевны прерывается от волнения.

- От вас, только от вас зависит... Вас молят о последней, быть может, милости... Мы с братом никого здесь не знаем... Мы чужие в вашей стране... Судьбе было угодно, чтобы я полюбила итальянца... Я не знаю, что он сделал, за что его осудили... И вот такое несчастье... Дайте мне возможность в последний раз взглянуть на любимого, обнять...

Она бьется в рыданиях. Как все итальянцы, комендант тюрьмы склонен к романтическим историям, а в тюрьме Сан-Микеле давно не случалось ничего интересного. И вдруг нынче красавица иностранка, в шелках и бархате, лежит перед ним на полу и молит дать свидание с женихом. Смотри пожалуйста, как повезло этому безбожнику и смутьяну Пелуццо! Подцепить такую красотку!

- Это против наших правил, синьора, - говорит брюзгливо комендант. К тому же ваш жених - опасный государственный преступник. Сам я

ничего не могу вам разрешить. Вам надо обратиться в Ватикан, к ассессору монсеньеру Орлани. Он ведаёт всеми заключёнными по делам, связанным с Ватиканом.

Александра Николаевна всплеснула руками, громко зарыдала:

- Тогда я погибла! Я не могу ждать, я должна завтра же ехать на родину к нашей умирающей матери! Значит, я никогда больше не увижу моего жениха! Брат, милый брат, проси и ты! - Она подтолкнула Александра к коменданту.

- Будьте милостивы к нам, синьор, - пробормотал Александр, не подымая глаз.

- Не могу. И не просите, - отмахнулся комендант. - Наши правила не разрешают этого. Такой важный государственный преступник... Нет, нет, и не просите!

Александра Николаевна почувствовала, что ускользает последняя надежда. Она поймала руку коменданта, грубую, шершавую, поднесла ее к губам.

- Синьор, вы всемогущи, я знаю, вы все можете. Недаром в Риме все говорят, что вы один из самых влиятельных людей, что сам святой отец пользуется вашими бесценными советами. Я умоляю вас, не отсылайте меня в Ватикан, решите мою судьбу сами. Все в ваших руках, синьор!..

Золотая голова поникла, ожидая своей участи. Комендант был невыразимо польщен и взволнован: так, значит, в Риме говорят, что он - сила, что даже папа его слушает. Конечно, это правда, раз эта красавица у его ног, целует ему руку...

Он напустил на себя самый суровый вид.

- Ну хорошо, в виде особого исключения я допущу это свидание. Но ни в коем случае не дольше пяти минут.

Радостный вскрик. Красавица обнимает костлявые колени.

- Благодарю вас! Тысячу раз благодарю вас, синьор команданте, вы навеки мой благодетель!

Она бросает быстрый, торжествующий взгляд Александру. Однако тот еще крепче сжимает в кармане сюртука рукоятку пистолета: кто знает, как все обернется, ведь самое трудное еще впереди!..

Их вводят в темное сводчатое помещение: точь-в-точь средневековая комната пыток. Да, верно, и в самом деле в средние века здесь пытали заключённых. Александра Николаевна испуганно косится на подозрительные пятна по стенам, - может быть, кровь?

- А что, если он слишком удивится и отступится? - шепчет она Александру.

Но уже слышен тяжелый, грубый топот, и конвойные вводят заключенного. "Ангел-Воитель" едва успевает заметить густую, отросшую в тюрьме бороду, блестящие глаза. Она с воплем бросается узнику на грудь.

- Атого mio! Cara anima! Любовь моя! Дорогая душа моя! Единственный мой! О, как я счастлива, что наконец вижу тебя! - кричит она, обнимая бородатого человека.

- Бруно! Здравствуй, Бруно, мой названный брат! - восклицает радостно и Александр.

Он тоже бросается к узнику и изо всех сил сжимает его холодную руку.

Тот ошеломленно вглядывается в него, в Александру Николаевну - кто она, эта прекрасная золотоволосая женщина? Что ей нужно от него, от Бруно Пелуццо?!

- Неужто и я и брат так изменились от горя, что ты не узнаешь нас? рыдает женщина. - Это я, я, твоя невеста, твоя Александрина, мой дорогой Бруно, а это Александр, мой и твой брат! Посмотри же на нас, скажи, что ты нас узнал, не разбивай мне сердца!

Заключенный поднимает руку. Разлепляются бледные губы. Сейчас, сейчас он скажет, что их не знает, что произошла какая-то ошибка. Тогда за дерзкий обман властей их схватят, найдут записку, и они тоже станут узниками тюрьмы Сан-Микеле.

Все это мгновенно проносится в воображении Александра. Он ощупью находит курок пистолета. Нет, он дешево не продаст свободу "Ангела-Воителя" и свою собственную, он проложит путь выстрелами! Но ухо заключенного уже уловило горячий шепот: "Говорите же, что вы нас узнали!" - и он чувствует, что руки, обнимающие его шею, засунули ему за ворот клочок бумаги. Записка! Глаза Пелуццо вспыхивают.

- Как же я мог не узнать вас, мои дорогие! - восклицает он и целует, без конца целует милые руки той, что пришла его спасти. - Ты - моя ненаглядная невеста, свет моих очей, а он - мой брат, мой Александр! Если бы вы оба знали, как я мечтал об этом свидании!

Он становится на колени перед золотоволосой невестой. Даже у грубых стражей на глаза набегают слезы: невозможно без слез смотреть на этих несчастных влюбленных. Все в тюрьме знают, что Пелуццо ждет смерть. И это прощание перед казнью - кто мог бы остаться равнодушным! Жених и невеста смотрят друг на друга, не могут наговориться, не могут разнять рук. Смеясь и плача, они лепечут ласковые слова. Но вот один из конвойных осторожно дотрагивается до плеча Александры Николаевны:

- Свидание окончено. Пять минут прошли.

- Как! Уже конец?

Отчаянный вопль. Невеста падает на руки подоспевшего Александра. Узник мгновение смотрит на нее, потом машет рукой и, шатаясь, устремляется к двери.

- Финита, финита! - бормочет он как безумный.

Конвойные почти выносят его. Александр громко требует воды для "сестры". Со всех сторон бегут стражи.

- Повера синьора! Поверо бамбино! Бедное, бедное дитя! - повторяют они, с жалостью глядя на лежащую без чувств иностранку в голубом.

Александр брызгает водой в прекрасное лицо с крепко сомкнутыми глазами.

- Не попортите шляпку, тезка, - слышит он лукавый шепот.

Еще несколько минут на глазах у тюремщиков - и вот уже снова пустынная солнечная улица и ворота, запирающиеся за ними с тупым железным лязгом. Веттурино обмахивает метелкой мух с заснувшей лошади. Он бросает любопытный взгляд на своих седоков.

- Ну, удалось вам что-нибудь сделать для этих несчастных? спрашивает он, когда экипаж оставляет далеко позади стену тюрьмы Сан-Микеле.

- Кажется, удалось, - отвечает Александра Николаевна, и Есипов видит край раздурманенной щеки и веселый глаз своей соседки.

- Да благословит вас за это святая Мадонна, синьора! - с чувством говорит веттурино.

22. ПОБЕГ

Едва перед моделью Верещагина - Франческой Монти забрезжила надежда на спасение мужа, как она из отчаявшейся, тоскующей, беспомощной женщины вмиг превратилась в деятельного, ловкого, смелого лазутчика и связного. Это она разузнала и передала через Верещагина, сколько тюремщиков в помещении уголовных, кто из них будет дежурить в день, назначенный для побега, сколько часовых во дворе и где именно расположены их посты. Это она доставила ответ Пелуццо на записку, переданную "невестой". (Бруно сообщал, что принимает план побега и постарается выполнить все, что придумали для его спасения друзья.) Это она и ее дети явились в тюрьму на одно из ближайших свиданий с Монти сильно потолстевшими. Под сицилийским нарядом Франчески, под козьей безрукавкой Уго и даже под рубашонкой младенца были запрятаны части священнического одеяния, веревки, ножи все, что могло понадобиться беглецам. Отныне все способности Франчески ее ум, ее изворотливость - были направлены только на спасение мужа и неведомого ей узника, который должен был бежать вместе с Марко.

Франческе, простой крестьянке, было легче, чем другим,

разговориться с караульными солдатами и тюремщиками, такими же крестьянами, как она сама, и вдобавок жалевшими ее, потому что муж ее был приговорен к смертной казни. Она сказала Василию Петровичу, что два часовых падки на деньги: можно их подкупить, и они будут слепы и глухи.

- Дадим им денег, - сказал Верещагин. - Но главное препятствие не в них, а в дежурном тюремщике. Вот если бы удалось сговориться с ним...

- Кажется, и тут можно будет что-то сделать, синьор. - Франческа потупилась и покраснела. - Там, в тюрьме, нашелся у меня старый знакомый, можно сказать, земляк. Он знал меня еще девушкой, до того, как я вышла за Марко, и... тоже ко мне сватался. Конечно, он не стал бы помогать Марко, да я показала ему детишек. Ну, он пожалел меня, а потом мы с ним вспомнили старину да как были мальчишкой и девчонкой, как вместе играли камешками. Словом, он обещался мне помочь. Только он страсть боится, синьор, прямо трясется, что его заподозрят. Как начнут дознаваться, всё узнают, и тогда ему несдобровать; самого посадят, а семья останется нищей. Он сказал мне, что мог бы смениться с товарищем, попроситься дежурить в тот день, когда мы назначим. Но, если побег случится в его дежурство, его непременно выгонят со службы. И он с семьей останется без хлеба.

- Так пообещай ему столько денег, что он сможет купить дом в деревне и завести хозяйство, - обрадовался Василий Петрович. - Пусть он не опасается ни за себя, ни за семью. И скажи ему: всё продумают так умно, что тюремное начальство его не заподозрит. Да как зовут твоего земляка? спросил он Франческу.

Та опустила глаза:

- Можно мне не говорить его имя, синьор? Пусть это дело будет только между нами.

- Как хочешь, - пожал плечами Верещагин. - Но помни: в твоих руках две жизни.

- Так я могу обещать моему земляку целый дом? - Франческа от волнения сделалась еще красивее. - Это правда, синьор?

- Даю тебе в этом мое честное слово! - торжественно уверил ее Василий Петрович.

День побега обоих заключенных был уже определен и все подробности разработаны и самими узниками и друзьями на воле до последних мелочей. Побег был назначен на вечер, на то время, когда дежурный тюремщик по заведенному порядку обходил камеры и запирали их на ночь. Если бы удалось сговориться окончательно с земляком

Франчески Монти, все сразу стало бы значительно проще, можно было бы избежать вооруженной борьбы. Заключенным осталось бы только быстро переодеться: Пелуццо - в сутану священника, а Марко Монти, похожему ростом и выговором на земляка Франчески, - в форму тюремщика, и выйти из тюремных ворот, где их будут ждать экипажи, запряженные самыми быстрыми конями. Кони домчат их до надежных убежищ у друзей, а после...

Но о том, что будет после, никто из организаторов побега и не думал. Только бы удалась первая часть задуманного! Только бы не оборвалось даже самое маленькое звено в этой так тщательно продуманной цепи! Удастся ли Монти незаметно подпилить свои кандалы и пронести их подпиленными до минуты побега? Сумеет ли Франческа уговорить земляка? Успеют ли заключенные переодеться без помехи? Не обнаружат ли маскарад часовые во дворе? Отворят ли они заключенным тюремные ворота?

Множество таких вопросов день и ночь тревожили и самих узников и участников заговора. Впрочем, один из заговорщиков - Александр Есипов, самый молодой, - был совершенно спокоен: "Ангел-Воитель" не считала нужным посвящать его в подробности, и он ничего не знал обо всех этих приготовлениях.

После того как Есипов благополучно доставил "невесту" из тюрьмы в палаццо Марескотти и сдал с рук на руки ничего не подозревавшему Валерию Ивановичу, Александра Николаевна виделась с ним только урывками. Когда же при случайных встречах Александр пытался узнать у нее, скоро ли выйдет на свободу "жених", она шутливо зажимала ему рот:

- Помалкивайте, тезка. Скажут, когда будет нужно.

Так прошло несколько дней, но вот однажды "Ангел-Воитель", как бы невзначай, спросила Александра:

- Лошадьми умеете править? Да не клячами какими-нибудь, а настоящими, горячими конями.

Александр встрепенулся:

- Приходилось у нас в имении.

- Тогда разыщите и наймите на послезавтра две самые легкие коляски и две пары самых лучших коней, какие только сможете раздобыть. Да помните: одной из этих пар придется править вам.

Так Александр Есипов получил еще одно задание и узнал день побега.

Под вечер, накануне казни, улочки и дорога близ тюрьмы Сан-Микеле были необычно оживленны. Какие-то босяки беспечно дремали, лежа на теплой земле. У перекрестка стоял продавец рожков, еще один продавец

сластей устроился почти у самых ворот тюрьмы. Три подвыпивших крестьянина играли в кости, расположившись в лавчонке на углу. Рослая дама в модной большой шляпе прогуливалась по пустырю неподалеку от тюрьмы собаку свирепого вида. Все это бросилось в глаза Александру, когда он, одетый в костюм веттурино, остановил коляску в улочке, примыкавшей к зданию тюрьмы. Еще одна коляска, с парой знакомых Александру кровных коней, дежурила поблизости. На козлах дремал совсем дряхлый, сгорбленный веттурино. Услышав голос Александра, успокаивавшего коней, старичок поднял голову. На секунду Александру почудились яркие глаза и усмешка Лоренцо Пучеглаза. Как, неужто он? Но в следующий миг веттурино снова сгорбился, покашлял по-стариковски и опять, видимо, заснул на своих козлах.

Александр еще раз огладил коней, проверил сбрую, вожжи. Он старался занять себя каким-нибудь делом, но сердце стучало неровными ударами, и в горле пересохло. Попить бы! Да где там! Нельзя! Надо ждать!

Он взглянул на часы. Прошло уже пятнадцать минут. Что ж они там? Из лавчонки доносились азартные выкрики игроков, зарычал на кого-то пес. Шаги? Нет, это гравий заскрипел под ногами у дамы. Минуты всё ползут и ползут. И все еще никого нет...

А в это время на тюремной башне прозвонили старинные часы и тюремщик Вадди, молодой, рослый парень очень похожий общим типом лица на Марко Монти, начал обходить камеры.

Услышав звон часов, Бруно Пелуццо зубами распорол тощий соломенный тюфяк, лежавший на койке, и вытащил запрятанную в солому сутану священника.

Однако он не надел ее на себя и даже спустя несколько минут вновь спрятал: кто знает, удалось ли Вадди получить нынче дежурство, не придет ли запирать его камеру совсем другой, незнакомый тюремщик? Пелуццо приник ухом к двери. Все в нем было напряжено. Вот где-то далеко слышались шаги, зазвенели ключи. Все ближе, ближе... Уже слышен голос тюремщика, приказывающий заключенному отойти от двери.

Голос Вадди? Нет, кажется, совсем незнакомый, Бруно вне себя. Он стоит у самой двери. Если сейчас окажется, что это незнакомый тюремщик, Бруно готов на безумство, он готов кинуться на незнакомца, растерзать его, а потом будь что будет! Все равно казни не миновать!

Но тут дверь камеры приоткрывается, и Пелуццо видит добродушное лицо Вадди.

- Живей, вяжи меня! - шепчет Вадди, скидывая с себя одним движением мундир.

Он сам садится на койку, сбрасывает брюки, прислоняется к стене и закладывает руки за спину.

Бруно молча, яростно обкручивает веревкой его ноги и руки.

- Кляп, - чуть слышно говорит Вадди.

- Что?

- Засунь мне в рот что-нибудь. Рубашку, что ли. Только поосторожней, чтоб я не задохнулся, пока меня найдут.

Бруно послушно засовывает в рот тюремщика рукав его собственной рубашки. Сам он поспешно накидывает на себя сутану, надвигает на лицо капюшон. Теперь он точь-в-точь тюремный капеллан.

- Что же мешкает этот дьявол Монти!

В самом деле, Монти нет. У Вадди испуганные глаза: вот-вот явится кто-нибудь из товарищей тюремщиков, удивленный долгим его отсутствием. Бруно еле удерживается от громкого ругательства. Что случилось? Что, черт возьми, случилось?!

В эту минуту в камеру, как тень, проскальзывает Марко Монти.

- Чуть не подвели кандалы, - шепчет он. - Еле снял.

Он хватает брошенное на пол платье Вадди, натягивает сапоги, брюки, куртку. Вадди кивает - все в порядке, форма надета как нужно. Монти берет в руки связку ключей, фонарь тюремщика.

- Спасибо тебе, Вадди, - шепчет он.

Капеллан и мнимый тюремщик выходят из камеры Пелуццо, запирают за собой дверь. Потом неторопливым шагом минуют коридор уголовного отделения, спускаются по лестнице в нижний этаж, где стоит недавно сменившийся часовой.

- Вот провожаю святого отца. Он давал напутствие смертникам. Ведь их обоих завтра порешат, ты знаешь, - говорит Монти часовому.

Тот кивает и подходит под благословение капеллана: часовой уверен, что капеллан явился в тюрьму в дежурство его предшественника и потому не спрашивает пропуска.

Монти - он же Вадди, тюремщик, - облегченно вздыхает и украдкой смотрит на капеллана. Однако Пелуццо так ушел в свой капюшон, что даже глаз его не различишь.

Во дворе тюрьмы лежат глубокие тени: солнце низко, скоро сумерки, и это радует узников. Они пересекают двор, приближаются к воротам. Двое часовых и тюремный стражник о чем-то болтают, пользуясь тем, что поблизости нет никого из начальства.

- Вот провожаю святого отца, он давал последнее напутствие тем двум. Завтра их казнь, - повторяет Монти заученные слова.

- Так и есть, завтра конец беднякам, - говорит один из часовых.

Все трое набожно крестятся и целуют руку мнимому священнику. С лязгом открывается железная створка ворот. Капеллан, а за ним тюремщик переступают страшный порог.

Секунда. Вторая... Сильная фигура в священнической сутане прыгает в коляску Александра.

- Pronto! - говорит сквозь зубы капеллан. - Pronto! Скорее!

Есипов ударяет по лошадям. Горячие кони с места берут вскачь. Александр машет кнутом, земля летит под лошадиными ногами, сухие комья бьют в коляску. Быстрее! Еще быстрее!

Позади топот. Александр оглядывается. Там скачет вторая пара коней. На козлах - старенький веттурино. Но теперь он уже не старенький, он стоит во весь рост на козлах и что-то кричит, и Александр легко узнает в нем Лоренцо. Летят, как птицы, кони. Скорее, скорее к друзьям, в безопасное место!

ГЕНУЯ

23. ДОЧЬ ПРОФЕССОРА

"Левушка, милый, у вас, верно, уже в цвету роскошная итальянская весна, солнце и зелень, а у нас Нева в белых барашках, небо хмурится и сырой ветер гонит рябь по лужам. На сердце тоже темно по-осеннему. Не могу сообщить Вам ничего радующего. У нас то и дело пожары. Говорят, поджигают те, которым выгодно пугать начальство, и это дает повод полиции преследовать невиновных. Началось гонение на воскресные школы для народа и на тех, кто в них преподает. Хотят ввергнуть народ в вечную закоснелость, в стоячее болото, и когда? - когда ему уже пообещали свободу, поманили счастьем! Все наши - в волнении и негодовании страшном. Все Вам завидуют, мечтают о настоящем большом деле, а я - сильнее всех. Милый Левушка, если б я только могла быть рядом с Вами! Если б... Ну, не буду, не буду.."

В прошедшую пятницу собрались у меня наши общие друзья (по понятным причинам не хочу называть их), и все сговорились выпить шампанского, если победит Ваш предводитель итальянского народа, если удастся ему изгнать Бурбонов и добыть свободу Италии.."

Лев Мечников читал косые, ломкие строки и с тоской думал о том, что дома, в России, все застыло на мертвой точке. Никакого просвета, все потонуло в казенных бумагах, в прожекторстве. "Все Вам завидуют, мечтают о настоящем большом деле", - пишет Наташа. Значит, Александр с его мальчишеским нетерпением, с его жаждой подвигов прав. Руки просят дела, большого, справедливого, гуманного. Здесь, в Италии, такое дело

начато. И нельзя, непростительно оставаться в стороне, когда все лучшие люди присоединяются к Гарибальди!

Милый нервный почерк! Задумчивое, мягкое лицо Наташи Осмоловской виделось, как будто она была здесь, рядом. Лев встряхнулся, провел рукой по волосам: полно, сейчас не время предаваться воспоминаниям! Не для воспоминаний приехали они с Александром в Геную и вот уже третий день достают оружие, походные сумки, сапоги. Уже решен поход Гарибальди в Сицилию, уже собираются сюда волонтеры со всей Италии, и вот-вот будет назначен день отправления.

Но захочет ли Гарибальди взять их с собой? Ходят слухи, что он особенно придирчиво отбирает на этот раз людей. Правда, у обоих русских сильная поддержка: госпожа Шварц и Александра Николаевна Якоби тоже приехали в Геную и обещают представить их генералу. Это они познакомили Льва и Александра с близким другом генерала - профессором Претори и его дочерью. Нынче обе дамы и профессор уехали спозаранку, чтоб увидеть Гарибальди и узнать, на какое именно число назначен отъезд в Сицилию.

Вот почему Лев Мечников и Александр Есипов с утра явились в сад профессора и с нетерпением ожидают его возвращения.

Пока Мечников, прислонясь к балюстраде террасы, читал письмо Наташи Осмоловской, Александр разговаривал с семнадцатилетней дочерью профессора Лючией. То есть разговаривала главным образом Лючия.

- Эта русская дама с золотыми волосами - ваша родственница?

Глубокие, оттененные мохнатыми ресницами глаза вопросительно и настойчиво смотрели на Александра. Над балюстрадой террасы нависали розовые шапки цветущих тамарисков, и четкие тени лежали на каменных, позеленевших от времени ступенях. Бело-зеленые анемоны нежным ковром устлали землю в саду, душно и сладко пахли золотые крокусы. Генуэзская весна не пожалела красок: густо-синим обвела море, пурпуром - паруса рыбацких лодок, лиловым - горы на горизонте. И шелковистых щек Лючии тоже коснулась весна, иначе они не были бы такими смугло-розовыми.

- Н-нет, синьора Якоби мне вовсе не родственница, - отвечал с легкой запинкой Александр Есипов.

Его смущала и сердила эта настойчивость. Помилуйте, всего неделя прошла с того дня, как его и Льва привели в этот дом "Ангел-Воитель" и госпожа Шварц, и вот пожалуйста - какая-то семнадцатилетняя смуглянка с растрепанной косой учиняет ему такой допрос!

Однако не отвечать вовсе или отвечать невежливо Александр не мог:

он слишком уважал отца этой девушки - смелого и неподкупного человека, о котором с восторгом рассказывали его друзья-гарibaldiйцы. Профессор Претори был любимейшим лектором студентов Миланского университета. Он читал лекции по литературе, но лекции эти превращались в проповеди патриотизма и свободы. Претори смело говорил о том, как томится Италия под властью чужаков, как они разрывают на части всю страну, как церковь губит в Италии все живое. Однажды на его лекцию тайно пробрался ректор университета - ставленник австрийцев. Ни студенты, ни профессор его не заметили. В этот день Претори говорил об объединении Италии, о своем друге - Гарибальди.

Внезапно на кафедре поднялась черная сутана, оттолкнула профессора.

- Наконец-то, господин профессор, я сам, своими ушами, услышал, какие идеи внушаете вы своим слушателям, в каком духе воспитываете молодежь! Сегодня же власти узнают об этом!

Студенты ужаснулись: все понимали, что любимого профессора ждут долгие годы тюрьмы, может быть, пытки, и дочь его и все близкие тоже будут арестованы. Среди студентов были преданные гарибальдийцы. Они помогли бежать старому другу генерала с дочерью сначала в Швейцарию, а потом в Геную. В Генуе был Гарибальди, были друзья, и Претори почувствовал себя в безопасности. Впрочем, за себя он вообще никогда не боялся, его заботила только судьба Лючии. Жена Претори умерла, когда девочке было два года. С тех пор девочка росла, как дикое деревце: одна, без всякого присмотра. Она рано развилась, рано начала думать о мире, который ее окружал. Италию, ее прекрасную и несчастную родину, терзали монахи, священники, австрийцы, французы. Народ голодал, смелых и честных людей, таких, как ее отец, бросали в тюрьмы, казнили. Гарибальди, друг отца, стал ее героем. Лючия готова была рыдать от горя, что не родилась мальчиком: она мечтала сражаться за Италию, за ее свободу. Буйное воображение, пылкое, великодушное сердце, сильный, несдержанный характер - вот какова была девушка, стоявшая на террасе перед Александром Есиповым.

- Послушайте, синьорина Лючия, я же не спрашиваю вас, почему ваш постоянный спутник, ваша тень, этот синьор Датто, если не ошибаюсь, не сводит с вас глаз, - раздраженно сказал Александр.

Лючия нагнула голову, посмотрела на него исподлобья.

- Энрико? Да потому, что Энрико любит меня, - сказала она просто. - А вы... вы... тоже любите синьору Якоби?

Александр краем глаза увидел Льва, который стоял на ступеньках и

внимательно изучал бутон глицинии. Слышал ли он?

- Что за глупости вы выдумываете, Лючия! Синьора Якоби - жена известного русского художника.

Шелковистые щеки зарозовели сильнее.

- Правда? А я-то, глупая, думала... Когда она и синьора Сперанца пришли к нам и привели с собой вас и синьора Леоне, я думала сперва, что вы - муж и жена... Вот глупая я!

И с серебристым смехом Лючия бросилась бежать куда-то вниз, в гущу сада.

Александр подошел к Мечникову.

- Смешная девочка! - сказал он ненатуральным голосом.

- Советую вам лучше присмотреться к этой девочке, - повернулся к нему Лев. - Не такая уж она смешная. И характер очень своеобразный. Эта девочка еще покажет себя, готов об заклад биться. - Он вытащил из кармана брегет. - Что-то долго нет профессора. Да и дамы наши обещались приехать, а их тоже нет как нет.

- Они отправились навестить Пелуццо, - сказал с важностью посвященного Александр. - Он все еще не может оправиться после тюрьмы. Пролежал в горячке на ферме под Римом, стал было поправляться, а когда его переправили сюда, опять ему хуже сделалось. Александра Николаевна сама его выхаживает, - прибавил он с явной завистью.

- Ага, наконец-то вы покончили с конспирацией! - усмехнулся Мечников. - Все последнее время в Риме я вас почти не видел. Пропадали по целым дням у Якоби, у вас завелись какие-то общие с Александрой Николаевной дела. Правда, я подозревал нечто, но спрашивать не хотел. "Сам, думаю, расскажет, когда придет время".

- Это же не наши с Александрой Николаевной дела, а общественные, вспыхнул Александр. - Вы сами понимаете, Лев, в Риме я не имел права посвящать вас в это. Я очень мучился, поверьте, мне все казалось, что я плохой друг. А здесь все проще, и я тотчас рассказал, ничего, ничего не утаил от вас.

- Гм!.. Ничего? - Лев с улыбкой взглянул на товарища. - Что ж, довольна теперь ваша душа, дружище? Ведь вы все жаждали подвигов, героики. Ну что ж, увезли из-под носа папской жандармерии важного государственного преступника, а заодно и бедного столяра, приговоренного к казни. Это ли не подвиг? И притом - добрейшее дело! Что ж, удовлетворены вы теперь?

- Вы все смеетесь, Лев! - обидчиво пробормотал Есипов. - Я же не за этим приехал в Италию, вы знаете, но обстоятельства так сложились. А

теперь и подавно вы должны меня понимать. Зачем вы сами так стремились в Геную? И зачем просили представить нас обоих Гарибальди? О, я знаю, вы так же, как и я, хотите сражаться, и сражаться не просто для подвигов, а за благородное дело. Я знаю. - Он внезапно оборвал речь и поспешно сказал: Сюда идет этот поклонник Лючии, капитан Датто. Мне не хотелось бы при нем говорить о наших делах.

- Почему? - удивился Мечников. - Ведь он друг здешнего дома, верный человек, состоит, как говорят, для поручений при самом Гарибальди... Ага, вон остановился, осматривается, видно, ищет Лючию, - прибавил он, вглядываясь в гущу деревьев в конце аллеи.

- Знаю. И все-таки... - неохотно промямлил Александр.

- Почему вы так недоверчивы? - продолжал Лев. - Неужто на вас действует эта встреча под Римом? Да, может, вы ошиблись и это был не Датто? Ведь так легко иногда ошибиться.

- Нет, нет, я его сейчас же узнал! - с горячностью воскликнул Александр. - Да и вы узнаете, стоит вам только хорошенько вспомнить встречу с Пучеглазом, мальчишку Луку, деревенскую трактирню и монахов, которые сидели за столиком в углу. Готов присягнуть: один из монахов был Энрико Датто. Тот же нос и глаза, а главное, тоже левша. Я отлично помню, как он левой рукой брался за флягу с вином. Но это еще не все...

Александр не успел договорить: к ним уже подходил тот, о ком шла речь.

Это был высокий, хорошо сложенный человек лет двадцати шести двадцати семи, с размашистыми движениями и надменной посадкой головы.

Его нос с характерно римской горбинкой и острые глаза под широкими бровями невольно притягивали взгляд. "Красивый и высокомерный", - думалось при первом взгляде на Энрико Датто. "И есть в нем что-то тревожное и как будто неуверенное в себе", - думалось при втором. На капитане был старый мундир альпийских стрелков, бывалых боевых товарищей Гарибальди: коричневая куртка с зелеными обшлагами и серые брюки. Костюм этот оживлялся только красным галстуком да зеленым плащом, небрежно накинутым на плечо.

Он поклонился обоим русским и устремил взгляд на Александра:

- Синьорина Лючия у себя?

- Синьорина только что была здесь, - отвечал за Александра Мечников.
- Кажется, она сейчас в саду.

Энрико Датто собирался вернуться в сад, но тут его окликнул Александр:

- Простите, капитан Датто, я с самого нашего знакомства собираюсь спросить у вас кое-что...

Датто обернулся.

- К вашим услугам, синьор русский, - любезно поклонился он.

- Видите ли, я хотел вас спросить... - немного неуверенно начал Александр. - Мне все кажется, что мы с вами уже встречались... Только тогда вы были, как это ни странно, в другом обличье... в другом костюме, я хотел сказать, - поправился он. - Словом, я хотел спросить, не были ли вы в окрестностях Рима в конце марта и не могла ли быть на вас сутана монаха?

Оба, и Александр и Лев, пристально глядели на Датто. В ответ он добродушно рассмеялся.

- То-то я вижу, синьоры, вы оба не сводите с меня глаз и в глазах у вас такое выражение, словно вы уже напали на след самого Ринальдо-Ринальдини, знаменитого разбойника. Так, значит, вы обнаружили мой маленький маскарад? Верно, меня выдала моя левая рука. Так? Ведь я от рождения левша. Но разуверьтесь, синьоры, - продолжал он с веселым выражением лица. - Я не Ринальдини. Вы, верно, слышали, что нам, соратникам Гарибальди, часто приходится проникать во враждебные области Италии. Вот вам и причина моего маскарада. У нас есть дела, которые требуют особой сноровки и... соблюдения тайны. - Он опять поклонился. Удовлетворены вы, синьоры?

- О, конечно, конечно! - поспешил уверить его Мечников. - Вот видите, Александр, все и объяснилось, - обратился он к другу, - и сутана монаха на синьоре Датто, и его появление в окрестностях Рима.

Александр был явно смущен.

- Я... я хотел спросить еще одно, капитан Датто, - сказал он извиняющимся тоном. - Не мог ли я видеть вас в начале апреля в приемной коменданта тюрьмы Сан-Микеле?

Брови Датто чуть сдвинулись над переносьем.

- Как хотите, это странный допрос, синьоры, - сказал он с принужденным смехом. - То я должен объяснить вам, почему переоделся монахом, то вы вдруг видите меня или моего двойника где-то в совсем несуразном месте. Позвольте вам сказать, чтоб уж раз навсегда покончить с этими вопросами, - обратился он уже прямо к Александру. - Для интересов нашего дела мне однажды действительно понадобилось надеть сутану. Но с конца марта я здесь, в Генуе, исполняю поручения генерала и никак не мог бы одновременно находиться в Риме, да еще у коменданта тюрьмы Сан-Микеле. - Он усмехнулся. - Я мог бы тоже спросить вас, каким образом вы оказались там, у этого коменданта, синьор, но мне отлично известны дела,

которые вас привели в Сан-Микеле.

Датто снова легко поклонился и своей размашистой походкой направился в глубь сада.

Александр и Лев молча следили за тем, как исчезала за деревьями его высокая фигура.

- Не понимаю, откуда он мог узнать, что я был в деле с Пелуццо! взволнованно сказал наконец Александр. - Ведь об этом знали только Александра Николаевна, ваш приятель Лоренцо Пучеглаз да оба заключенных. А здесь, в Генуе, я рассказал об этом только вам. Откуда же он мог пронюхать!

- Стало быть, только от кого-нибудь из нас, - пожал плечами Мечников. - И скорее всего - от женщины. Женщины обычно не умеют хранить тайн.

Александр вспыхнул и с вызовом посмотрел на друга.

- Александра Николаевна - необычная женщина. К ней ваши мерки не подходят!

- Возможно. - Мечникову не хотелось обижать Александра. - Послушайте, дружище, а вы вправду уверены, что у начальника тюрьмы видели именно Датто? Смотрите не взведите напраслину на невинного.

- К сожалению, не могу сказать наверное, - со вздохом признался Александр. - Там было очень темно, видны были только брови да нос. Но мне показалось, что этот человек подал коменданту левую руку.

- В тот момент вы были напряжены, вам всюду чудились, наверное, враги и шпионы, - сказал Мечников. - Доказательство ваше шаткое. Однако, - он помедлил, - однако и мне этот человек не очень-то нравится.

24. ГАЛУБАРДО

По садовой ограде кто-то по-мальчишески забарабанил палкой. Захрустел гравий.

- Кажется, профессор? - восторженно воскликнул Александр.

В самом деле, от калитки по садовой дорожке к ним приближался профессор Претори.

Сухощавый, по-молодому стройный, он неторопливо шагал, опираясь на трость с набалдашником из слоновой кости. В юности профессор недолгое время служил в кавалерии, и это до сих пор сказывалось в постановке его головы и плеч, в подтянутости и щеголеватости всего его облика. Белые, отливающие металлом волосы пышной волной лежали над высоким лбом. Лицо было узкое, нервное, с двумя глубокими усталыми морщинами, идущими от крупного носа к женственно доброму рту. Сквозь стекла очков блестели темные пламенные, как у дочери, глаза.

- Ага, мои молодые друзья уже здесь! - воскликнул он, увидев обоих

русских. - Это очень кстати: кажется, сегодня я наконец смогу выполнить то, что обещал вам.

- Что, профессор?

- Представить вас генералу. Он обещался нынче заехать ко мне. Боже праведный, какая сила и энергия у этого человека! - с восторгом сказал Претори. - Двадцать часов в сутки на ногах, во все входит сам: набирает людей, оружие, снаряжает корабли, пишет воззвания, заботится о продовольствии, разрабатывает весь план наступления.

- Сказал он вам, когда думает отправляться? - нетерпеливо осведомился Мечников.

- Как только прибудет еще отряд бывших альпийских стрелков. Кажется, это будет очень скоро. Видели бы вы, что сейчас делается в гавани! Настоящий бивуак! Эх, был бы я на пятнадцать лет моложе, тотчас взял бы в руки ружье и пошел за Гарибальди! - Претори повертел в руках свою трость, стукнул ею по земле. - А теперь вот ноги немощные мешают. Фу, какая это гадость - быть стариком!

Александр и Мечников с улыбкой взглянули на него.

- Да вы куда моложе всех нас, профессор, - сказал Мечников. - Мы с Александром просто завидуем вашему энтузиазму, вашей приподнятости над обыденным. Синьорина Лючия говорила нам...

- Кстати, где Лючия? - перебил его Претори. - В саду? Ага, и Датто здесь? Сейчас я их обрадую. - И он принялся звать: - Энрико! Лючия! Идите скорее сюда! Нынче у нас дорогой гость! Надо приготовить для него что-нибудь прохладительное!

Из глубины сада прибежала запыхавшаяся Лючия с неизменным Датто.

- Отчего же вы, отец, не предупредили меня, что приедет генерал? бурно набросилась она на Претори. - Чем же теперь прикажете его угощать? У меня в доме нет ничего особенно хорошего.

- Генералу и не нужно ничего особенного, - вмешался Датто. - Вы же знаете, это сама скромность. Он и нас, своих соратников, учит...

- Ну, вас-то, Энрико, он так и не выучил скромности, - бросила ему Лючия и поспешно скрылась в доме - готовиться к приему гостя.

Датто передернулся: он принимал очень близко к сердцу резкие выходки Лючии.

- Синьорина всегда шутит, - пробормотал он, пытаясь усмехнуться.

- Э, не обращайтесь на нее внимания, милый Датто, - махнул рукой профессор. - Лючия - настоящий мальчишка по манерам. Иногда я думаю, что у меня не дочь, а сын растет. Но сердце у нее добрейшее. - Он не

договорил и стал прислушиваться.

Со стороны моря, точно прибой, донесся какой-то глухой гул, крики. Гул этот все нарастал, приближался, уже было ясно, что кричит целая толпа, вот уж можно различить, что кричат: "Вива Италия!", "Вива Галубардо!"

- Он! - Александр кинулся к калитке. - Едет сюда!

Из-за угла улицы почти тотчас вылетела коляска, запряженная парой круглых лохматых лошадок. Правил ими рослый, красивый негр с непокрытой головой. Это был Агюйяр, соратник и товарищ Гарибальди еще по сражениям в Америке. В коляске ехал человек в широком белом плаще и круглой венгерской шапочке. Шапочку эту он надвинул на самый лоб и сидел ссутулясь, как будто старался стать меньше ростом или вовсе спрятаться: Гарибальди терпеть не мог никаких оваций, и то, что сейчас за ним бежала восторженная пестрая и кричащая толпа; что вверх подкидывались шляпы и платки, ужасно его стесняло. Едва коляска остановилась у калитки, Гарибальди поспешно выпрыгнул и бросился в сад. За ним последовала, смешно переваливаясь, приземистая криволапая такса: одна из ее лап была прострелена еще в сражении при Сан-Антонио, когда она со своим хозяином была в Америке.

- Бежим, Герелло, бежим, дружище, покуда нас не окружили! - повторял Гарибальди, но собака и без того не отставала от хозяина.

Профессор Претори горячо обнял своего гостя.

- Еле прорвался к тебе, Цезаре, - пожаловался Гарибальди. - Стоило мне показаться на улице, тотчас же собралась толпа народа.

- И, наверное, как всегда, устраивали овации, хотели выпрячь лошадей и сами везти генерала, хотели на память разорвать на кусочки его плащ, вмешался Датто, явно желая польстить Гарибальди.

Тот мельком глянул на него и повернулся к улице.

- Бедный Агюйяр остался им в добычу.

В самом деле, за неимением самого героя толпа за оградой атаковала негра. Он сидел на своих козлах, окруженный, точно морским приливом, густой массой народа. Его теребили, о чем-то спрашивали, что-то кричали - Агюйяр был невозмутим.

Александр жадно разглядывал Гарибальди. Раньше, когда ему случалось думать об итальянском герое, он воображал его высоким и плотным, черноволосым и длиннорылым - каким-то романтическим итальянским разбойником, который, по слухам, одинаково умело поет под гитару романсы своего сочинения и расправляется с неприятелем.

Сейчас он видел перед собой крепко сбитого, очень широкого в плечах

человека со спокойными, непринужденными манерами и удивительно красивым правильным лицом, обрамленным шелковистой бородой и длинными волосами золотистого отлива. Серо-синие грозно-ласковые глаза его смотрели на людей так, как будто сразу схватывали все их внутреннее существо. Никакой порывистости, нервозности, эффектных жестов: Гарибальди был предельно прост и естествен во всем, что делал и говорил.

"Как права "Ангел-Воитель", - думал Александр, не сводя глаз с генерала. - Недаром она говорила, что у Гарибальди артистическая натура, что он во всем любит красоту: в костюме, в манерах, в обращении с людьми. Как хорошо он движется, какая в нем грация! И он никого не копирует, он неповторим. А поступки его, а вся его жизнь - да это целая поэма, и поэма не просто прекрасная, а именно художественно прекрасная!"

Александр вспомнился девиз Гарибальди: "Alte impese non temo e l'imili non sprezzo" ("Великих подвигов не пугаюсь, но и скромными не брезгую").

"И как просто, почти бедно одет! - продолжал разглядывать Александр. - Под плащом - выгоревшая, полинялая красная рубаша, серые штаны раструбами книзу, а сапоги! Батюшки, какие же старые-старые, кажется, даже рваные сапоги!"

Но тут его наблюдения прервал профессор Претори. Он ласково взял за руки его и Льва Мечникова и подвел обоих к Гарибальди:

- Вот, генерал, те русские юноши, о которых я тебе говорил. Они мечтают сражаться за свободу Италии под твоим руководством. Возьми их с собой в Сицилию.

Гарибальди неторопливо, очень внимательно оглядел юношей, потом подал каждому широкую сильную руку.

- Великие идеи привлекают лучших людей всех наций, - сказал он своим низким голосом. - Со мной рядом сражаются бойцы из Венгрии, Франции, Англии, даже из Африки. И вот теперь я вижу русских. Я знаю, ваш нынешний монарх хочет прославить свое царствование освобождением рабов. Такой ореол славы, конечно, лучше всяких побед. Мы все надеемся, что ему удастся закончить это дело. Русские - храбрый народ.

Лев Мечников почтительно поклонился.

- Я уже имел честь сражаться под вашими знаменами у Комо, генерал, сказал он. - А мой друг еще новичок.

- Ага, стало быть, мы старые товарищи! - приветливо сказал Гарибальди.

Он встретился взглядом с Александром, и юноша почувствовал, как все в нем рванулось навстречу этому удивительному человеку в худых сапогах. Потребуй от него Гарибальди вот сейчас, сию минуту, отдать жизнь за счастье Италии, за него самого - и Александр, ни минуты не раздумывая, пошел бы на смерть.

Видно, Гарибальди понял это. Он отечески потрепал Александра по плечу.

- Если ты новичок, я скажу тебе то, что всегда говорю моим молодым волонтерам, - промолвил он, и это неожиданное "ты" показалось Александру и всем присутствующим вполне естественным в его устах. Именно на "ты" должен обращаться вождь народа к своим младшим товарищам. - Хорошо ли ты обдумал свое решение? Ведь я не могу обещать тебе ни славы, ни богатства. Днем тебя ждет жажда и зной, ночью - холод и голод, и всегда - множество опасностей. Наградой тебе за все лишения будет только свобода Италии. Помни еще одно: за воровство я расстреливаю без пощады, заслушивание строго наказываю. Никогда не сдавайся в плен: моих сторонников неприятель не щадит, их ждет неминуемая смерть. Поэтому от тебя самого будет зависеть - быть казненным врагами или с оружием в руках торжествовать победу.

- Я знаю, генерал, - произнес почти шепотом Александр. - Я все знаю, но... я твердо решил. Мы оба просим вас, генерал.

И он, залившись краской, ждал слова Гарибальди.

- Зачислить их обоих в бригаду Сиртори, - повернулся к Датто генерал. - Передай, что это я их посылаю. Пускай Сиртори сам решает, куда их назначить. Вам, верно, хотелось бы воевать вместе, в одном отряде? спросил он Мечникова.

- Если это возможно, генерал, - отвечал Мечников. - Там, на родине, я обещал отцу моего товарища, генералу Есипову, приглядывать за его сыном, заботиться о нем.

Александр снова багрово покраснел, на этот раз от досады: зачем Льву понадобилось выставить его таким сосунком?

Однако Гарибальди такая заботливость вовсе не показалась смешной.

- Я сам прослежу, чтоб вас не разлучали, - сказал он.

Пока они разговаривали, толпа на улице, перед садом Претори, все росла. Молва о том, что Гарибальди находится у профессора, что он в саду, что можно его увидеть, распространилась молниеносно по всем соседним домам. Соскучившись разглядывать негра, некоторые наиболее рьяные почитатели героя пытались перелезть через ограду в самый сад. К Агюйяру подоспел Датто, и вдвоем они вежливо выпроводили поклонников

генерала.

Шум становился оглушительным.

- Войдемте в дом, - предложил Претори, видя, что Гарибальди хмурится и с опаской поглядывает на улицу. - Лючия обещала дать нам прохладительного.

- Лючия? - Гарибальди встрепенулся. - Твоя Лючия, Чезаре, стала прямо красавицей. А ведь я помню ее совсем малюткой.

По ступенькам террасы все вошли в дом профессора - простой и прохладный, с белеными стенами, почти пустой. Только самая необходимая мебель стояла в белых комнатах с высокими потолками и каменными полами.

Выбежала Лючия, раскрасневшаяся, припудренная мукой (она, видно, только что лепила пирожки), и бросилась к Гарибальди:

- Дядя Джузеппе, как я рада!

Он поцеловал ее в лоб, притянул за руку, любуясь:

- До чего хороша! Совсем полевая гвоздика! Вот, девочка, приехал к вам проститься.

- Как! - ахнула Лючия. - Уже? Так скоро?

Гарибальди кивнул:

- Да, завтра ночью отправляемся. Да и пора. И сицилийцы и мои люди заждались. Надо действовать быстро и решительно, иначе жертвы будут неисчислимы.

С волнением и горечью он заговорил о положении в Сицилии. Полицейский террор там дошел до предела. Франциск II не доверяет никому, кроме полиции. Манискалько, начальник полиции в Палермо, облечен неслыханной властью над жизнью и смертью любого сицилийца.

Тюрьмы острова переполнены, каждый патриот - на подозрении. Недавно группа храбрецов собралась в монастыре Ганчия близ Палермо. Они приготовили оружие и дожидались только удобной минуты, чтобы организовать восстание против Бурбонов. Но нашелся предатель и выдал революционеров. Бурбонские солдаты под предводительством Манискалько ворвались в монастырь и захватили заговорщиков. Тринадцать человек - самые уважаемые сицилийцы были приговорены к смертной казни. Манискалько убеждал приговоренных открыть имена остальных заговорщиков: "Назовите их, и я вам обещаю сохранить жизнь". Самый старый из повстанцев, Джованни Риз, гордо отвечал: "Лучше сто смертей, чем одно предательство". По знаку Манискалько, солдаты кинулись на старика и прикончили его на месте. Трупы остальных казненных провезли на черных дрогах по всем городам Сицилии, чтобы

люди видели и трепетали. Но, вместо того чтобы вызвать страх, казни вызвали неистовый гнев народа.

В городе Карини народ поднялся первым. Там бесчинствовали бурбонские солдаты, каринцы набросились на них и повесили на городской площади. Когда об этом доложили Франциску, он распорядился смести город с лица земли. Бурбонцы подожгли Карини, от него остался один пепел. Это было последней каплей: сицилийцы дали клятву во что бы то ни стало, любой ценой, освободиться от ига Бурбонов. Патриоты ждут только прихода гарибальдийцев, чтобы примкнуть к ним.

- Теперь вы понимаете, почему мы должны спешить, - продолжал Гарибальди. - Каждый день промедления означает новые жертвы. Манискалько свирепый палач, комендант Палермо, Сальцано, ничуть не лучше, он уже получил в народе прозвище "Капитан Иуда". Остров залит кровью патриотов. Нашего прихода ждут, как прихода мессии, мы не смеем обмануть ожидания народа.

- Да, да, мы не смеем их обмануть! - увлекшись, невольно повторил Александр. Он слушал Гарибальди и готов был следовать за ним, куда бы он ни повел, - такая сила убеждения была во всем, что говорил и делал этот невысокий человек в белом плаще и венгерской шапочке.

Лючия, угощавшая гостей лимонадом-аранчата, вдруг остановилась со стаканом ледяной воды в руке:

- "Мы"? Значит, и вы тоже идете с генералом?

- Да, девочка, они все отплывают завтра ночью, все наши друзья, отвечал за Александра профессор.

Со звоном упал стакан, во все стороны брызнули осколки. Лючия подскочила к Александру, вцепилась в его рукав:

- Уходите? Уплываете? Завтра? Будете там сражаться?!

Она заглядывала ему в лицо, не обращая никакого внимания на остальных, будто в комнате были только она и Александр. Даже отцу, рассеянному и погруженному в свои мысли, внезапно открылся и стал понятен ее трепет. Что же сказать о Датто?

Лев Мечников взглянул в эту минуту на Датто. Один только Мечников увидел его зеленоватую бледность и левую руку, которая судорожно тербила на шее красный гарибальдийский галстук, будто его душило.

"Ох, боюсь, Александр нажил себе нынче преопасного врага", - с тревогой подумал Мечников.

25. В ГАВАНИ

Закат отпылал и погас. Только на западе, в темнеющих водах Лигурийского залива, продолжала розоветь и светиться та точка горизонта,

куда ушло солнце. Уже зажигались звезды, крупные, как будто выпуклые, и быстро и неслышно подходила ночь. Но Генуя не спала. На улицах раздавались возбужденные голоса, скрипели колеса, копыта выбивали дробь, шаркали подошвы прохожих.

Из окон гостиницы видна была цепочка огней, опоясывающая залив, и вспыхивающий через правильные промежутки белый луч маяка на мысу Лантерна.

- Очень вам к лицу эта рубашка, тезка, - сказала Александра Николаевна.

Перед ней стоял Александр в форме гарибальдийского офицера. Пылающий цвет рубахи оттенял молодое лицо, делал его строже, определеннее. Строго смотрели глаза под темными бровями, суровым и замкнутым казался рот. "Возмужал-то как! И когда? И почему я не заметила!" - спрашивала себя "Ангел-Воитель".

Ей было как-то не по себе в присутствии Александра. Она как будто оказывалась в чем-то виноватой и тягостно ощущала эту вину. Александр был так отважен в деле Пелуццо, так беззаветно ей предан, а она порой совершенно забывала о его существовании. И потом, как отблагодарили Александра за его помощь? Пелуццо и Монти получили свободу, Василий Петрович Верещагин сделал в тюрьме отличный этюд семьи Монти и теперь писал большую картину, Эсперанс Шварц и она сама получили личную благодарность Гарибальди. А что получил Есипов? Красную рубашку и позволение сражаться за Сицилию? Но чем кончится для него эта кампания? Вернется ли этот мальчик?

- Мы с Эсперанс приедем вас проводить, - сказала она мягко. - Я... я непременно приеду в гавань к отправлению.

Александр потупился.

- Я пришел просить вас... У меня нет матери... Благословите меня вы.

Ему было очень трудно произнести эти слова. И, произнося их, он не глядел на "Ангела-Воителя".

Александра Николаевна поднялась с кресла. На ней была короткая синяя юбка и матросская широкая блуза. В волосах та же бирюзовая лента. Она отвязала ленту и подала ее Александру:

- Вот, возьмите на счастье. Да хранит вас бог, тезка! Я буду молиться за вас. Я буду помнить.

Она перекрестила его широким крестом. В окно донесся далекий гудок парохода. Темная голова с мальчишески тонким затылком низко склонилась перед нею, сухие, горячие губы прижались к руке.

"Точно печать положил", - вдруг подумалось "Ангелу-Воителю".

Долгая-долгая минута в гостиничной комнате - банальной, безвкусной. За окном что-то закричали - позвали кого-то. Александр опомнился...

- Прощайте! Прощайте!

Он бросился к дверям, еще раз мелькнула бирюзовая лента в руке, полыхнула красная рубашка - и все исчезло.

"Милый какой! Бедный какой!" - растерянно подумалось "Ангелу-Воителю".

Александр мчался по улочкам Сан-Пьетро д'Арена, не замечая дороги, насканивая на встречных. В гавань! В гавань! Там ждет Лев Мечников, там все товарищи, туда приедет и Гарибальди! И скорее, скорее бы уехать отсюда! Александр не замечал, что по улицам идут целые отряды вооруженных людей, что по углам стоят кучки возбужденных моряков, рабочих, женщин в праздничных генуэзских нарядах - бархатных корсажах и цветных джандуйях.

Ночь на 5 мая 1860 года навсегда осталась памятной в истории Италии. Уже все генуэзцы знали, что адъютант Гарибальди, тучный и вспыльчивый Нино Биксио, вместе с кучкой гарибальдийцев напал в порту на два парохода, "Пьемонт" и "Ломбардию", которые принадлежали торговой фирме Рубаттино, и захватили их. Правда, ходили слухи, что все это инсценировка, что владельцы фирмы - давние почитатели генерала и горячие патриоты. Как бы то ни было, оба парохода уже стояли с разведенными парами против набережной и ждали только сигнала к отправлению.

Когда Александр вышел, вернее, выбежал на набережную, он сразу точно перенесся в другой мир. Здесь, на камнях пирса, расположился кипучий, шумный, пестрый бивуак. Сотни людей в гарибальдийских красных рубашках, видных даже в полутьме, толпились, разговаривали, пели, пили вино из походных фляг, чистили оружие, переобувались. Вокруг фонарей смыкались и размыкались тени людей. Луч света выхватывал из сумерек то клочок красной рубашки, то синюю блузу рыбака, то воротник матроса. Говор подымался над лагерем и смешивался с шумом волн. Почти все люди смотрели на дорогу, идущую из Кварто в гавань: по этой дороге должен был приехать Гарибальди. Нетерпение все сильнее охватывало гарибальдийцев. Люди ловили проходящих офицеров, спрашивали:

- Когда же? Когда мы отправимся? Когда дадут сигнал?

Несколько раз останавливали и Александра, но он и сам ничего не знал, и его с досадой отпускали. Бродя от одной группы гарибальдийцев к другой, Александр внезапно обнаружил Льва, который сидел у самой воды под фонарем и преспокойно читал "Исповедь" Руссо. На Мечникове также

была полная форма гарибальдийца, с офицерскими нашивками, с трехцветным шарфом через плечо. Красная рубашка ему очень шла и выгодно оттеняла его живое, мужественное лицо.

- Ага, наконец-то! - встретил он Александра. - А я уж начал было сомневаться, тревожиться. Думал, придется ехать одному.

- Я... я задержался. Надо было кое-куда зайти, - пробормотал Александр.

Лев исподтишка взглянул на него: ничего, мальчик держится неплохо! Он тотчас заметил голубую ленту, повязанную поверх галстука Александра.

- Каков цыганский табор? - кивнул он на пеструю картину гавани. Просто руки чешутся перенести все это на бумагу или полотно.

- Почему бы вам не сделать и в самом деле рисунок? - рассеянно отвечал Александр. - Это и память будет и картина из истории Италии.

Мечников усмехнулся.

- Так вы, стало быть, едете, чтоб делать историю? Какой же честолюбец неисправимый! - Он всеми силами пытался развеселить товарища.

Однако Александру было решительно не до шуток. Он отвернулся и принялся меланхолично глядеть на море, когда его вдруг изо всей силы ударили по плечу.

- Эге, и вы здесь, храбрый мой веттурино! - раздался смеющийся голос. - Мы теперь и с вами боевые товарищи, не только с сеньором Леоне!

Перед Александром стоял рослый молодец в серо-зеленом мундире альпийских стрелков. Есипов увидел знакомые выпуклые глаза с яркими белками и сверкающую улыбку Лоренцо Пучеглаза. Лоренцо был в полном походном снаряжении, даже с флягой и в новехоньких кожаных сапогах.

- Трофей из-под Комо! - Хвастаясь, он поднял ногу чуть ли не к носу юноши.

Александр не видел Лоренцо с того памятного вечера, когда оба они, бешено погоняя коней, неслись из Рима по дороге к Фраскати. У каждого из них за спиной сидел беглец, каждый отвечал за жизнь человека. Эта скачка в темноте, забота о беглецах сразу их сблизили, и теперь Александр видел, что Пучеглаз смотрит на него с таким же дружелюбием, как и на Мечникова.

- Скорей бы ехать! - сказал Лоренцо, угощая обоих друзей вином из своей фляги. - Мы, итальянцы, нетерпеливый народ. Генерал должен ковать железо, пока оно горячо.

- Ходят слухи, что у нас слишком мало оружия, - сказал Мечников. Говорят, патриоты собрали полторы тысячи ружей, а королевские

карабинеры запрятали их под замок и не дали взять ни одного ружья.

Лоренцо, услышав это, принялся клясть на чем свет стоит министра Кавура.

- Это он, собака, запретил брать ружья! Боится, предатель, как бы его хозяин Наполеон Третий не узнал, что он поддерживает Гарибальди. Вот и придется нам теперь воевать какими-то допотопными ружьями! А у бурбонцев подумать только! - превосходные новехонькие карабины! И все-таки, клянусь святой мадонной, мы их побьем! - с энтузиазмом воскликнул Пучеглаз. - Я буду не я, если...

Он неожиданно смолк, прислушиваясь. Из темноты явственно доносился плач. Кто-то рыдал, горестно, навзрыд, захлебываясь, причитая, выкрикивая что-то. Рыдания становились все громче. Вот под фонарем показались два рослых гарибальдийца. Они тащили за собой третьего - маленького, скулящего по-щенячьи.

- О-оо!.. Опять гнать? За что? За что, я вас спрашиваю! Я все принес, что надо. Я не могу вернуться... Я хочу с вами! Не гоните меня, синьоры, не гоните...

- Довольно реветь! Сказано тебе: нельзя. Война - дело серьезное, не для таких сопляков, как ты. Подрастешь, тогда и возьмем тебя воевать, сурово повторяли бойцы, подталкивая и таща своего пленника.

- Что у вас такое, ребята? - вмешался Пучеглаз. - Чего этот рагаццо так разревелся?

- Да вот пришел из-под Рима мальчишка, - охотно остановились те. Просится в отряд. Хочет, видишь ли, сражаться за свободу. Врет, что ему уже шестнадцатый год пошел. А документов никаких. Конечно, офицеры ему отказали. Он ушел, а вот нынче опять явился, уже с документами. Ноги вон в крови, часть дороги шагал пешком, а в церковной записи сказано, что ему и четырнадцати еще нет. Ну, вот и приказано его гнать. А он, вишь, ревет, как здоровенный осел! Просто в ушах звенит от его рева!

Пока провожатые рассказывали, мальчик вдруг перестал плакать и принялся вглядываться в Пучеглаза и обоих русских.

- Синьор Лоренцо! Синьор художник! Вы здесь?! - внезапно закричал он во все горло.

- Лукашка, ты?! - в один голос воскликнули Лев и Александр. - Ай да Лукашка! Куда забрался!

- А, это наш старый знакомый из траттории дяди Пьетро, - промолвил и Пучеглаз. - Ловкий же ты парень, как я погляжу!

- Синьоры, милостивые синьоры, вспомните: ведь вы мне обещали! Вы обещали, что генерал меня возьмет. Помните, в траттории у дяди

Пьетро вы сказали, что если меня не возьмут барабанщиком, то вы возьмете меня ординарцем к себе. Помните, синьоры? - принялся умолять их Лука.

Он обращался то к Лоренцо, то к Мечникову, то к Александру. Он искал в глазах каждого искорки сочувствия к себе. Из-под его всклокоченной козьей безрукавки выглядывала загорелая худенькая, совсем еще детская грудь, маленькие босые ноги были сбиты в кровь. Мечников оглянулся на Александра. У того было жалобное, почти такое же, как у мальчика, лицо. Лев обратился к конвоирам:

- Мы хорошо знаем этого парнишку. Он сын патриота и очень смысленный парень. К тому же он вовсе не такой маленький и может пригодиться в походе. Я правда обещал, что возьму его к себе. Оставьте его здесь, я сам поговорю о нем с полковником Сиртори.

- Если так, синьор офицер... - Гарибальдийцы откозыряли и удалились, очень довольные, что сдали кому-то своего громкоголосого пленника.

Пучеглаз укоризненно покачал головой:

- Ох, наместесь вы с этим мальчишкой, синьоры! Ведь он только и умеет, что баранов пасти. Какой же из него денщик? Вы только взгляните: голый, босой... Его же надо обмундировать, экипировать с ног до головы, а где вы все это достанете в такой спешке? Да теперь и не успеть.

Лука, который было оправился, теперь опять с тревогой ждал решения своей участи.

- Вот и надо немедля заняться этим, - невозмутимо сказал Мечников. Разве я не знаю тебя, Пучеглаз? Стоит тебе захотеть, и ты из-под земли достанешь что угодно. Да ты из любого каптенармуса вынешь экипировку для Луки. Мальчишка будет за полчаса одет и обут, я уверен.

- Что я, маг или волшебник, по-вашему? - заворчал Пучеглаз, но видно было, что ему страшно польстили слова Мечникова. - Конечно, попытаться можно, но выйдет ли что... Ну ладно, парень, идем за мной, постараемся сделать из тебя настоящего гарибальдийца, - неожиданно заключил он.

- А пока в знак своего нового звания пусть возьмет вот это. - Лев бросил Луке свою походную сумку, куда успел положить Руссо. - Тут пища и для желудка и для ума. Смотри не потеряй, мой новый ординанца!

Лука лихо навесил сумку на плечо и кинулся целовать руки своим благодетелям. Он уже чувствовал себя настоящим офицерским денщиком.

26. ОТПЛЫТИЕ

- Вива Италия! Вива Галубардо! Вива ла либерта! - зарокотало, загремело где-то, как дальний гром.

- Едет! Едет!

Мгновенно весь бивуак на набережной пришел в движение. Люди вскочили, забряцало оружие, манерки, к небу полетели походные сумки, военные кепи.

- Вива! Вива!

Короткая южная ночь уже кончалась. Уже разгорались, отливали золотым и розовым небо и море. По заливу ходила, тяжело переваливаясь, густая маслянистая волна. Рыбацкие челноки, которые их владельцы пригнали сюда из всех окрестных селений, терлись друг о друга деревянными боками и беспрестанно кланялись воде.

Восторженно кричащая толпа гарибальдийцев увлекла за собой Александра и Мечникова, и они оказались притиснутыми к той кучке офицеров, которая окружала Гарибальди. На генерале на этот раз был итальянский плащ и круглая черная шапочка. Александр увидел у него за поясом револьвер и саблю. Как всегда, к ногам генерала жался преданный Герелло, а неподалеку виднелась рослая фигура негра Агюйяра. Гарибальди был спокоен и нетороплив. Он подошел к парапету и взглянул на дымящие в заливе пароходы. Потом, обратясь к сопровождавшему его раскрасневшемуся и взмокшему от беготни Биксио, сказал что-то.

- Все твои распоряжения выполнены, - услышал Александр голос Биксио. - Точно еще не известно, но, по предварительным подсчетам, здесь собралось около тысячи бойцов.

- Ты примешь команду над "Ломбардией", - сказал Гарибальди, - а я поведу "Пьемонт". - И тотчас, обратясь к красным рубашкам, теснившимся вокруг, скомандовал: - Вперед, друзья! Всем грузиться на корабли!

- На корабли! Всем на корабли! Посадка! - пошло греметь и перекатываться по набережной.

Стоявшие у парапета лодки и челноки вмиг наполнились людьми. Залив зачернел суденышками, похожими издали на юрких рыбешек. "Ломбардия" и "Пьемонт" выглядели на фоне расцветающего заревыми красками неба большими и мощными кораблями. На самом же деле это были однотрубные колесные пароходы, снабженные на случай, если откажут машины, мачтами. Сейчас дым из корабельных труб широко растекался по горизонту и придавал всей картине посадки какой-то грозный колорит. Лодки уже подплыли к кораблям, и многие гарибальдийцы, которым было невтерпех ждать очереди, чтобы подняться по трапам, начали карабкаться на палубы прямо по канатам. С набережной казалось, что оба корабля взяты на абордаж, - столько энергичных черных фигурок взбиралось по канатам и затопляло борта.

Только один старый рыбацкий челнок как будто застыл посреди этого

всеобщего движения и медленно кружился на одном месте. В челноке, видные всем, стояли рядом коренастый длинноволосый человек, высокий негр и маленькая черная собачка. От времени до времени бойцы Гарибальди слышали хорошо знакомый голос:

- Не теснитесь. Не переполняйте лодки. Спокойнее. Не толпитесь все сразу у правых бортов. Пусть часть людей перейдет на левые, иначе корабли могут опрокинуться. Спокойнее.

И, послушные этому голосу, гарибальдийцы выполняли все распоряжения своего вождя.

- Пора и нам переправляться на "Пьемонт". Доколе же мы будем еще дожидаться вашего Пучеглаза! - нетерпеливо говорил Александр Мечникову.

- Он такой же мой, как и ваш, - хладнокровно возразил Лев, продолжая озираться и ждать Лоренцо, который обещал явиться с Лукой непременно к посадке.

Наконец медлить дольше стало не вмоготу. Набережная приметно опустела - лодок почти не было, все они продолжали кружиться возле пароходов, видимо дожидаясь отплытия. У причала оставалась одна-единственная шлюпка, да и та тяжело осела в воду, столько набилось в нее пассажиров. Она готовилась отчалить.

- Эй, погодите нас! - крикнул Лев лодочнику.

Но едва он и Александр приблизились к парапету, как целая компания молодых гарибальдийцев опередила их и со смехом и шутками попрыгала в лодку.

- Отчаливай! - крикнул кто-то из компании.

Лодочник поспешил оттолкнуться веслом - он боялся, что суденышко его вот-вот опрокинется. Оба русских хмуро взглянули друг на друга.

- Кажется, в этой компании был Датто, - сказал Александр. - Это он крикнул "отчаливай". Я узнал его по голосу.

- Э, всюду вам чудится этот Датто! - досадливо отмахнулся Лев. - Надо что-то придумывать. Мы буквально, а не только символически остались за бортом.

- Поищем еще какую-нибудь лодчонку у маяка, - предложил Александр. Не оставаться же нам, в самом деле, в Генуе из-за Лоренцо.

А у самого сладко замерло сердце: если не уедут, стало быть, можно снова увидеть "Ангела-Воителя"... Александр дернул плечом, стравивая с себя недостойный мужчины соблазн.

- Побегу поищу...

Но тут, на их счастье, из-за мыса выплыл длинный рыбацкий челнок, и

зычный голос закричал:

- Эге-гей! Синьор Леоне! Синьор Алессандро! Это мы! Подождите!

- Пучеглаз! - узнал Александр. - Как он вовремя!

Пучеглаз греб сильно, и через несколько минут челнок оказался у парапета. В нем, кроме Лоренцо, сидела какая-то странная фигура в старом кепи национального гвардейца, надвинутом на самый нос, в блузе до пят, засученных штанах и лакированных башмаках на босу ногу.

С трудом узнали Лев и Александр в этом наряде Лукашку. Мальчик встал и торжественно откозырял обоим друзьям.

- Ваша сумка при мне, синьор капитан! Вот она! - отрапортовал он Льву. - Я ничего не потерял!

И в доказательство он поднял над головой сумку, из которой выглядывал растрепанный том Руссо.

- Скорее в лодку, а то корабли уйдут без нас! - закричал Пучеглаз.

Лев и Александр ловко спрыгнули с парапета. Через несколько минут вся четверка уже взбиралась на палубу "Пьемонта". Палуба эта превратилась в такой же бивуак, каким только что была набережная Генуи. Гарибальдийцы заполнили все помещения, переходы, нос и корму корабля. Каюты были забиты офицерами. Некоторые уже вынули карты и кости и намеревались начать игру. Говорили, что в кают-компании идет совещание военного совета, что Гарибальди вызвал туда всех своих военачальников: энергичного и храброго венгерца Тюрра, красавца и горячего патриота Орсини, бывшего священника Сиртори. У гарибальдийцев было слишком мало оружия - это грозило провалом всей экспедиции. Надо было любыми способами во что бы то ни стало раздобыть еще орудий и пороха. Кроме того, несмотря на все предосторожности, об экспедиции Гарибальди в Сицилию узнали все. Вся Европа напряженно следила за продвижением гарибальдийцев.

В море уже крейсировали два неаполитанских корабля, и Гарибальди получил сведения, что бурбонцам приказано преградить дорогу его кораблям и захватить "Ломбардию" и "Пьемонт".

Между тем наступило уже утро, надо было торопиться. В заливе заиграла резвая волна, подул ветер.

Из кают-компании появилась знакомая всем фигура в развевающемся на ветру плаще.

- *Avanti!* - зычно скомандовал Гарибальди.

Ему ответил дружный, радостный крик его "тысячи". Мощный хор грянул гарибальдийский гимн:

Разверзлись могилы, и мертвые встали,

И наши страдальцы пред нами предстали,
Венчанные лавром, как некогда в жизни,
С любовью к отчизне в горячей груди.
Восстань же! Восстань же, о юность народа!
Несет наше знамя под ветром свобода.
Восстань же с оружием и мощным припевом,
С любовью и гневом в горячей груди!
Долой, уходи из Италии нашей,
Ступай, чужестранец, откуда пришел!
Отчизна цветенья, и песен, и смеха
Оденется в сталь боевого доспеха.
Пусть руки в оковах - мы свергнем тирана,
И слава Лоньяно вернется в наш век!
Австрийскую палку на части ломая,
На битву за родину Рим поднимая,
Ярмо наше скинем, австрийцев прогоним,
Колен не преклоним пред ними вовек.
Долой, уходи из Италии нашей,
Ступай, чужестранец, откуда пришел!
Наш дом - вся Италия наша родная.
Ступай, чужестранец, живи на Дунае;
Не трогай ни хлеба, ни нив наших спелых,
Сынов наших смелых не смей отнимать.
Два моря и Альп вековые отроги
Вот наша граница. Пускай же дороги
Пробьют Апеннины, и встанет за нами,
И встанет под знамя вся родина-мать,
Долой, уходи из Италии нашей,
Ступай, чужестранец, откуда пришел!

Женщины махали с берега и из лодок огромными соломенными шляпами.

Биксио сигнализировал с "Ломбардии", что и у него все готово к отплытию.

И вот уже загремели якорные цепи, забурлила за кормой вода, и белая пена, как кружевной шлейф, волочится за кораблем. Плавно удаляются, тают в солнечной дымке сверкающие дома и темная зелень генуэзских садов.

Александр протолкался к самому борту и не спускает глаз с легкой белой лодки, плывущей по заливу. Там, в этой лодке, кроме матроса-гребца,

грациозно наклонилась над водой гибкая женская фигура. Голубой зонтик кольшется, как диковинный цветок. Но вот зонтик откинулся, показалась золотая голова, вверх взметнулась рука, приветливо замахала платком. Александр сдернул кепи с головы, тоже неистово замахал.

"Прощай, прощай, красивая, милая! Приехала проводить, как обещала. Не обманула, милая".

- Смотрите, синьор, не свалитесь в воду из-за вашей золотоволосой синьоры, - раздался рядом язвительный, дрожащий голосок.

Александр обернулся. На него смотрел, весь пылая, совсем еще юный гарибальдиец в красной рубашке, переkreщенной ремнем, на котором висели пистолет и сабля. Глаза гарибальдийца готовы были испепелить Александра.

- Что? Что такое? Лючия?! Вы!! - остолбенев, пробормотал Александр.

А рядом грозно гремело и взлетало над синим в этот час Лигурийским заливом:

Уста наши немы, сплетемся руками,
Не дрогнем и встретимся грудью с врагами,
На горных отрогах ударим оружием,
Всей жизнью послужим, отчизна, тебе.
Довольно грабители нас угнетали!
Все люди Италии дружно восстали!
Как сто городов итальянских едины,
Мы будем едины в священной борьбе.
Долой, уходи из Италии нашей,
Ступай, чужестранец, откуда пришел!
27. К БЕРЕГАМ СИЦИЛИИ

"Прекрасна была ночь начала великого дела! Она пронизывала сердца гордых той благородной гармонией, которая дает блаженство избранным! И кто может сомневаться в победе, летя на крыльях долга и совести и спеша навстречу опасностям и смерти, словно навстречу блаженному поцелую возлюбленной? "Тысяча" ударяла оружием о скалы, словно жеребец копытом о землю, чуя битву.

Куда спешат они сражаться? Они, слабые, с сильными войсками! Они спешат туда, где люди не хотят больше подчиняться игу тирании и поклялись скорее умереть, чем остаться рабами".

Так писал несколько лет спустя Гарибальди о походе в Сицилию. Пока на двух кораблях его "тысяча" спала, пела, чистила оружие, играла в шахматы и кости, ела сыр и запивала его кисловатым вином, генерал и его военачальники решали план высадки на сицилийский берег. За время

плавания Гарибальди успел разбить своих бойцов на восемь отрядов и во главе каждого отряда поставил самых опытных офицеров. Сиртори был назначен начальником генерального штаба, Асерби - интендантом, Тюрр - адъютантом. Двое русских и с ними Пучеглаз и Лука попали в седьмой отряд, состоявший главным образом из студентов. Оружие и экипировка, которые удалось собрать, тоже были розданы бойцам "тысячи", однако на всех бойцов не хватило. Нужно было что-то срочно придумать, где-то раздобыть снаряды и пушки, иначе всех гарибальдийцев ожидала верная гибель. Гарибальди сообщили: кроме неприятельских крейсеров, у берегов Сицилии стоят еще и английские корабли. Правда, англичане объявили, что будут соблюдать полный нейтралитет. Они, мол, только охраняют интересы английских граждан в Сицилии. Но еще неизвестно, как себя будут вести английские корабли в случае морского боя.

- Оружие, оружие нам сейчас нужнее, чем хлеб! - твердил Гарибальди Тюрру.

Солнце купалось в зеленых волнах, доски накалились так, что обжигали босые ноги матросов.

Александр и Мечников долго и безуспешно бродили по "Пьемонту": Лев искал свободную каюту или хотя бы незанятое место в каюте, а Есипов все надеялся отыскать среди бойцов сумасбродную дочку профессора Претори. Лючия, уязвив его, убежала, и он так и не смог узнать, каким образом очутилась она на корабле. Знает ли профессор, что дочь его вступила в гарибальдийский отряд и, вместо того чтобы смешивать оршады и стряпать пирожки, отправилась на войну? Не Датто ли сманил девушку? Однако в глубине души Александр ощущал угрызения совести. Он отлично знал: не Датто повинен в том, что Лючия сбежала из родительского дома в сицилийский поход. Правда, девушка - горячая патриотка, она преклоняется перед Гарибальди, но Александр не мог лукавить перед самим собой: не один только патриотизм привел Лючию сюда, на корабль. И вот теперь ради профессора придется Александру взять на себя роль рыцаря этой девчонки, охранять ее, следить за ее безопасностью. "Вот еще забота! И зачем только эта шальная увязалась в Сицилию!" - с досадой думал Есипов. Впрочем, эта досада и поиски девушки отвлекали его от собственной тоски. Он решил сказать Льву о встрече с Лючией.

- Ага, я же предупреждал вас - от этой девицы можно чего угодно ждать, - нисколько не удивился Лев. - Недаром Италия - родина Беатриче Ченчи. Здесь, брат, рождаются сильные характеры. - Он усмехнулся. - Но ваша-то роль теперь какова! "Что за комиссия, создатель!" продекламировал он.

- Вам хорошо смеяться! - проворчал Александр. - А мне не до смеха.

- Конечно, вы теперь отвечаете за ее жизнь, за ее безопасность, - уже вполне серьезно сказал Лев. - Ведь как бы вы ни отпирались, мне отлично известно, что она здесь только из-за вас.

Александр махнул рукой. Он и не пытался отпираться. Теперь они продолжали свои поиски вдвоем со Львом. Они обшарили палубу и трюм "Пьемонта", вглядывались в каждую группу гарибальдийцев. Завидев издали стройного юношу, похожего обликом на Лючию, они бросались к нему, но каждый раз их постигало разочарование. В камбузе они наткнулись на Пучеглаза и Луку, которые успели уже свести дружбу с черномазым и хмурым на вид коком и помогали ему в стряпне. Впрочем, помогал по-настоящему один Лукашка: он поливал томатом огромное блюдо макарон, а Лоренцо, захватив целую пригоршню и закинув голову, заглывал макароны и смачно облизывался. Увидев обоих друзей, он просиял, подмигнул им с видом заговорщика и кивнул на кока. "Не беспокойтесь, братцы, уж я о вас позабочусь", - сказал им этот выразительный взгляд.

На корме, у связки канатов, спал, раскинув ноги в самодельных сандалиях, рослый гарибальдиец с изможденным лицом, обрамленным русой бородкой. Александр, который чуть не наступил ему на ноги, вдруг ахнул.

- Монти! Марко Монти здесь?! - Он повернулся к Мечникову. Поглядите-ка на этого малого. Ведь это тот самый столяр Монти, которого мы вызволили из тюрьмы. Каким же образом...

Но тут спавший, видно, услышал незнакомый говор. Он вскочил. Бледность побежала по его щекам.

- Что? Что такое? Пора? Уже?!

Вдруг глаза его увидели море за кормой, участливое лицо Александра. Морской ветерок заиграл у него в волосах. Он провел рукой по лбу, мучительно выкарабкиваясь из сна.

- Ох, почудилось мне, что я опять там, в тюрьме! Никак не могу разделаться с ней, с проклятой...

Смуценно улыбаясь, он приблизился к Александру:

- Узнали меня, синьор? А мне с самого начала было известно, что вы будете здесь, с нами. Франческа слышала это от синьора художника. Да и Лоренцо, когда привел меня в отряд, тоже сказал, что я вас увижу.

- И вы оставили семью, Монти?

Марко вздохнул.

- Что же подделаешь, синьор. Нельзя сидеть в укромном углу, когда

люди идут драться за твою родину. Ведь я сицилиец, из-под Палермо, синьор. Там родился, там померли мои старики, там до сих пор живут мои братья и сестры. А теперь и сам я обязан жизнью генералу Джузеппе. Не будь его, мои косточки теперь гнили бы в земле. Франческа тоже сказала мне: "Иди и возвращайся с победой". Вот я и пошел. Да что я, - даже мой сынишка Уго чуть было не увязался за мной. Еле его отговорил: сказал, что он должен вместо меня остаться помощником и защитником матери.

Марко совсем оживился и говорил с воодушевлением. Мечников вглядывался в него и думал: недаром Верещагин так увлекся своей картиной модель того стоила. Пожалуй, он и сам с охотой написал бы портрет этого столяра-гарибальдийца с такой удивительной, романтической судьбой.

- А в какой отряд вас зачислили, синьор? - спросил Марко.

- В седьмой.

- О, стало быть, будем вместе воевать! - обрадовался Монти. - Лоренцо упробил начальство, чтоб меня определили к нему. Ведь мы с ним земляки, синьор, а он здесь, как старьй вояка, всех знает.

Монти явно гордился своим знакомством с Пучеглазом. Заметив, что Александр и Мечников собираются идти дальше, Марко осторожно коснулся пальцем рукава Есипова.

- Синьор, - сказал он тихо, - синьор, может, в бою мне повезет, и я смогу отплатить вам за все, что вы для меня сделали. Я так этого хочу, синьор! И Франческа мне наказывала отблагодарить вас.

- Полно, полно, вот пустяки какие! - смущенно пробормотал Александр.

Его и трогала и тяготила эта благодарность. Он сделал вид, что торопится, и последовал за Мечниковым.

Снова и снова оба друга обшаривали все помещения "Пьемонта". В узком нижнем коридоре, куда выходили двери кают, они вдруг наткнулись на знакомую высокую фигуру в серо-зеленой куртке. У дверей кают-компаний, вполоборота к ним, стоял Датто. Лицо его выражало напряженное внимание. Из-за дверей доносился голос Гарибальди:

- Пусть это военная хитрость, но я не вижу другого выхода. И не отговаривайте меня. На войне, да еще на такой войне, как наша, - это только необходимая мера.

Датто заметил обоих русских, только когда они подошли к нему почти вплотную. Он поздоровался с ними так, будто впервые увидел их на корабле. Эпизода с лодкой словно и вовсе не было.

- У генерала совещание командиров. Я получил распоряжение не

пускать сюда посторонних, - обратился он к обоим друзьям. - Будьте любезны, синьоры, пройти в каюту или выйти на палубу.

Александр вспыхнул, хотел что-то возразить, но его перебил Мечников.

- Конечно, мы сию же минуту уйдем, капитан, - миролюбиво сказал он. Нам хотелось только удостовериться, не здесь ли синьорина Лючия. Она недавно была на палубе, а теперь...

- Что-о?! - С Датто вмиг слетела его официальность. - Лючия - на корабле? Синьорина Претори?! Вы ее видели здесь?

- Мы думали, вам это известно гораздо лучше, чем нам, - спокойно кивнул Лев. - Кто же, как не вы, уговорил ее бежать из родительского дома, кто же, как не вы, снабдил ее костюмом гарибальдийца, оружием? Кто помог ей определиться в волонтеры?..

- Я?! Porco Madonna! Вы с ума сошли! Да у меня и в мыслях не было... - забормотал Датто. Вдруг он опомнился и подозрительно уставился на обоих друзей. - Вы со мной шутки шутите, господа. Видно, это вы сами подговорили синьорину Претори. Берегитесь, я узнаю правду, и тогда вам придется отвечать за свои поступки! У нас в Италии расплачиваются кровью, господа! - Он с ненавистью взглянул на Александра. - Я знаю, кто виновник ее побега. Я найду ее и заставлю сказать мне все.

В своем волнении Датто позабыл о том, что стоит у самых дверей кают-компании и что там все слышно. Внезапно двери распахнулись, и в коридор вышел Гарибальди. Александр и Лев невольно попятнулись: на Гарибальди был сине-красный мундир с эполетами и кивер, украшенный высоким султаном. Генеральский мундир бурбонской армии!

- Что тут такое? Отчего ты кричишь? - обратился Гарибальди к Датто, не обращая внимания на остолбеневших русских. Так как Датто не отвечал, то он, мельком поглядев на него, сказал: - Вели застопорить машины. Пускай бросят якорь у Таламоне. Мне необходимо повидаться с комендантом крепости Орбетелло.

- Слушаюсь, генерал!

Датто направился к лесенке, ведущей в машинное отделение. Но на прощание он бросил Александру еще один мстительный взгляд.

28. СИГНАЛ В ТУМАНЕ

Усталые и сердитые от бесплодных поисков, от стычки с Датто, наши друзья поднялись снова на палубу. Там было по-прежнему жарко и тесно.

- А я вас ищу, ищу, синьоры. Пора обедать! - раздался мальчишеский голос, и перед ними предстал все такой же великолепный и важный Лука.

Он провел их в укромный уголок за трубой парохода, где команда

обычно сражалась в кости или шахматы. Там, на дощатой палубе, был аккуратно послан старый мешок, на котором стоял котелок, полный дымящихся макарон.

- Это для вас получил у повара синьор Лоренцо, - благоговейно показал на макароны Лука. - Ох, до чего же ловко умеет Лоренцо обойтись со всяким человеком! - восхищенно добавил он.

Только при виде макарон Александр и Лев поняли, как они голодны. Между тем машины на "Пьемонте" затихли. Послышался ляг якорной цепи. Гарибальдийцы столпились у бортов, смотрели на видневшийся неподалеку порт Сан-Стефано и стены крепости Орбетелло. Спустили шлюпку, потом еще одну. Ветерок принес с берега запах цветущих оливковых деревьев. Солнце начало опускаться. Кто-то тихонько заиграл на мандолине. Корабль чуть покачивало.

Прибежал всезнающий Пучеглаз. Ему уже стало откуда-то известно, что военная хитрость удалась Гарибальди и что, увидев блестящего бурбонского генерала в мундире, старый капитан крепости Орбетелло майор Джорджини выдал "для нужд королевской армии" сто тысяч патронов, три полевых орудия и тысячу двести снарядов.

- Ну, теперь мы поживем! Теперь мы повоюем! - возбужденно повторял Пучеглаз, потирая руки.

Новость распространилась по кораблю. Люди повеселели, кто-то во все горло затянул песню, и ее тотчас же подхватили, но тут от Гарибальди пришел приказ соблюдать тишину: неприятельские корабли крейсировали где-то поблизости.

Якорная цепь снова загремела: "Пьемонт" отправлялся в дальнейший путь.

Закатное небо полыхало золотым, оранжевым, зеленым, лиловым, вода принимала, вбирала в себя все эти краски, исчезала линия горизонта, и казалось, что небо и море - одна огромная чаша, наполненная расплавленной жидкостью. И вдруг очень быстро, почти незаметно для глаза, все подернулось дымкой, словно пеплом. Потускнели краски, красный мяч солнца бултыхнулся в воду. И откуда-то из глубин моря стал выползать туман. Он подымался и наплывал волнами - все гуще, все плотнее. Казалось, что "Пьемонт" погружается в вязкое месиво. "Ломбардия", которая следовала за "Пьемонтом", вдруг совсем скрылась из виду. Ее пытались окликнуть, она не отвечала. Понемногу замолкли даже разговоры. Люди напряженно вглядывались в обступившую корабль облачную завесу. Ни зги, ни огонька. "Пьемонт" подвигался вперед толчками, как слепой, бредущий ощупью. Лев и Александр завернулись в

плащи и прикорнули на палубе, но заснуть не могли: им тоже передалось общее напряжение. Пучеглаз еще на закате отправился снова в камбуз к новому приятелю - коку, а Лука отпросился к матросам: ему хотелось достать у них мази и точило, чтоб наточить и начистить свою великолепную саблю.

Туман теперь был так плотен, что казалось, его можно ощупать руками, как толстый занавес. Едва человек делал шаг в сторону, как уже терял и своего соседа и представление о том, где находится он сам.

Лука, надраив в кубрике свое драгоценное оружие, вылез на палубу, ахнул, но все же пошел искать своих синьоров уффициале (офицеров). И почти тотчас же заблудился.

Он то наступал на чьи-то ноги и в испуге отпрыгивал, то натыкался на связки канатов и ящики. Один раз он чуть не упал в море, потому что широко шагнул вперед, не видя ни борта, ни поручней.

- Святая мадонна, что же это такое? Спаси и сохрани нас!

Луке сделалось страшно, хотя он отлично знал, что кругом в этом белом мареве сидят и лежат люди, его друзья. Мальчику пришло в голову, что будет безопаснее, если он пойдет, держась за перила. По крайней мере не свалится в море.

Так он и сделал. Однако не продвинулся он и на несколько метров, как увидел где-то впереди чуть светящуюся точку. Свет быстро перемещался то выше, то ниже. Лука обрадовался: "Никак, фонарь! Вот хорошо-то! Сейчас попрошу посветить и быстро найду моих синьоров". Он решительно двинулся на свет, но мутное пятно вдруг исчезло! Эге, нет, вот снова забрезжило... а теперь опять исчезло! "Вот чудеса! - рассуждал про себя Лукашка. - Кто там балуется? И откуда взяться здесь фонарю? Днем никакого фонаря я не приметил". Все же он продолжал подвигаться вперед, крепко ухватившись за перила. И вдруг у самого его лица, ослепив его, полыхнул свет.

Лукашка протянул руку и тут же, чертыхнувшись, отдернул:

- Ох, черт, жжется как!

Свет мгновенно исчез, и кто-то невидимый, закутанный с ног до головы в плащ, вскрикнул:

- Кто... кто здесь? Что нужно? Что такое?!

- Это я, синьор. Ординанца русских, синьор. Извините, я ищу своих офицеров, - растерянно забормотал Лука, дуя на обожженные пальцы.

- Зачем тебя дьявол здесь носит? Ступай на свое место! - свирепо сказал невидимый. - Чтоб ты здесь больше не шлялся, слышишь, сопляк!

Оробевший Лука отступил. Долго еще бродил он среди белых волн

тумана, покуда не набрел на своих "уффициале".

- Где пропал, Лукашка? - добродушно спросил его Александр.

- Заблудился в тумане, синьор, - отвечал Лукашка, трясая рукой, которая так и горела у него.

- Что это с твоей рукой?

- Обжегся о фонарь, синьор.

- Какой фонарь?

Пришлось Луке рассказать историю своих странствований по кораблю. Неожиданно история с фонарем и человеком, который так грубо прогнал Лукашку, заинтересовала синьоров офицеров. Оба они забросали мальчика вопросами: как выглядел этот человек? На каком борту стоял? Какой у него голос? Луке было очень жаль, что он не может угодить добрым русским, но он не видел ни лица этого человека, ни его фигуры. А голос? Ну как же можно описать голос? По выговору, наверное, римлянин, а голос совсем обыкновенный.

- Что вы думаете об этом, Лев? - взволнованно спросил Александр. Может, стоит доложить генералу?

Лев махнул рукой:

- А что вы ему скажете? Что какой-то человек стоял с зажженным фонарем у борта? А может быть, это делалось по его собственному приказанию. И потом, что вы видите в этом подозрительного? Я, например, уверен, что один из матросов просто что-то искал и светил себе фонарем.

- О, вы всему находите объяснения! - недовольно пробормотал Александр, но настаивать не стал.

Пока шел этот разговор, затерявшаяся в море "Ломбардия", которой командовал Биксио, тоже еле-еле подвигалась в тумане. Где-то в том же тумане находился и неприятельский фрегат. Биксио приказал на всякий случай погасить все огни и заглушить машины. Так можно было вернее проскользнуть мимо неприятеля. Сильно нервничающий Биксио сам стал на вахту и старался пронизать взглядом белесую пелену, окутывающую судно. Вдруг совсем близко Биксио различил какое-то большое темное пятно.

Пятно приближалось с непостижимой быстротой. Сквозь туман блеснул огонь.

- Синий свет! Теперь красный! Опять синий! Ага, это бурбонский корабль! Это их цвета! Они сигналият нам, видно, принимают нас за своих!

Биксио вмиг припомнил распоряжение Гарибальди: "При встрече с неприятелем начинай бой первый. Сразу бери его на абордаж".

- Приготовиться к бою! - скомандовал он. - Полный вперед!

"Ломбардия" устремилась навстречу сигналившему фрегату. Волонтеры приготовились, взвели курки. Сейчас, сейчас дадут команду: "Огонь!" Еще минута, и раздался бы гром пальбы, треск столкнувшихся кораблей, крики раненых. Но тут вдруг из тумана послышался хорошо знакомый всем голос:

- Эй, капитан Биксио, это что такое? Ты что, потопить нас собираешься?

- Галубардо! - ахнули волонтеры. - Сам Галубардо! Святая мадонна! Потрясенный Биксио даже не отозвался.

- Капитан Биксио, почему не отвечаешь? - снова окликнул его Гарибальди.

Биксио взял рупор. От волнения он почти потерял голос.

- Я не понял ваших сигналов, генерал, - прохрипел он, и рупор еще усилил его хрипение. - Я думал, передо мной неприятельский корабль.

- Какие сигналы? О чем ты говоришь, Биксио?

- Я говорю о синих и красных световых сигналах, которые вы нам подавали с левого борта.

Наступила долгая пауза. Видимо, Гарибальди обдумывал то, что сказал Биксио.

- Кроме тебя, кто-нибудь видел эти сигналы? - спросил он.

- Видели все, кто стоял со мною на мостике.

- Хорошо. Я выясню, что это были за сигналы, - снова раздался спокойный голос Гарибальди. - А ты пускай в ход машины и держи курс на Марсалу.

- Есть, генерал!

"Пьемонт" и "Ломбардия" снова отправились в путь. А за паровой трубой "Пьемонта", на крохотном кусочке палубы, разыгрывалась настоящая драма. Маленький пастушонок, одетый в форму гарибальдийца, катался по полу, рвал свои смоляные кудри и кулаками размазывал по лицу злые слезы.

- Оставьте меня, синьоры, не трогайте меня, - гневно говорил он сквозь слезы двум русским, которые пытались его успокоить. - Хотите, чтоб мне было легче, - избежите меня, как паршивую собаку. Избежите меня, синьоры, мне будет лучше! Ах я трижды проклятый, ах я глупый мул! Что скажет теперь обо мне Лоренцо? Держал врага в руках, он был здесь, рядом, а я ничего не понял! Этот негодяй хотел, чтоб наши корабли потопили друг друга, чтоб все мы пошли на корм рыбам, а я, я, шелудивый осел, ничего этого не понял! Горе мне, горе!

Неожиданно Лукашка вскочил на ноги:

- Да что же я здесь валяюсь? Ведь я должен сейчас же, сию минуту

бежать к генералу, сказать ему, что я видел, как тот негодяй сигналил! Пускай генерал прикажет обыскать весь корабль! Мы найдем предателя!

Вопли мальчика уже начали привлекать внимание. Несколько бойцов просунули головы в укромный угол за трубой:

- В чем дело? Отчего этот рагаццо так орет? Что с ним приключилось?

- Заставьте его замолчать, - по-русски сказал Мечников Александру. Мальчишка своим криком весь корабль поднимет, а тот, кто сигналил, преспокойно ускользнет. Если мы хотим его обнаружить, надо молчать до поры.

- Он здесь, он никуда не мог скрыться! - продолжал между тем вопить Лукашка. - Я скажу! Я заявлю генералу... - Он поперхнулся.

Рука Александра плотно закупила ему рот.

- Парень поссорился с одним нашим товарищем и хочет пожаловаться генералу, - обратился Мечников к гарибальдийцам. - Очень вздорный мальчишка!

А Есипов, все еще не отнимая руки, успел шепнуть Лукашке:

- Сейчас же замолчи! Ты глупый. Помни: это военная тайна.

Брови пастушонка полезли на лоб.

СИЦИЛИЯ

29. НА ОСТРОВЕ

В Мессинском проливе ходила темно-зеленая, как бутылочное стекло, волна. 11 мая, уже на рассвете, перед гарибальдийцами открылись шапка Этны и встающая из зеленой воды желто-бурая гряда сицилийского берега. Гарибальди удалось обмануть бурбонцев: они караулили его в море, на дороге в Сицилию, а он резко изменил курс, пошел к Африке, потом круто повернул на северо-восток и направился в сицилийский порт Марсалу.

Королевские корабли спохватились, да поздно. "Стромболи" и "Амалия" кинулись преследовать гарибальдийцев, однако настигнуть их удалось только у самых берегов Сицилии. Между тем на рейде, у Марсалы, стояли два английских корабля. Корабли эти мешали бурбонцам открыть огонь: они боялись попасть в суда англичан и просили английское командование уйти, освободить порт. Английские капитаны отвечали, что ждут своих офицеров, уехавших на берег, и никуда не уйдут, но обещают соблюдать строгий нейтралитет.

Пока шли эти переговоры, Гарибальди спокойно начал высадку волонтеров. Жители Марсалы высыпали на берег и громкими криками приветствовали своих освободителей. Они обнимали гарибальдийцев, совали им в руки цветы, еду, вино. "Бедный народ принял нас ликуя и с нескрываемой симпатией, - писал о высадке Гарибальди. - Он думал только

о возвышенности жертвы, о героизме дела, на которое шла горсть благородных юношей, издавек явившихся на помощь своим братьям".

Мечников с Есиповым и Лука с Пучеглазом сошли на берег одними из первых. Сиртори передал своим бойцам приказ собраться у низкого белого здания таможни на берегу. Волонтеры торопились с высадкой. Все понимали, что неприятельские корабли вот-вот начнут обстрел. Мимо наших друзей, откусывая на ходу хлеб, пробежал Марко Монти. Вид у него был встревоженный.

- Не обстрелянный еще, - усмехнулся, глядя ему вслед, Пучеглаз.

Александр и Лука взглянули друг на друга и потупились: им обоим пришла мысль, что и они тоже еще не обстрелянные, - как-то они почувствуют себя под огнем! Однако долго думать об этом им не пришлось - раздался грохот, и первый снаряд с бурбонского корабля разорвался в море, взбаламутив зеленую воду.

- А ну, давай еще такой же! - заорал Пучеглаз.

И, словно послушавшись его, снаряды начали ложиться то на молу, то у входа в порт, то в море. Толпы волонтеров бежали по берегу. Александр оглядывал каждого: нет ли среди них Лючии? Один раз ему показалось, что он видит тонкого мальчика с испуганными глазами Лючии. Он кинулся к нему, но это оказался настоящий мальчик, перепуганный и растерявшийся. Между тем вражеские снаряды никому не причиняли вреда. Гарибальдийцы подозревали, что моряки с бурбонских кораблей нарочно целили мимо, чтоб не убивать своих братьев-итальянцев. "Пьемонт" достался неприятелю, когда на нем не оставалось уже ни одного бойца. "Ломбардия" села на мель, и никакие усилия неприятеля не смогли сдвинуть ее с места. Стрельба внезапно прекратилась.

Удивленные волонтеры поняли, что оба неприятельских корабля разворачиваются и как будто собираются уходить. В самом деле, бурбонские командиры увидели всю бесцельность обстрела и решили идти на соединение с остальным флотом.

- Уходят! Они уходят! - закричали гарибальдийцы ликуя.

Вскоре оба неприятельских корабля скрылись из глаз.

Гарибальди, сойдя на сицилийский берег, выпустил воззвание:

"Сицилийцы! Я привел к вам горсть храбрецов, уцелевших от ломбардских битв. Мы услышали геройский зов Сицилии, и вот мы здесь, среди вас. Мы желаем только одного - освобождения отечества. Будем единокорны, и дело окажется нетрудным.

К оружию! Кто не возьмется за него, тот либо изменник, либо трус! Пусть никому не служит извинением недостаток оружия: в руках храбрых

всякое оружие хорошо. Городские власти позаботятся об участии стариков, женщин и детей. Итак, к оружию! Пусть Сицилия снова покажет миру, как доблестный народ освобождается от своих тиранов!

Д ж у з е п п е Г а р и б а л ь д и".

Марсала - красивый маленький городок, кокетливо присевший на одном из золотистых пляжей, которые тянутся от Трапани до Джидженти. Укрепленный в старину, как почти все сицилийские города, он сохранил стены и башни со времен средневековья. Здесь делали знаменитые вина Марсалы, и на набережной высились торговые дома английских фирм, которые вывозили это вино за границу.

Еще до высадки гарибальдийцев местные власти сообщили по телеграфу в Трапани, где находился большой бурбонский гарнизон, что приближаются неизвестные корабли. Потом они передали, что корабли вошли в порт и что с этих кораблей начали высаживаться неизвестные люди. Гарибальди, видимо, подозревал, что власти будут телеграфировать. Едва ступив на сушу, он приказал, чтоб послали людей занять контору телеграфа.

Сиртори вызвал Мечникова и Есипова как наиболее просвещенных и владеющих несколькими иностранными языками. С ними попросились идти Пучеглаз и, разумеется, неизменный Лука. Все четверо быстро направились вверх по горной улочке к маленькому домику телеграфной конторы, который им указал прохожий марсалец. Лукашка вприпрыжку бежал за офицерами, задевая своей длинной саблей все камни и тумбы на улице. Он был в упоении: впервые в жизни он участвовал в настоящей военной операции (Александр успел объяснить ему, что занятие телеграфа - важное дело на войне).

В белом низком домике все было брошено на волю судьбы. Бурбонские телеграфисты, видимо, сбежали и впопыхах даже не успели закрыть помещение. Ветер свободно входил в распахнутую дверь. Трое взрослых взяли ружья наизготовку, и, глядя на них, Лукашка тоже вынул саблю из ножен и крепче взялся за рукоятку. Было тихо, только где-то в глубине дома постукивал автоматический телеграф. Мечников и его спутники толкнули следующую дверь. Она бесшумно открылась. Это была аппаратная. В ней кто-то стоял спиной к вошедшим и, нагнувшись, читал телеграфную ленту, которая медленно выползала из аппарата. Александр и Лев узнали Датто.

Услышав, видимо, какой-то подозрительный шорох, Датто мгновенно обернулся и встретился с четырьмя парами глаз, которые смотрели на него в упор. Датто усмехнулся и неспешно протянул Мечникову ленту с точками

и тире.

- Вот Трапани запрашивает здешнего телеграфиста, что за неизвестные корабли начали высадку. Требуется ответа. А телеграфист, видимо, давно сбежал.

При первом звуке его явно римского говора Лукашка вздрогнул и уставился на Датто во все глаза.

- Удивительно вы легки на ногу, капитан Датто, - непринужденно заметил Мечников. - Мы вот только-только успели сойти с корабля на сушу, высаживались под выстрелами, а вы, оказывается, уже здесь и уже успели даже ознакомиться с содержанием телеграммы? Вы знаете азбуку Морзе?

- Очень приблизительно, - не глядя на Льва, отозвался Датто. - Что же до моей быстроты, то всякому военному, синьор руссо, понятно, что надо не мешкая в первую очередь занять телеграф. Ведь если бы ответ телеграфиста дошел до Трапани, тамошние войска очень скоро были бы здесь.

Пока шел этот разговор, Лука, вцепившись в рукав Пучеглаза, взволнованно шептал:

- Это он! Это человек из тумана! Я узнал его, узнал по говору! Надо его схватить, арестовать!

Пучеглаз с трудом высвободил рукав.

- Ты что, очумел, парень? - недовольно прошептал он. - Какой человек? Из какого тумана? Ты что, не узнал, что ли, капитана Датто - доверенного генерала, правую руку полковника Сиртори?

- Он изменник, предатель, - дрожа от волнения, настаивал Лука. - Он подавал сигналы врагам в море! Надо его взять!

Пучеглаз укоризненно смазал его всей пятерней по лицу.

- Уймись! Не валяй дурака. Я тебе говорю - это известный офицер, сам генерал Галубардо его отличает.

Лукашка с отчаянием взглянул на Александра, но тот был так поглощен наблюдением за Датто, что ничего другого не замечал.

- У вас, видимо, большой военный опыт, капитан? - говорил между тем Мечников. - Нам, простым смертным, всегда нужны указания начальства, а вы сами давно уже все сообразили и сделали. Не удивлюсь, если с первых же наших шагов в Сицилии вас отметят и наградят.

- Я воюю не для чинов и наград, - буркнул Датто.

Мечников повернулся к своим спутникам:

- Пора идти. Я думаю, надо кого-нибудь оставить здесь на телеграфе. Хотя бы попросить того же капитана Датто. А мы доложим командиру, что здесь находится верный человек.

Мгновенный блеск промелькнул в глазах Датто. Александр готов был поклясться, что видел этот блеск. Он с удивлением уставился на Льва. "Ни за что не уйду отсюда", - упрямо решил он. Однако Мечников внезапно ударил себя по лбу:

- Совсем было запамятовал! Ведь генерал Гарибальди приказал нам никуда не отлучаться, пока не явится он сам или полковник Сиртори.

Он обратился к Пучеглазу:

- Лоренцо, мы останемся здесь, а ты отправляйся доложить полковнику, что мы ждем его дальнейших распоряжений.

Пучеглаз двинулся к дверям. В эту минуту в аппаратную вошел Сиртори с двумя солдатами.

Датто поспешил доложить ему о телеграмме марсальского телеграфиста и об ответном запросе Трапани.

- Кто из вас здесь умеет управляться с аппаратом? - спросил, выслушав его, Сиртори.

- Кажется, я смогу кое-что сделать, - живо откликнулся Датто. - Нас обучали в военной школе азбуке Морзе. Что прикажете передать, полковник?

- Придется опять пуститься на хитрость, - задумчиво сказал Сиртори. Ну, вот что телеграфируйте им: "Ложная тревога. Корабли, вошедшие в порт Марсалу, переправляют на Мальту английских рекрутов".

Мечников, а за ним Александр и Лука незаметно придвинулись ближе к аппарату. Точка, тире, снова точка.

Рука Мечникова мягко легла на руку Датто.

- Простите, синьор капитан, что я вмешиваюсь, но, мне кажется, вы что-то перепутали. Во всяком случае, это не совсем то, что диктует полковник.

Датто оторвался от аппарата. Лицо его вспыхнуло.

- Вы не имеете права вмешиваться, - запальчиво начал он. - Дело это поручено мне, и если вы сами в нем не сведущи...

Лукашка и Александр придвинулись плотнее.

- Вы ошибаетесь, синьор капитан, - спокойно возразил Мечников. Совсем недавно я прошел полный курс азбуки Морзе. И я смею настаивать...

- Тогда пусть полковник диктует вам. Я уйду и умываю руки, величественно бросил Датто и быстро, ни на кого не глядя, вышел из аппаратной.

Лука, прошептав что-то Александру, бросился за ним. Мечников обратился к Сиртори:

- Разрешите приступить к передаче?

- Приступайте, - кивнул полковник, который молча наблюдал всю предыдущую сцену. - Кажется, у вас с капитаном Датто какие-то счеты? Но сейчас не время сводить эти счеты. Нам надо торопиться.

Мечников не разубеждал полковника. Он быстро выстукал нужную телеграмму и перешел на прием. Вдруг он весело расхохотался.

- Что такое? Что они вам ответили? - заинтересовался Сиртори.

- Вот, взгляните сами. - Мечников передал Сиртори расшифрованный ответ Трапани.

- "Вы оглохший, ослепший, обезумевший от старости осел, - громко прочел Сиртори. - В следующий раз проверяйте хорошенько ваши дурацкие выдумки, иначе это для вас плохо кончится".

Полковник тоже расхохотался и, распорядившись вызвать на телеграф охрану, ушел. Когда волонтеры пришли и расположились в аппаратной, Мечников, Есипов и Пучеглаз тоже вышли из маленькой конторы и направились в город. Встречные то и дело вскидывали вверх свои шляпы и громко приветствовали гарибальдийцев: "Да здравствует свобода! Да здравствует Гарибальди!" Однако на приветствия отвечал один Пучеглаз - оба его товарища были задумчивы и угрюмы.

- Боже мой, Лев, чего вы медлите, чего дожидаетесь? - набросился на друга Александр, едва они очутились в каком-то заброшенном садике. - Ведь теперь-то вы, надеюсь, убедились, что я прав? Недаром я с первой минуты подозревал его. Теперь-то мы поймали его с поличным! Что он передавал?

- В том-то и дело, что вовсе мы его не поймали, - отвечал с досадой Лев. - И подозрения ваши еще ничем не подтверждаются. Ничего определенного он не передавал. Это был просто набор слов и знаков, самый, впрочем, безобидный. Возможно, Датто оттягивал таким образом время, надеялся, что останется один на телеграфе и тогда передаст все, что ему нужно. А может, он и не предатель вовсе, а просто хочет выдвинуться перед начальством, а сам плохо знает телеграфную азбуку. Кто его поймет, этого римлянина!

- Нет, нет, я убежден, что это хитрая и опасная бестия! Датто изменник, в этом не может быть никакого сомнения! - с жаром сказал Александр.

- Что вы тут говорите о капитане Датто? - спросил Пучеглаз, уловив в незнакомой речи знакомое имя. - Он что-нибудь натворил? И дался же всем этот капитан! - продолжал он с удивлением. - Вот и мальчишка наш тоже шептал мне о нем что-то такое, да я хорошенько не понял. - Он с

недоумением смотрел на обоих русских. - А кстати, куда это отправился наш Лука?

- На охоту, сердито ответил Александр.

Его выводила из себя мысль, что Датто опять ускользнул. Неясное чувство подсказывало Александру, что левша роковым образом вмешается в его собственную судьбу.

30. ПЛЕННИЦА ДАТТО

Сороки с криком летали над оливковыми рощами, склевывали оставшиеся на деревьях прошлогодние плоды. По склонам холмов свежо зеленели виноградники.

На закате, когда город окутался вечерней дымкой, с полей начали возвращаться измученные дневным трудом люди. Рядом с ними тяжело шагали такие же измученные волю. Наступил вечер, все было тихо и мирно на вид, и тем страннее выглядел на улочке, спускающейся к морю, мальчик в красной рубахе, который бежал что было мочи вниз и прижимал к боку громадную саблю. В конце улицы уже чуть виднелась высокая фигура человека в серо-зеленой куртке. К нему, к этому человеку, вернее, к его спине были прикованы глаза мальчика. Лука бежал, и сердце его подпрыгивало, казалось, к самому горлу. Только бы не упустить "человека из тумана"! Куда он идет? Что будет делать? Про себя Лука решил следовать за Датто хоть на край света. Уж он выведет на чистую воду этого капитана, он всем докажет, что именно Датто сигнализировал в тумане "Ломбардии" и готовил столкновение!

Впереди белели домишки рыбацкого пригорода и виднелся темнеющий край моря. Казалось, Датто направляется именно в этот рыбацкий район. Лука задержал дыхание: вот уже серо-зеленая спина в нескольких шагах. И вдруг загремела, задев о выступ дома, проклятая сабля. Датто мгновенно обернулся.

- Ты здесь? Зачем ты здесь, мальчишка? Тебя послали шпионить за мной? Говори! - Он стал уже возле Луки и держал его за воротник рубахи.

- Что вы, синьор уффициале! - прохрипел Лукашка. - Меня... меня никто не посылал. Я... я живу вот здесь, в этом доме. - И Лука наудачу ткнул в первый попавшийся на глаза белый домик.

- Ты здесь живешь? Разве ты здешний? - усомнился Датто, но все-таки ослабил свою хватку.

Наверное, ему и в голову не пришло, что это тот самый мальчишка, который встретился с ним в тумане.

- Конечно, здешний. Вон наш двор, а вон... - Но Лукашка не успел закончить свое вдохновенное вранье: из двора домика, на который он

указал, выбежала большая собака и бросилась к ним. Святая мадонна! Вот сейчас, сию минуту, собака кинется на Луку, залает, и тогда все пропало! "Человек из тумана" задушит его, и никто никогда не узнает, что Лука погиб, преследуя изменника, что он был настоящим гарибальдийцем, патриотом.

Все это промелькнуло в уме маленького пастушонка за тот короткий миг, пока собака мчалась к ним. Собака увидела, что взрослый держит маленького за воротник, и зарычала на взрослого: не даст она в обиду мальчика! Лука почувствовал влажный нос, который ткнулся ему в руку. Пастушонок зажмурился. Внезапно большие собачьи лапы легли ему на грудь и горячий язык облизал ему лицо. Тотчас же ворот его был отпущен.

- Значит, это действительно твоя собака? - удивленно проговорил Датто.

- Герелло! - закричал мальчик. - Герелло, поди ко мне!

На секунду мальчик увидел растерянные собачьи глаза - звали ее, конечно, совсем по-другому, но, видно, давно она не видела человеческой ласки, - и собака запрыгала вокруг мальчика и замахала хвостом, всячески выказывая ему свою благодарность и доверие.

- Почему ты назвал собаку Герелло? Ведь так зовут собаку генерала, все еще недоверчиво спросил Датто.

- Я и назвал ее в честь собаки Галубардо, - тотчас же нашелся Лука.

Он повертел шеей, чтоб убедиться, на месте ли она, и в то же время продолжал гладить свою спасительницу.

- Видите, синьор, как она радуется, что я пришел домой, - добавил он для вящей убедительности.

- Гм... вижу, - кивнул Датто. - Ну, счастье твое, мальчишка, а то я подумал...

Что именно подумал Датто, он не досказал. Не обращая больше внимания на Луку, он снова направился вниз по улице к морю.

Лука дождался, чтоб "человек из тумана" удалился на довольно большое расстояние, потом отвязал свою знаменитую саблю, которая его выдавала, спрятал ее в куст тамариска, росший у какого-то забора, заметил место и снова со всех ног пустился за Датто. Однако теперь пастушонок был гораздо осторожнее: прятался то за углами домов, то в густой тени балконов и навесов, затаивался в чьих-то чужих дверях и выглядывал из них, как зверек. Датто прошел уже весь рыбацкий поселок. Оставались только две-три хижины на самой окраине, у моря. Постепенно он замедлил шаги, и Лука заметил, что он вглядывается в хижины, как бы стараясь вспомнить что-то. Вот он остановился у крайней.

Ставни этой хижины были закрыты, но в щели пробивался свет. Датто подошел к двери и принялся рыться в карманах. "Ищет ключ, - догадался Лука. - Пусть только войдет, а уж я сумею узнать, зачем он сюда пожаловал". Мысленно он уже торжествовал победу, как вдруг услышал за своей спиной громкое сопение. Мальчик обернулся: позади стоял большой лохматый пес и умильно вилял хвостом.

- Домой, Герелло, домой! Сейчас же уходи! - зашептал Лука, совершенно забыв, что это имя только что изобретено им самим.

Однако пес и не думал уходить. Он явно радовался, что нашел ласкового хозяина, и всем своим видом показывал, что не хочет его покидать.

- Уходи отсюда, я тебе приказываю! - шипел Лука, грозя собаке кулаком.

Никакого впечатления. Пес продолжал ластиться к мальчику.

- Ох, провалишь ты мне все, а меня погубишь! - простонал Лука.

Что делать? Привязать собаку поясом или, на крайний случай, галстуком к какому-нибудь дереву? Но она непременно подымет вой и тотчас же выдаст Луку. Нет, придется, видимо, отвести ее назад, в ее настоящий дом, решил Лука. Вдали хлопнула дверь. Это Датто отпер своим ключом дверь и вошел в крайнюю хижину. "Хижину-то я, во всяком случае, найду, - подумал Лука. Надо надеяться, что капитан не выйдет оттуда до моего возвращения".

Ох, как негодовал мальчик на собаку, которая всю обратную дорогу прыгала вокруг него и норовила лизнуть его в лицо!

- Я бы любил тебя, очень любил, но в другое, свободное время, тихонько говорил ей Лука. - Сейчас, понимаешь, война, а я солдат, и мне очень некогда. Не могу я с тобой лизаться.

Собака словно понимала, что ей говорят: она скосила на Луку черные, совсем человечесьи глаза с яркими белками и внимательно прислушивалась. Лука привел ее к дому, возле которого спрятал в тамариске саблю. Дом казался заброшенным и пустым. Мальчик ввел собаку во двор, еще раз погладил ее по голове и лохматой спине, вышел и крепко припер за собой ворота.

Когда он спускался бегом вниз, к морю, вслед ему послышался тоскливый вой: собака оплакивала их разлуку. Да и Лука чувствовал себя отвратительно - так жаль было ему оставлять нового друга.

Мальчик очутился у хижины, когда уже совсем смерклось. Неровный свет вырывался из-за ставен на втором этаже. У самой хижины росла старая олива. Лука прикинул на глаз ее высоту. Если забраться на ту вон

ветку, наверное, можно заглянуть в комнату наверху. Щели в ставнях достаточно широки, в них все увидишь. А если вдруг откроют окно или Датто выйдет наружу? "Ну что ж, ведь я на войне, а на войне всякое бывает", - утешил самого себя Лука. Он осторожно подобрался к оливе, поплевал на руки и по-обезьяньи легко, цепляясь за ветки, полез вверх. Наверху, на счастье, оказался кривой и очень удобный сук. Мальчик устроился, как в кресле. Отсюда сквозь щель в ставне он мог видеть бедную беленую комнату с простым деревянным столом, на котором горела единственная свеча, воткнутая в бутылку. У стола спиной к мальчику стоял Датто. Он разговаривал, но Луке не было видно, с кем именно, - спиной Датто совершенно закрывал своего собеседника или, вернее, собеседницу: судя по голосу, это была женщина. Тонкие ставни не мешали слышать то, что говорилось в комнате.

- Нынче ночью я отправлю вас с верным человеком в Рим, к моим родным, - говорил Датто. - Там вы будете меня ждать.

- Не смейте разговаривать со мною, как будто вы - мой муж, а я - ваша жена! - запальчиво отвечал женский голос. - Я не ваша жена и никогда вашей женой не буду. И никуда отсюда не поеду.

- А это мы еще посмотрим, - хладнокровно отозвался Датто. - Я не желаю, чтоб моя будущая жена оставалась здесь, в этой банде... Вы девушка и должны вести себя, как подобает девушке из приличного семейства.

- В банде?! Вы сказали "в банде"? - вскричала его собеседница. - Вы что, сошли с ума? Как вы смеете называть так Гарибальди и его бойцов! И, если на то пошло, синьор Энрико Датто, то ведь и вы здесь, в этой "банде"!

- Ну да, ну да, вы правы, я совсем не то хотел сказать, - поспешно перебил ее Датто. - Вы сами виноваты: от всех этих расстройств, от тревоги за вас я сам не понимаю, что говорю. Лючия, поймите, вы должны, вы обязаны во что бы то ни стало уехать отсюда. Здесь для вас не место. Через несколько дней всех гарибальдийцев перебьют, не останется в живых ни одного человека. Гарибальди тоже изловят, и его ждет казнь. Вы не можете здесь оставаться, Лючия!

- Почему вы так уверены, что гарибальдийцев перебьют? Откуда вам это известно? - не сдавалась девушка.

- Это все равно откуда, но я знаю, знаю наверное, - лихорадочно говорил Датто. - Поймите, я не выдумываю.

- Тем более я должна остаться здесь, с ними, - твердо сказала девушка.

- Но вспомните, Лючия, у вас есть отец...

- Мой отец стал бы меня презирать, если б я оставила наших друзей в

беде! И он и я - мы любим Гарибальди и свою Италию. И давайте кончим этот разговор, Энрико. Вы отыскали меня на "Пьемонте". Ваш посланный обманом привел меня в этот дом. Мне сказали, что ранен синьор Алессандро, что он нуждается в помощи, и привели меня сюда, уверив, будто он лежит здесь. А вместо этого меня весь день держат взаперти, как пленницу, а теперь являетесь вы и убеждаете бросить Гарибальди и его бойцов!

Датто пожал плечами:

- Что ж, я знал, что вас можно повести куда угодно, если вам скажут, что где-то лежит раненый этот русский, этот несчастный желторотый птенец, которого вы любите. Я знал...

- Да, люблю и не скрываю, что люблю! - Голос зазвенел слезами. - И вы не заставите меня уехать отсюда, бросить его в минуту опасности!

Наступила долгая пауза. Датто отирал платком лоб.

- Молите бога, Лючия, чтоб я забыл все, что вы мне только что сказали, - вымолвил он наконец. - Это будет лучше для вас. Вы будете моей женой, это решено. До ночи вы останетесь здесь. Ночью за вами придут и переправят вас в Рим. Там вы будете ждать меня. Я все сказал.

- Нет! Не будет этого! - закричала что было мочи девушка.

Датто ее не слушал. Он схватил ее в объятия, поцеловал, невзирая на то что она отбивалась изо всех сил, и выбежал из комнаты.

Сейчас же за окнами что-то мягко ударило о землю: это Лука спрыгнул со своей оливы. Мальчик едва успел отскочить в тень хижины и броситься плашмя на землю. Послышался звук ключа, поворачиваемого в замке, и, чуть не наступив на Луку, мимо быстро прошел Датто.

Первым движением мальчика было последовать за ним. Но соблазн перехитрить Датто, насолить ему и разрушить его планы, а главное, слова неизвестной девушки о том, что она знает и любит русского синьора Алессандро, пересилили. Лука дождался, чтоб вдалеке замерли шаги офицера, и только тогда подошел к двери хижины. Замок был старый и ржавый. Лука тихонько поскребся в дверь.

По лестнице застучали каблуки.

- Кто там? - послышался испуганный голос.

- Это я, Лука Скабиони, - отвечал мальчик.

- Какой Скабиони? Я не знаю никакого Скабиони, - все так же испуганно сказала девушка.

- Пускай вы меня и не знаете, но я ваш друг, синьорина, - горячо зашептал у двери Лука. - Вы можете мне поверить, клянусь святым Джованни, моим покровителем! Меня послал сюда синьор русский,

который вам известен. Я денщик его и синьора Леоне.

- Что ты говоришь! Тебя послал синьор Алессандро? Это правда? воскликнула девушка. - Поклянись, что не лжешь!

- Клянусь своим вечным спасением! - торжественно сказал Лука. Хотите отсюда выбраться, синьорина? Я отведу вас к синьору Алессандро и его другу.

- Еще бы не хотеть! Но я заперта здесь! - горестно вздохнула пленница Датто.

- Это мы сейчас устроим. Есть у вас в доме какой-нибудь молоток или хоть большая палка?

- Вот здесь, в углу, валяется какая-то мотыга.

- Давайте ее сюда. Попробуйте просунуть мотыгу под дверь.

Мотыга была благополучно просунута. Два-три удара по замку - и ржавая дужка соскочила. Дверь распахнулась, и на пороге, со свечой в руке, предстал совсем юный, чуть старше Луки, гарибальдиец в красной рубашке и круглой венгерской шапочке. Лука вытаращил глаза:

- Эй, парень, послушай, а где та рагацца, та девушка, которая сейчас разговаривала со мной?

Молодой гарибальдиец звонко расхохотался:

- Протри глаза, мальчик! Да ведь это я. Я сама.

- Врешь! - Лука был возмущен.

- Гляди, коли не веришь.

Круглая шапочка соскользнула с головы, и целый водопад темных волос заструился по плечам девушки. Лука щелкнул от восторга языком:

- Вот это да! Ловко это у вас получается, синьорина!

Он дунул на свечу.

- А теперь бежим! Бежим скорее к синьору Алессандро и синьору Леоне!

Но девушка медлила. Она запрятывала снова под шапочку свои кудри и подозрительно вглядывалась в мальчика.

- Послушай, а это не он тебя подослал? Не Датто? Ведь он такой хитрый... - нерешительно пробормотала она. - Скажи, куда ты меня поведешь?

Лука не выдержал, чертыхнулся.

- Porco Madonna! Беда с этими девчонками! Да я же поклялся, синьорина, своим вечным спасением. Говорите скорее, что мне сделать, чтоб вы мне поверили, а то этот ваш Датто, того гляди, вернется, и тогда мы пропали!

- Пожалуйста, поклянись еще раз, что ты и вправду знаешь синьора

Алессандро и его друга синьора Леоне, - попросила девушка.

- Ах, чтоб тебя! - в сердцах пробормотал Лука. Однако тут же опомнился, поднял обе руки, скрестил пальцы, поцеловал их. - Клянусь святым Джузеппе и Джованни, клянусь райской обителью, чтоб мне лопнуть, чтоб не увидеть во веки веков собственного отца, чтоб подохнуть без покаяния, чтоб не сойти с этого места, чтоб порости коростой, чтоб... - Он задохся и замолчал, придумывая, чем бы еще поклясться этой девчонке.

Но та вдруг звонко рассмеялась:

- Довольно! Довольно! Я верю, верю тебе! Как тебя зовут, мальчик?

- Я же говорил вам - Лука Скабиони. Или вы опять не поверите и вообразите, что я придумал себе имя, и мне снова придется вам клясться? возмущенно проворчал пастушонок. - Что ж, пойдете вы со мной?

- Пойду, пойду, Лука Скабиони, даже бегом побегу! - с жаром сказала девушка.

И оба они тотчас же быстрым шагом двинулись вверх по улице.

Лука помнил, что сбор седьмого отряда назначен у ворот старого монастыря, при выходе на Калатафимскую дорогу. Где этот монастырь, мальчик понятия не имел, но рассчитывал спросить у какого-нибудь встречного.

Между тем наступала уже ночь, луна голубым светом обливала горы, серебрила шапку Этны и забиралась сквозь крепко запертые ставни в притаившиеся дома. Улица была тиха и пустынна.

Проходя мимо знакомого куста тамариска, Лука сунул в него руку и вытащил свою саблю. Он не решился пристегнуть саблю к поясу, чтоб она снова не выдала его, а держал ее в руке.

- Это твоя? - с удивлением спросила Лючия. - Почему ты ее здесь прятал?

- Военная тайна, - неохотно буркнул Лука: ему не хотелось признаваться в своей оплошности.

Внезапно за воротами соседнего дома послышался жалобный вой.

- Santo diavolone! Почуяла-таки меня! - притворно сердито сказал Лука.

На самом деле он был в восторге. Он толкнул припертые камнем ворота, и наружу выскочил и завертелся волчком лохматый пес. Вмиг лицо и руки Луки были облизаны, а сам он чуть не опрокинут мощными собачьими лапами.

- И это тоже твоя? - еще больше удивилась Лючия. - И тоже - военная тайна?

В голосе Лючии была насмешка. Но Лука не удостоил ее ответом. Он

свистнул собаке, и они продолжали свой путь уже втроем.

- А как же зовут твое лохматое чудище? - спросила девушка.

Лука невыразимо обрадовался. Вот оно, настоящее имя!

- А так и зовут: Ирсуто - Лохматый! - объявил он и позвал: - Ирсуто, Ирсуто, ко мне!

Пес подбежал и потерся о ногу своего нового хозяина.

- Хорошая собака, умная, - похвалила Лючия, и это сильно расположило к ней мальчика.

- Так, значит, вы, синьорина, тоже дали стрекача из дому, как и я? спросил он, шагая по каменистой дороге. - Вы молодчина, как я погляжу! Нисколько на девчонку не похожи. Ведь я слышал, что вы говорили этому Датто. Когда я расскажу все моим офицерам, они тоже, наверное, скажут, что вы молодчина.

- Что-о?! Ты собираешься передавать все, что услышал, синьору Леоне и... и синьору Алессандро? - испуганно воскликнула Лючия. - Да ты с ума сошел!

Лука с удивлением уставился на девушку:

- А то как же? Я обязан доложить моим офицерам, где был и что делал. Ведь я пошел в разведку, так сказать! - Он гордо повел головой.

- Да, но это... это... - растерянно пробормотала Лючия.

Внезапно они услышали конский топот. Приближались какие-то всадники. Лука схватил девушку за руку и оттащил ее в тень домов. Оба они с тревогой прислушивались. А топот все ближе, ближе... Уже можно различить говор. Вдруг Лука выпустил руку Лючии и побежал на дорогу. За ним с громким лаем помчался Ирсуто.

- Это наши! - закричал радостно Лука. - Наши! Я слышу голос синьора Леоне! Наверное, и синьор Алессандро с ним!

Он замахал руками. Ирсуто залился еще более истошным лаем.

- Стойте! Стойте! Остановитесь! - кричал Лука.

Всадники (их было двое) сдержали лошадей.

- Лукашка, ты? - в один голос воскликнули Лев и Александр. - Куда ты пропал, Лукашка?

Ирсуто иступленно лаял, невозможно было расслышать, что отвечает маленький денщик.

- Да уйми ты эту проклятую собаку! - махнул рукой Лев. - Откуда она взялась?

Еле-еле удалось Луке успокоить лохматого пса. Ирсуто все косился на незнакомых офицеров, все принюхивался к ним: а может, это тоже враги и хотят обидеть его нового хозяина?

- Я здесь не один, я с синьориной Лючией. Знаете такую? - принялся объяснять Лука, когда наконец водворилось спокойствие.

- Как, тебе удалось найти Лючию? - обрадовался Александр. - Где же она? Веди нас поскорее к ней.

- Да вот она, со мной.

Лука обернулся. Но там, где только что стояла девушка, уже никого не было.

31. В ПОХОД

Гарибальдийская "тысяча" провела ночь в Марсале. Часть бойцов разместились в казармах, часть - в портовых складах, монастыре, старых церквях, а большинство предпочло спать под теплым небом, прямо на земле.

За ночь слух о том, что пришли гарибальдийцы, проник даже в самые отдаленные селения, и с гор к Галубардо начали стекаться все новые и новые волонтеры. Почти все они были вооружены, но боже, что это было за оружие! Какие-то средневековые пищали, старые кремневые ружья, карабины и пистолеты прадедов, дубинки со свинцовыми наконечниками, кинжалы, стилеты, корсиканские и каталанские ножи, даже вилы и мотыги. Каждый вновь прибывший с гордостью показывал свое вооружение. Обмундирование было тоже под стать оружию: от бархатных камзолов и замшевых штанов до холщовых крестьянских рубах и рваных сандалий. Однако ни самих волонтеров, ни Гарибальди это не смущало: была бы у людей добрая воля, вера в победу своего дела, настоящая любовь к родине. Ни о какой военной науке и стратегии новые бойцы и слыхом не слыхали, ни один из них никогда не участвовал в настоящих сражениях. Поэтому Гарибальди приказал всех вновь прибывших разместить по флангам и в арьергарде "тысячи": он хотел проверить, как поведут себя эти импровизированные солдаты, встретившись с регулярными войсками Бурбона.

Сиртори удалось еще вечером достать несколько коней. Часть их впрягли в орудия, других полковник роздал своим офицерам. Александр и Мечников тоже получили лошадей.

Александр достался низкорослый лохматый и очень послушный конек, которого он тут же окрестил по-русски - Горбунок, а Лев облюбил и получил нервного горячего скакуна, по имени Прыгун. Обоим друзьям сейчас же, вечером, захотелось попробовать новых коней под седлом. Вот как случилось, что уже поздно вечером на отдаленной улочке, спускающейся к морю, молодые офицеры повстречали своего пропавшего маленького денщика.

- Да где же она, Лючия? - повторил свой вопрос Александр.

Но Лука только вертелся व्यоном да бормотал что-то неразборчивое.

- Что ты говоришь?

- Санто Джованни! Санта мадонна! Приснилось мне это, или, может, это все колдовство, - шептал Лукашка. - Ведь только что эта бешеная была вот тут, рядом со мной, только что мы с ней говорили.

- Так куда же она девалась? И где ты нашел Лючию? И где капитан Датто, за которым ты побежал? - забросали его вопросами оба друга.

Пришлось Луке доложить во всех подробностях синьорам офицерам, где он был и что делал после того, как убежал следом за Датто из телеграфной конторы.

Услышав, что Датто держал Лючию запертой в рыбацкой хижине, Мечников кивнул.

- Я был еще тогда, на "Пьемонте", убежден, что он знает, где скрывается девушка, - сказал он. - Ведь при высадке он был абсолютно спокоен.

- Нет, но каков негодяй - принуждать беззащитную девушку быть его женой! - горячился Александр.

- Ну, не очень-то она беззащитная, - вмешался Лука. - Послушали бы вы, как она шипела на него, как вопила на весь дом: "Я люблю синьора Алессандро! Я люблю только его одного!"

Конек-Горбунок сделал неожиданный курбет, и всадника с лошастью отнесло от Мечникова и Луки, будто сдуло ветром.

- Ах ты, с-скотина! - Александр усмирять ни в чем не повинного конька и казался совершенно поглощенным этим занятием. - Уж я тебя заставлю слушаться!

- А вы не колите его изо всех сил шпорами, - спокойно посоветовал Лев. Потом обратился к Лукашке: - Значит, когда ты вызволил синьорину из-под замка, ты повел ее к нам?

- Ну да, а куда же еще? - удивился Лука. - Она же сама этого хотела. А когда я сказал, что доложу обо всем вам, она вдруг как раскричится: "Ты с ума сошел! Ты с ума сошел!" А тут вы и подъехали. Я говорю: "Это наши!" Подскочил к вам, а она вдруг возьми да и сбеги! И чего ей было нужно, не пойму. Шальная какая-то девка, - заключил свой рассказ Лука.

- Ну, теперь, кажется, все понятно. По крайней мере, мне. - Лев покосился на Александра. - А вам, мой друг?

- Да, да, конечно, - пробормотал Александр, все еще возясь с Горбунком. - Но не пора ли нам вернуться, Лев? Ведь нас, верно, ждут?

- Пора. - Мечников подождал Луку. - Садись, Всемирный Следопыт, в

седло либо ко мне, либо к синьору Алессандро. Эх ты, Следопыт, упустил ты и синьорину и капитана Датто! А все потому, что погнался за двумя зайцами сразу, - прибавил он с упреком.

Смущенный Лукашка предпочел взобраться на Горбунка, подальше от строгого капитана Леоне. Всадники повернули в город, к древнему католическому монастырю, во дворе которого расположился отряд Сиртори.

Там уже горели костры, и Пучеглаз успел приготовить целый котелок неизвестно где раздобытого кофе. Он долго ждал своих русских друзей, но потом сон его сморил, и он растянулся прямо на земле, подложив под голову походную сумку. Здесь, в углу двора, у древней стены, и нашли его возвратившиеся всадники и Лука. Лукашка, наскоро пожевав что-то, подозвал к себе Ирсуто, который подозрительно обнюхивал всех соседей, и, привалившись к Пучеглазу, тут же уснул. Собака прилегла у костра, повздыхала, как усталый человек, и тоже заснула. Не спали только двое друзей. Мечников порылся в сумке, вынул походный альбомчик и развернул его, приготавливаясь "по горячим следам" занести в него свои впечатления о начале экспедиции. Альбомчик раскрылся на том самом пейзаже с домиком, который Лев показывал зимой своим приятелям-студентам на Васильевском острове. Теперь, разглядывая этот рисунок, он вспоминал новогодний вечер, Наташу Осмоловскую и свои тогдашние мечты о коммуне в Италии. Сколько воды утекло с того зимнего вечера! Как далеки сейчас от этого сицилийского монастыря и брата Дремины, и Наташа, и то, чем жил тогда Мечников! Кто мог бы предположить, что в начале мая он и Есипов будут в красных гарибальдийских рубахах лежать у костра рядом с бойцами, пришедшими освободить Сицилию! Мечников порывисто перевернул страницу с домиком, вынул карандаш и принялся быстро писать и набрасывать на полях наиболее характерные бородатые физиономии соседей по бивуаку.

Александр не спал. Он, как всегда, думал об "Ангеле-Воителе". Никогда еще не чувствовал он так ясно, как серьезна и как возвышенна его любовь. Правда, любовь эта его состарила, сразу перевела из детства в зрелость, потребовала от него мужества, воли, терпения. Но ему так посчастливилось: женщина, которую он полюбил, исповедует те же идеи свободы, что и он, так же думает, так же чувствует. Он может довериться ей, делиться с ней всем, что его тревожит, следовать ее указаниям. Она будет горда, если ему удастся что-то сделать здесь для Италии, ведь она сама благословила его на этот поход...

Александр смежил ресницы и попробовал представить себе

выражение ее лица в тот миг. Как легко и красиво поднялась ее рука. И лента... Он потрогал голубую ленту, повязанную на шее вместо галстука. Это его талисман, он убережет его от пуль и всяких бед. И снова Александру припомнилась поездка в тюрьму Сан-Микеле, голос Александры Николаевны, ее "обморок" и лукавый шепот: "Тезка, шляпку не попортьте". Ах, милая, милая!..

Незаметно для себя Александр стал думать о Лючии. Конечно, девушка теперь уверена, что Лука выдал ее тайну, и будет избегать встречи с ним, с Александром. Бедная, бедная Лючия, она тоже больна любовью, и любовью такой же безнадежной, неразделенной...

Пронзительный звук трубы поднял волонтеров. Рассветало.

День обещал быть знойным: алые облачка истаивали в золотисто-палевом небе. Курился вулкан, и от него, казалось, тоже исходило жаркое, знойное дыхание. По команде Биксио, Карини и Сиртори поспешно строились отряды гарибальдийцев. Раздался новый сигнал, и темная, окутанная пылью колонна потянулась по дороге на Калатафими.

В войске Гарибальди были люди самых разных национальностей: венгерцы, англичане, арабы, французы, известные нам русские. Артиллерия состояла из четырех орудий в запряжке, а кавалерия - из дюжины всадников. Добровольные разведчики начали прибывать с гор и из равнины. По их словам, бурбонцы понемногу стягивали свои войска к Калатафими, но отдельные бурбонские отряды рыщут повсюду, и каждую минуту можно ожидать встречи и стычек с неприятелем.

Путь шел в гору, все выше и круче, солнце жарило, как сквозь лупу, вода в мехах и флягах была уже вся выпита. Волонтеры облизывали пересохшие губы, все тяжело дышали, у всех были сбиты ноги. Наконец показался городок Рамбингалло, и объявили привал.

В пути Пучеглазу удалось поговорить с Марко Монти, который знал в здешних местах каждую выемку, каждую тропинку. Можно ли найти поблизости воду? Да, вода есть в балке, неподалеку, но ходят слухи, что именно там, в той стороне, залегли бурбонцы. Вот, говорят, и в Рамбингалло видели неприятеля. Опасно, очень опасно!

Пучеглаз взглянул на людей вокруг, на истомленные зноем лица, на темные сухие рты. Он подошел к Мечникову, который проваживал Прыгуна. Золотистая шерсть коня потемнела от пота. Лев отирал клочком травы пену с конских губ.

- Хочу у вас, синьор Леоне, попросить ненадолго конька, - начал Пучеглаз. - Дадите?

- Куда собираешься, Лоренцо?

- Да вот хочу за водой съездить, набрать в мехи. Тут неподалеку, в балке, говорят, есть родник.

- В балке? Но в той стороне разведчики видели - стоят неприятельские кордоны. Конечно, хотя конь и устал, я тебе дам его, Пучеглаз, да стоит ли?

- Стоит, - решительно отвечал Лоренцо. Он взял из рук Мечникова повод Прыгуна и легко вскочил в седло. - До скорого свидания, синьор Леоне! Ждите меня с водицей.

Слово "водица" разбредило жажду в самом Пучеглазе. У него тоже пересохло в горле, а до родника, как сказал Монти, километров десять, не меньше. Пучеглаз углубился в горы. Вон за той двугорбой должен быть овраг, в котором бьет родник. Лоренцо уже предвкушал, как он припадет к прозрачной ледяной искристой струе, как будет пить, пить до бесконечности, как потом привезет полные мехи товарищам. В гору, все в гору... Вот уже совсем рядом двугорбая. Прыгун начал прядать ушами, поводить головой, видно, тоже чувствует близость воды, ведь и его томит жажда. Еще усилие, еще и вот Пучеглаз уже на двугорбой, уже на краю оврага. Но тут рука его невольно дернула повод: в овраге, у самого родника, бурбонский солдат, лежа плашмя, жадно припал к воде. Около солдата было воткнуто в землю его "генри-мартини" - новенькое английское ружье. Пучеглаз мгновенно схватился за пистолет. Поздно! Тень его упала на солдата, тот встрепенулся, поднял голову и увидел Лоренцо. Повернуть лошадь, ускакать? Но бурбонец непременно пошлет пулю вдогонку. И так хочется пить, так нужно привезти воды товарищам!..

Недолго думая Пучеглаз спрыгнул с коня и спустился в овраг к роднику. Солдат отер губы - ему и в голову не пришло, что человек в старом альпийском мундире - враг: Пучеглаз был так непринужденно спокоен.

- Здорово, приятель! - сказал он.

- Здорово. Тоже пить захотел? Жара-то какая стоит! Пей, брат, здесь водичка отличная, - отозвался бурбонец.

Пучеглаз, не отвечая, припал к воде. Пить, пить, а там будь что будет! Он глотал и глотал ледяную воду, потом, почувствовав, что больше не принимает душа, напоил Прыгуна, наполнил все мехи.

- Надо и о других позаботиться, - сказал он солдату.

А тот уже поправил ранец, взял в руки ружье и стал медленно выбираться из оврага. Пучеглаз нагнал его.

- Не хочешь ли сесть на мою лошадь? Ты, как видно, здорово устал, и мне уже надоело трястись в седле, - сказал он все так же непринужденно.

- Да нет, спасибо. Я старая пехтура, к лошадям не привык, откликнулся

солдат.

- Ну, как хочешь. Тогда давай хоть твой ранец и ружье, я их повезу. Тебе все легче будет.

- Вот это другое дело, за это спасибо, и пребольшое! - сказал пехотинец и отдал Пучеглазу свое ружье и ранец.

Лоренцо шагом поехал рядом с солдатом. Потом все так же неторопливо открыл ранец, вынул оттуда патроны и принялся заряжать ружье.

- Что ты делаешь, дубина? - всполошился солдат.

- А вот что. - Пучеглаз навел дуло на бурбонца. - Ну-ка, приятель, поворачивай назад, ты не туда направляешься.

- Как - не туда, дурак ты этакий? - разозлился бурбонец. - Вон же, за тем холмом, наши стоят! Ты что, ослеп?

Лоренцо все держал его на мушке.

- А вот если не пойдешь, куда я тебе велю, молись святой мадонне, не видать тебе родителей! - Пучеглаз хладнокровно щелкнул курком.

- Так ты, значит, не наш, а из этих... из бандитов Галубардо! ошеломленно сказал солдат и разразился проклятиями: - Ах я осел! Ах я безмозглый буйвол! Повесить меня мало! Так попасться! Так глупо попасться бандитам в лапы!

- Насчет себя ты верно говоришь, - подстегнул его Пучеглаз, - а вот если не перестанешь обзывать нас бандитами, мы тебя так угостим в лагере, что не обрадуешься!

Солдат продолжал сыпать проклятиями, однако теперь только по своему собственному адресу. Так, один потешаясь, а другой бесясь, они понемногу приближались к гарибальдийскому лагерю. Уже начинало смеркаться, лиловатая дымка повисла над горами, смазывая их очертания. Внезапно Прыгун насторожился и стал как вкопанный, косясь на придорожные кусты.

- Стой! Кто идет? - негромко спросил Пучеглаз, на всякий случай подымая ружье.

Кусты у дороги зашелестели, и перед Пучеглазом вырос всадник на черном коне.

- А, это вы, капитан Датто, - узнал офицера Пучеглаз. - А я подумал, кто-нибудь из королевских. Ведь до нашего лагеря еще порядочно.

- Кто это с тобой? И откуда ты едешь? - Датто нагнулся в седле, разглядывая пленника.

- А вот поймал "языка", веду его к нам, чтоб командир его допросил, с гордостью отвечал Пучеглаз. Он коротко доложил, как было дело, и

замолчал, уверенный, что сейчас услышит одобрение.

Однако вместо того чтобы похвалить Лоренцо за ловкость, Датто вдруг напустился на него:

- Кто тебе разрешил уходить из лагеря, приближаться к неприятельским позициям? Что это за самовольщина? Тебя надо под арест отправить!

Удивленный Пучеглаз пробормотал:

- Да ведь я хотел напоить товарищей. У нас не было ни капли воды. И потом, мне дал лошадь капитан Мечников.

- Капитан Мечников не командир, - все так же сурово возразил Датто. Ты уехал без разрешения и за это будешь отвечать. А твоего пленника я сам допрошу. - Он подъехал к бурбонскому солдату. - Следуй за мной!

Пучеглазу внезапно вспомнился шепот Луки, странное поведение Датто на телеграфе. Он решительно загородил пленника.

- Пускай синьор капитан извинит меня, но я обязан доставить этого парня в лагерь, к полковнику. Полковник уж сам распорядится, как с ним поступить.

- Что? Не слушаться приказа офицера?! - окончательно рассвирепел Датто. - Да знаешь ли, генерал Гарибальди расстреливает таких, как ты!

- Генерал наш сражался вместе с такими, как я, еще у Комо, - тихонько сказал Пучеглаз. - Простите, капитан, но я доведу пленника до лагеря, а там вы можете жаловаться на меня начальству.

Слова эти как будто привели Датто в себя. Он пожал плечами.

- За самовольную отлучку ты, во всяком случае, ответишь. А пленника я тебе разрешаю довести до лагеря и сдать полковнику.

Он вонзил шпоры в бока своего конька, и тот скакнул в густую чащу кустов.

- Очень мне нужно твое разрешение! Мы еще поглядим, что ты сам за птица, - пробормотал вслед ему Пучеглаз.

Он без дальнейших приключений доставил свою добычу в лагерь. Ох, сколько здесь было шуток, смеха, острот, когда гарибальдийцы узнали, каким образом Лоренцо добыл "языка"! Рассказали и Гарибальди, и он тут же распорядился наградить смельчака серебряной медалью. Ни о каком наказании за самовольную отлучку, разумеется, не было и речи. Лоренцо бродил по лагерю со своей медалью и чувствовал себя героем. Ему очень хотелось встретить Датто, покрасоваться перед ним медалью, поддразнить его. Но Датто он так и не увидел.

32. БОЙ

В Сицилии все сильнее разгоралась народная революция. В маленьких

городках гарибальдийцев встречали звоном колоколов, овациями. На помощь "тысяче" стекались все новые и новые партизаны, которыми командовали известные сицилийские патриоты. Шестьсот партизан под командой Коппола вышли к гарибальдийцам с гор Сан-Джулиано, где они скрывались от правительственных войск. Еще сотня человек явилась под начальством францисканского монаха фра Панталеоне. У пришедших тоже было мало патронов, оружие тоже самое допотопное, но сами люди ничего не боялись и готовы были сражаться за свою свободу до конца.

Гарибальди решил двигаться на Палермо. Партизаны сообщили, что высоты Сан-Мартино, близ Палермо, находятся в руках вождя сицилийских патриотов Розалино Пило. Кроме того, множество отдельных отрядов еще скрывается в горах и ждет только сигнала, чтобы вступить в борьбу.

"Язык", бурбонский солдат, которого так ловко захватил Лоренцо Пучеглаз, показал на допросе, что бурбонское правительство двинуло навстречу Гарибальди регулярную армию генерала Ланди. У Ланди пять тысяч пехотинцев, четыре пушки и целая кавалерийская часть. Сейчас у Калатафими строят батареи и укрепления, и Ланди занял выгодную позицию - гору, поднимающуюся над дорогами в Палермо и Трапани.

- Наши отлично знают, что вас мало, что у вас почти нет оружия, хвастливо сказал "язык". - Командиру нашему известно даже, что у вас только две пушки.

- Откуда же он это знает? - спросил Сиртори, который вел допрос.

Бурбонский солдат хитро усмехнулся:

- Значит, кто-то среди вас нам это сообщает.

- У нас нет изменников. Ты просто подлый лгун! - вспыхнул Сиртори, но все-таки почел нужным сообщить Гарибальди.

Тот потемнел лицом. Измена? Измена здесь, среди его бойцов, среди его армии свободы?!

Он сказал:

- Я, как и ты, думаю, что этот солдат лжет. Но теперь мы будем присматриваться к людям, и, если я обнаружу предательство...

Гарибальди не договорил. Но все знали, как беспощаден бывает генерал с предателями.

Самое положение Калатафими, старинного сарацинского города, в горах, давало неприятелю серьезное преимущество: вся местность вокруг далеко просматривалась, и гарибальдийцам предстояло сражаться в очень невыгодных условиях. Это было известно не только Гарибальди и его военачальникам, но и самому молодому из волонтеров. На привалах молодежь обступала Пучеглаза и Марко Монти - местных уроженцев.

- Неужто не возьмем Калатафими? Неужто возвращаться ни с чем? Ведь это провал, позор!

- Выбрось это из головы, - говорил каждому Пучеглаз. - Помни, у нас только два пути: победа или смерть.

Мечников и Есипов ехали в передних рядах своего седьмого отряда. Сиртори, который оставил себе какую-то жалкую клячонку и был похож в своей черной одежде на священника, сказал им, что предстоит горячее дело, и Александр с нетерпением ждал первого боя.

Мечников с беспокойством поглядывал на своего молодого друга. Странные вещи начали случаться в походе с Александром: однажды, когда Александр ехал по горной тропе, большой камень скатился с вершины горы и чуть было не раздавил его. В другой раз, когда предстоял переход по узкому карнизу над пропастью, Александр случайно обнаружил под седлом своего Конька-Горбунка острые колючки татарника: если бы он внезапно вскочил в седло, Горбунок взвился бы от боли и сбросил седока в пропасть. Конечно, все это могло быть и случайностью, но Мечников про себя решил быть настороже и держаться поближе к другу.

Позади Александра, крепко вцепившись в седло, восседал Лука, а рядом деловитой собачьей рысцей бежал Ирсуто - Лохматый. Пес так и не ушел от мальчика, и офицеры позволили Луке взять его с собой в поход. Да и весь отряд ласково отнесся к Ирсуто, и немало кусочков сыра и хлеба перепало ему на привалах. Ирсуто оказался не только умным, но и памятьвым. На одном из привалов, когда Лохматый жевал брошенную кем-то корочку, он вдруг бросил эту корку, насторожился и сердито зарычал.

- Что ты, что ты, Ирсуто? Опомнись, ведь это наш генерал! - зашептал ему в косматое ухо Лука. - Не смей рычать ни на него, ни на его собаку, слышишь?!

Однако Ирсуто продолжал рычать все свирепее. Шерсть у него на спине поднялась, он ощерился и рвался из рук Луки, который вцепился ему в загривок и крепко его держал. По лагерю, в своем неизменном белом пончо, шел Гарибальди с группой офицеров. За ним, как всегда, бежала на широких кривых лапах такса Герелло. Лука всем телом навалился на Ирсуто: если пес сейчас вырвется, от таксы останутся только клочки - вон как Ирсуто беснуется! Поскорее бы проходил генерал!

Но тут, как назло, Герелло почуял Лохматого, остановился на миг, приподнял вопросительно одну лапу - и побежал знакомиться.

- Ну, сейчас будет драка! И какая! Пронеси, святая мадонна! зажмурился Лука, хватая на всякий случай своего друга за задние ноги.

Однако Лохматый только бегло обнюхал Герелло и отпустил его с миром. Сам же продолжал рваться и рычать на кого-то, кто шел позади Гарибальди. И вдруг Лука увидел Датто, который следовал за Гарибальди. Ага, Ирсуто хорошо помнил, что несколько дней назад этот человек обижал его хозяина.

- Молодец, молодец, мой Ирсуто! Запомни его навсегда, песик! Это дурной, злой человек, - шептал собаке Лука.

Но пес и без того просто выходил из себя. Датто повернул голову и увидел мальчика с собакой.

- А, опять ты здесь? - угрюмо кинул он, проходя. - Держи свою животину, мальчишка, а то я ее пристрелю.

- Как бы не так! - прошептал Лука. - Посмотрим еще, кто возьмет верх!

Ему хотелось сейчас же последовать за офицером, снова стать его тенью. Ведь он так завидовал славе Пучеглаза! История с "языком" стала известна всем бойцам, и гарибальдийцы специально приходили в седьмой отряд поглядеть на ловкача и смельчака, который так хитро провел пленника. И Луке казалось, что он тоже может прославиться, если выведет Датто на чистую воду. А что он поймает на чем-нибудь капитана, мальчик ничуть не сомневался. Но время было походное, он состоял денщиком при русских, и отлучаться без позволения запрещалось.

На рассвете 15 мая гарибальдийцы прошли селение Вито, оставленное неприятелем, и оказались в виду Калатафими. Местность эта называлась "Жалоба римлян" - в память некогда разбитого здесь римского консула.

Впереди, на высокой горе, перерезанной семью уступами, стоял город. Над городом и над горой лежало тяжелое облако, пламеневшее внутри, как железо в горне. От облака словно отделялись маленькие золотистые хлопья, плыли по небу и тут же исчезали, растворившись в воздухе. А глубоко внизу, в долинах и на дорогах, как большая тень, лежало отражение облака, и казалось, что красноватый свет исходит оттуда снизу. Чуть виднелась из-за гребня гор далекая колокольня, облитая пурпуром. Желтый камень скал, уже начинавшая выгорать трава на склонах, редкие оливковые деревья - все, казалось, отражало зарю. Но даже рассвет, утро не приносили никакой свежести: тяжелое дыхание наступающего дня уже заполняло все кругом. В предчувствии зноя и духоты ревел где-то осел, собаки, волы, куры - все-все спешили заползти в тень, заранее укрыться от сжигающего ока солнца, которое должно было с минуты на минуту появиться из-за гор.

И вот выкатился огромный, ослепляющий все живое шар, остановился над гребнем гор и принялся обливаться жаром одну за другой скалистые или

поросшие редким лесом вершины. Чудилось, будто скалы накалились до того, что и дотронуться до них и ступить на них невозможно. Знойное марево повисло, заструилось и задрожало над дорогами. И в этом мареве шли тяжело нагруженные люди Гарибальди.

Сиртори распорядился, чтобы все его всадники оставили своих коней внизу, у подножия горы.

- Драться нам придется пешком, на горе лошади будут только помехой, сказал он бойцам.

Лев и Александр, выслушав его распоряжение, подозвали Лукашку и, несмотря на мольбы и даже слезы мальчика, приказали ему вместе с Ирсуто остаться и стеречь коней.

- Это тоже важное военное дело, - попытался втолковать Лукашке Александр. - Ты должен сохранить лошадей, они нам еще понадобятся.

Однако Лука был безутешен, и даже Ирсуто, который ластился к нему и облизывал его мокрые от слез щеки, не мог его успокоить - ведь мальчику так хотелось участвовать в настоящем сражении!

Бой начали бурбонские солдаты. Бурбонцы были уверены, что с такими преимуществами, как у них, им ничего не стоит справиться с кучкой "сброда", как называл Ланди гарибальдийцев. Королевские войска открыли огонь. Однако Гарибальди приказал своим генуэзским карабинерам не отвечать и беречь патроны до последней возможности. Генуэзцы неохотно послушались. Но вот бурбонские солдаты подошли ближе, и карабинеры не вытерпели и бросились на них в штыки.

Королевские солдаты отступили к горе, где находились их позиции и укрепления. Волонтеры погнались за ними. "Кто мог бы удержать горячих доблестных добровольцев, когда они опрокинули врага? - вспоминал много позже Гарибальди. - Напрасно трубили сигнал к отступлению, наши его не слышали и действовали, как Нельсон в битве при Копенгагене*. Теперь нельзя было терять времени, иначе наш доблестный отряд был бы обречен на гибель. Я приказал немедленно трубить генеральное наступление". Забыв об опасности, гарибальдийцы преследовали королевских солдат. Вдруг полоса белого дыма очертила гору, и из укреплений грянули выстрелы. Через минуту гора стала похожа на извергающийся вулкан: из сплошной завесы дыма лился свинец и поражал наступающих. "Viva Garibaldi!", "Viva l'Italia!" загремело по ущелью и заглушило ответный рев бурбонцев, славивших своего короля.

* В 1801 году английский адмирал Нельсон бомбардировал Копенгаген и за два дня сильно разрушил город.

Гарибальдийцы бросились на штурм. Перед ними вставало семь террас, семь подступов к врагам, - их надо было взять все семь, одну за другой. Каждый шаг был смертью, и каждый шаг был победой. Стрелки карабкались, отчаянно цеплялись за каждый камень, каждый, самый маленький, выступ. Наверху враги, надежно спрятанные за укреплениями, расстреливали гарибальдийцев почти в упор. Пули, пули... Ядовитый свист у самого уха - и рядом падает товарищ, брат... Опять свист - и опять падает очередная жертва.

Вот показался белый клуб дыма, звук оружейного выстрела широко разлетелся по ущелью, и граната, шипя и вертясь, зарылась где-то позади гарибальдийцев, осыпав их землей. В то же мгновение упал, сраженный пулей, знаменосец - генуэзец Скиаффино.

- Знамя! Наше знамя! - закричали гарибальдийцы.

Молодой сын Гарибальди, Менотти, на бегу схватил знамя, поднял его и понес вперед. Пуля вонзилась в руку Менотти, он выронил древко, но уже кто-то из волонтеров снова перехватил знамя. Высоко взметнулось красно-бело-зеленое полотнище. Внезапно вокруг него завихрился человеческий водоворот, гарибальдийца, который нес знамя, повалили и пристрелили. Знаменем завладели бурбонцы.

Какая ярость охватила гарибальдийцев, когда они увидели, что их святыня - знамя свободы - в руках неприятеля! Вперед вырвался седьмой отряд, где сражались наши друзья. Пучеглаз, Марко Монти, Лев и Александр одними из первых ворвались на неприятельский бруствер.

Перед ними было орудие с запряжкой и зарядным ящиком. Вот оно! Завладеть этим орудием, обратить его против врагов! Все четверо принялись штыками прокладывать себе дорогу к пушке. Александру удалось прорваться к зарядному ящику, но тут его атаковали неприятельские солдаты. Он потерял в пылу боя кепи и, растрепанный, разгоряченный, с одичалым лицом, отражал штыки врагов.

- Стой! Держись! Я иду! - закричал ему по-русски Мечников.

Александр увидел у самого своего лица дуло револьвера - в него целился бурбонец. "Конец!" Но тут вдруг бурбонец взвизгнул не своим голосом, выронил револьвер и схватился за руку. И почти тотчас же на нем повисло какое-то странное обезьяноподобное существо, которое тоже визжало и кусало солдата и колотило его по голове большой саблей. "Лукашка, это Лукашка! Но как он сюда попал? Ведь мы оставили его внизу - караулить коней", - успел подумать Александр. Он бросился на выручку маленькому денщику, но его уже опередил Пучеглаз, который очень спокойно и, казалось, неторопливо уложил бурбонца прикладом

своего карабина.

Вдвоем с Монти он повернул оружие и направил дуло на удирающих королевских солдат. Лев и Александр поспешили к нему на помощь.

- Как ты посмел, мошенник, бросить наших лошадей? - прокричал Мечников и погрозил Луке закопченным пальцем.

- Я их не бросил. Их сторожит Ирсуто, - отвечал таким же криком Лука, потому что в грохоте сражения обычный голос был бы не слышен.

Мальчик тоже взялся за оружие. Он, очевидно, твердо решил ни на шаг не отходить от своих офицеров. Александр мысленно махнул рукой: ведь этот мальчик, вероятно, только что спас ему жизнь. Было бы жестоко прогонять его.

- Аванти! Аванти! - послышался знакомый всем голос.

Это Гарибальди легко, как настоящий горец, карабкался по крутому склону и подбодрял своих бойцов.

Бой продолжался уже несколько часов. Нестерпимый зной лился с неба. Гарибальдийцы изнемогали от жажды и усталости. Уже шесть уступов, шесть укрепленных пунктов неприятеля были позади. Оставался последний уступ, с линией укреплений, с хорошими траншеями, где засели главные силы неприятеля. Если этот последний уступ не будет взят, насмарку пойдет весь день. Все жертвы и все усилия будут напрасны.

Но так смертельно устали, в таком изнеможении бойцы, что сделать это последнее усилие не может, кажется, никто. Огонь неприятеля стал еще сокрушительнее. Это огневая буря, огневой ураган. Нет, невысказанно сделать ни шагу!

Штурмующие останавливаются. Биксио, тяжело отдуваясь и утирая окровавленное лицо, подходит к Гарибальди.

- Кажется, нам придется отступить, генерал, - понуро говорил он.

- Отступить, когда здесь, сегодня, может быть сейчас, решается судьба Италии?! Ну нет, этого не будет! - упрямо твердит Гарибальди.

Рядом с ним, на площадке перед последней, седьмой, террасой, скопилось то, что осталось от "тысячи". В каких-нибудь семидесяти шагах враги, надежно укрытые горным склоном и уже уверенные в своей победе, убежденные, что "пиччиотти" не решатся на этот последний штурм.

Гарибальди оглядывает своих людей. Все ждут его слова.

- Дети, соберите все свои силы. Отдохните немного, а потом еще один, последний рывок, - говорит он.

Гарибальдийцы припадают к земле. Горячая, политая их кровью, она не дает прохлады. Она растрескалась от зноя, как их губы. Но это их собственная земля, и за нее надо драться во что бы то ни стало. Александр

и Лев лежат недвижимо, как мертвые, рядом с итальянскими друзьями. Ни разу ни Льву, ни Александру не пришло в голову, что им, в сущности, незачем бы сражаться за Сицилию, отдавать свою кровь за скалистый, выжженный остров. Для них, русских, Сицилия стала такой же драгоценной, как для всех гарибальдийцев.

- Натe, синьоры, выпейте.

Лука протягивает им флягу. Их собственные давно уже пусты.

- Откуда у тебя вода? - еле выговаривает Александр.

- А вон, отстегнул у бурбонца, - кивает Лукашка куда-то вниз, где на уступах лежат раненые и убитые.

- Что за мальчишка! - по-русски шепчет Александр.

* * *

Прошло минут десять. И снова раздался голос Гарибальди:

- Подъем! В атаку!

Он сам стал во главе штурмующих. Бурбонцы вмиг узнали его золотистую голову, его белый пончо. Шквал огня устремился на него. Волонтеры окружили Гарибальди, чтобы своими телами закрыть его от пули. Гарибальди их отстранил.

- Не нужно меня охранять, - сказал он. - Может быть, сегодня мне выпал самый счастливый случай умереть за Италию.

Он сбросил свой пончо и ринулся наверх.

- Да здравствует Гарибальди - надежда Италии! - истошно выкрикнул чей-то молодой голос.

Бойцы подхватили клич и бросились за своим героем. Наверху, у последних батарей, генерал Ланди спешно строил и подбадривал своих людей он видел кругом полную растерянность. Несмотря на то что из Калатафими подходили подкрепления, все уже предвещало разгром королевских войск. Маленький домик, лепившийся на склоне горы, был уже в руках гарибальдийцев; там распоряжались врачи и туда сносили раненых волонтеров.

Пелена сплошного дыма опоясала седьмой, последний уступ - последнюю линию укреплений. Бурбонцы привели в действие все свои батареи. Грохот выстрелов, лязг оружия, проклятия, молитвы, вопли раненых. В этой зловещей какофонии Александр не слышал и не сознавал, что и сам он истошно кричит что-то и карабкается изо всех сил вверх, цепляется, как и все, за камни и колючки, обдирает руки, вместе со всеми припадает к земле в ту минуту, когда огонь врага настигает и становится нестерпимым. Время перестало существовать - оно то летело, то останавливалось. Внезапно дым наверху разошелся, и в открывшуюся

прогалину Александр увидел зияющее жерло медной пушки. В нескольких шагах стоял с горящим фитилем у затравки бурбонский артиллерист. Миг - и картечь полетит из медной пасти и скосит штурмующих.

Александр, не помня себя, выхватил револьвер и выстрелил. Артиллерист упал, фитиль покотился на землю. Командир батареи, рослый офицер, бросился сам поднимать его, но на укрепление уже врывалась толпа гарибальдийцев. У пушки закипел бой. Офицер старался добраться до затравки, поджечь, выстрелить по нападающим. Но тут подскочил тоненький смуглый гарибальдиец, взмахнул саблей:

- Сдавайся, негодяй!

Сабля его сверкнула, и горящий конец фитиля, отрубленный, упал на землю. Офицер заревел от бешенства, навалился всей своей тушей на хрупкую фигурку, опрокинул ее и занес нож. И вдруг на него самого обрушился удар приклада, и бурбонец покотился на землю.

Александр помог подняться молодому гарибальдийцу:

- Жив, рагаццо? Не ранил он тебя?

Блеснули знакомые глаза, и нежный голос сказал:

- Как я рада, что вам обязана жизнью, синьор!

Александр не успел ни удивиться, ни сказать Лючии слово: кругом уже снова завихрился бой. Он увидел только две сильные мужские руки, которые подхватили девушку, и узнал широкие плечи Датто - это он выносил Лючию из гущи сражающихся. Александр хотел было последовать за ними, но рядом грудь с грудью бились гарибальдийцы и королевские солдаты, и какой-то бурбонец пробивался к Мечникову, и еще двое других наступали на Пучеглаза. И Александр, все позабыв, бросился на помощь друзьям.

Была перехвачена депеша Ланди, посланная из Калатафими, с поля боя: "На помощь, и как можно скорее!" Однако было уже поздно. Всем было ясно, что войска Франциска II потерпели полное поражение. Это было не отступление даже, а настоящее бегство. Бурбонцы бежали к Палермо, оставляя на дороге трупы, гильзы, патроны в пачках, гранаты, картечь, галеты, муку, фасоль. Даже сапоги они бросали, чтобы легче было бежать.

Несколько времени спустя Гарибальди писал об этом сражении: "Как прекрасна была твоя "тысяча", о Италия, когда она сражалась с разукрашенными в перья и позументы прислужниками тирании и прогнала их, словно стадо! Прекрасны были вы в вашей одежде, в которой работали в своих мастерских, когда звуки трубы призывали вас к долгу. Прекрасны были вы в куртке и фуражке студента, в скромном платье каменщика,

плотника и кузнеца".

Генерал армии свободы всегда гордился этой победой:

"Калатафими! Когда я, переживший это сражение, буду лежать на смертном одре и на моих устах в последний раз появится гордая улыбка, она будет вызвана воспоминанием о тебе, ибо я не знаю битвы, которая была бы славнее тебя".

Теперь у гарибальдийцев было все, в чем они так нуждались: оружие, еда, питье. Они могли не преследовать неприятеля - тот бежал сломя голову, даже не пытаясь отстреливаться. Напрасны были все усилия и все воззвания королевских военачальников - солдаты Франциска спасали свою драгоценную жизнь.

А на горе, на самом поле боя, расположились бивуаком гарибальдийцы людям нужен был немедленный отдых. Гарибальди, окруженный радостно возбужденными бойцами, подзывал к себе наиболее отличившихся и награждал их орденами. Он вспомнил юношу, который на его глазах обрубил фитиль у пушки и отвратил смертельную опасность от многих бойцов.

- Позовите ко мне этого храбреца.

Почти тотчас же появился Датто, ведя за собой молодого гарибальдийского солдата. Тот стал перед Гарибальди, опустив голову, как провинившийся ребенок перед своим учителем.

- Как тебя зовут, мальчуган? - ласково спросил Гарибальди.

- П... Претори... - чуть слышно вымолвил солдат.

- Как! - вскочил Гарибальди. - Претори?

Солдат тихо снял свою круглую венгерскую шапочку, и локоны скатились ему на плечи.

- Лючия?

Гарибальди, нахмурившись, смотрел на эту сумасшедшую девчонку, дочку своего старого друга. Ведь профессор, наверное, с ума сходит от тревоги там, в Генуе. Смотрите пожалуйста, сколько бесстрашия в этом маленьком, хрупком существе! Вот они, итальянские девушки и женщины, гордость страны!

Закопченные, еще не остывшие после боя гарибальдийцы аплодировали храброй девушке.

- Позвольте вам сказать, генерал, - выступил вдруг вперед Датто, надо немедленно отправить синьорину Претори отсюда. У меня есть верный человек...

- Я сам позабочусь о дочери моего друга, - сухо сказал Гарибальди.

- Но синьорина - моя невеста! - воскликнул Датто. - И я не могу

допустить...

- Это правда? - обратился Гарибальди к Лючии. - Капитан Датто - твой жених? Отец знает об этом?

- Отец мой ничего не знает, потому что это неправда, - твердо ответила Лючия. - Я отказала Датто. Я никогда не буду его женой!

Гарибальди покосился на вспыхнувшего Датто. Кругом стало тихо - бойцы ждали.

- Слышишь, капитан, что говорит девушка? Ее словам мы больше верим, сказал Гарибальди. Он снова повернулся к Лючии. - Я подумаю, что с тобой делать, а сейчас скажи, чем тебя наградить? Многие из нас не увидели бы победы, если бы не ты.

Лючия покачала головой.

- Награду заслужила не я, - сказала она так, чтобы все слышали. - Ее заслужил русский юноша, который спас мне жизнь. - И Лючия рассказала о том, что произошло на последней королевской батарее.

Чем дальше она рассказывала, тем все мрачнее становился Датто. Пробормотав что-то и пользуясь тем, что все слушают Лючию, он незаметно выбрался из толпы.

Гарибальди распорядился отыскать и привести Александра Есипова. Но ни Александра с Мечниковым, ни их итальянских друзей нигде не было. Лючия, сразу осунувшись от тревоги, спускалась даже в тот белый дом на склоне горы, где расположился походный госпиталь гарибальдийцев. Однако и там, среди раненых, не нашла ни Александра, ни его товарищей. Погибли? Все погибли? Тогда где их останки? Ведь их, по просьбе Лючии, искали и среди мертвецов, что усеивали гору. Несколько раз во время своих поисков Лючия встречала мрачного Датто. Тот молча смотрел на нее, однако не заговаривал и не подходил.

Долго еще бродила по лагерю девушка, наклонялась над спящими бойцами, всматривалась в лица. И уже поздно ночью слышали бойцы тоненький, совсем детский плач.

33. ПЕЩЕРА ФРАНЦИСКАНЦА

Лев Мечников сердился и на своих спутников и на самого себя: зачем дал себя увлечь в этот нелепый, авантюрный поход. У него сильно болела лодыжка, подвернутая во время штурма, он мечтал растянуться хотя бы на земле, дать отдых истомленному, измученному телу, а потом, может быть, в тиши спящего лагеря записать в альбом кое-что из сегодняшних впечатлений. Ведь пройдет несколько дней, и новые события вытеснят из головы все, что было сегодня. Сражение при Калатафими потускнеет в памяти, сотрутся его живые краски, а так надо бы, так важно бы все это

запечатлеть! Будущие историки, конечно, опишут все это, но насколько важнее дневник очевидца!

А теперь вместо отдыха и писания он плетется по неведомым горным тропам, карабкается на кручи и скалы, до крови обдирает руки и рвет платье о проклятые колючки. И все это по милости Александра и двух приятелей Пучеглаза и Монти, которым вздумалось поверить рассказам мальчишки-денщика! Этот парень и впрямь вообразил себя каким-то детективом. По-настоящему надо бы взгреть его хорошенько за то, что он нарушил приказ - оставил без присмотра лошадей у Вито и явился в самое пекло, махая во все стороны своей дурацкой саблей. Да как его накажешь, этого плута! Смотрит на всех честнейшими вишневыми глазами, божится, что оставил лошадей на попечении своего пса, клянется, что сам святой Джованни послал его в бой, чтоб отвести удар от Александра, и что сам святой Джованни повел его сюда, в эти горы, по следам капитана Датто. Хитрит мальчишка, лгун он или только наивный фантазер - кто может это сказать наверное?

Пока можно утверждать только одно: капитан-левша - личность действительно таинственная, за которой следует неустанно наблюдать. Установить, что его поступки - поступки изменника, и доказать это как можно убедительнее Гарибальди? Но как это сделать? Ведь генерал так предан своему делу, так слепо убежден в преданности всех своих соратников... Понадобятся прямые улики, подкрепленные вескими доказательствами, чтоб он поверил в измену Датто.

Но сигналы в море, но поведение Датто на телеграфе, наконец, все эти якобы случайные происшествия с Александром - разве все это не достаточные улики? "Нет, - отвечал сам себе Мечников честно и строго, - все это шаткие доказательства и не до конца проверенные. Нельзя обвинять человека в самом страшном преступлении на свете - измене народу - только на основании наших домыслов и догадок мальчишки-денщика".

- Ну-ка, расскажи еще раз, что ты такое заметил и где видел в последний раз капитана Датто? - нахмурившись, обратился он к Луке. Попробуем разобраться сообща.

Лука понурился.

- Вы не верите мне, синьор капитан, я знаю, вы мне ничуть не верите, - сказал он жалобно. - А я видел его вот так, как вижу сейчас вас. Это было на последнем, седьмом, уступе, когда наши дрались за батарею. Синьор Алессандро рвался к пушке и ничего кругом не замечал. А я - хотите верьте, хотите нет, синьор капитан, - я все-все замечал, что кругом делается, и ни капельки не боялся, - с гордостью вставил Лука. - И вот я

заметил, что за синьором Алессандро кто-то ползет по земле, как шакал, и голову нагибает, чтоб его не увидели. Я тут же признал левшу, потому что он держал в левой руке револьвер и целился в спину синьора Алессандро. И он выстрелил бы и убил бы, наверное убил бы синьора, и даже я не смог бы помешать, потому что не успел бы. Тут, откуда ни возьмись, выскочила эта бешеная девка Лючия и кинулась к синьору Алессандро и стала так, что, выстрели левша, он попал бы в Лючию. Ну, он, как увидел ее, сразу поднялся и побежал за нею. Догнал уж на самой батарее, когда мы все там были. Лючия схватилась с офицером-бурбонцем, а он, левша то есть, подкрался сзади, схватил ее на руки и потащил назад, вниз. Он тащил синьорину, а она, да пребудет с ней вечное блаженство, так дубасила его кулаками, что левша наконец не вытерпел и выпустил ее. Вот она напоследок дала ему хорошую оплеуху, крикнула что-то и удрала опять к нашим. Тогда и левша поворотил на батарею. Я - за ним. И вдруг вижу: он знаки подает какому-то бурбонскому верзиле. Бурбонец помахал ему рукой и побежал вот сюда, на эту тропку, а левша за ним. Я не вытерпел, побежал тоже. Оба они свернули в ущелье и вдруг пропали, точно провалились.

Я лазил, лазил, обнюхивал здесь каждую щель, каждую ямку и говорю вам, синьоры, - ему нечистая сила помогает, этому левше, клянусь моим покровителем святым Джованни! Здесь, куда не погляди, - голые скалы, спрятаться негде. Нечистая сила помогла ему, синьоры! - И Лукашка сложил пальцы рожками, чтоб отогнать нечистую силу.

- Не клянись, - сказал Марко Монти, озираясь кругом печальными, запавшими глазами, - здесь и без нечистой силы можно спрятаться. Ты не гляди, что всюду голые скалы. Когда я был таким же мальчишкой, как ты, мы, бывало, бегали сюда с ребятами играть в пещеру Францисканца. Здесь каждый знает эту пещеру. Там есть большой подземный зал, который называют часовней. По преданию, в этой пещере жил когда-то, в незапамятные времена, один святой монах-отшельник.

- Я тоже слышал в детстве об этой пещере, - кивнул Лоренцо Пучеглаз.
- Только не бывал в ней.

Пятеро друзей стояли на узком карнизе под нависшим, как бараний лоб, скалистым уступом. Бараний лоб порос серо-зеленым кактусом и колючим держи-деревом. Внизу в легкой дымке тонула долина, прошитая белыми нитками тропинок, белые домики, редкие купы зелени и высохшие русла горных ручьев, которые издали были похожи на дороги.

Уже начинало смеркаться, и Лев, поглядывая вниз, опасно думал, как же они спустятся к своему лагерю, когда совсем стемнеет. Нога его болела все сильнее, но сейчас, услышав рассказ Монти о пещере

Францисканца, он ощутил чисто мальчишеский азарт. Ни за что на свете не вернется он в лагерь, покуда не отыщет эту пещеру. Если правда то, что говорит Лука, выследить и разоблачить Датто - задача первейшей важности: капитану, как доверенному офицеру Гарибальди, наверняка известны многие военные планы и он легко может передавать их врагу.

Наверное, то, о чем думал Лев Мечников, одновременно пришло в голову и остальным, потому что Александр сказал нетерпеливо по-итальянски:

- Скорее, скорее, Монти, ищи свою знаменитую пещеру. Если Лука не врет, эти двое могли спрятаться, по-видимому, только там.

- Я - вру? - возмущенно завопил Лука. - Да пусть я не увижу вовек своего родимого дома, пусть мой отец проклянет меня, пусть я провалюсь прямехонько в ад, если вру, синьор!

Мальчик задыхался от незаслуженной обиды, и Александру стало стыдно.

- Ну-ну, не плачь, я ведь не хотел тебя обидеть, - сказал он ласково, наклонясь к Лукашке. - И я и все другие верим тебе.

Между тем Марко Монти внимательно исследовал скалу. Гладко, все гладко и твердо, неизвестно даже, за что цепляются здесь корни кактусов.

- Помнится, мы лазили куда-то вниз под землю... - бормотал он себе под нос.

- Под землю? - подхватил Лукашка. - Вот здесь, смотрите, лежат какие-то камни. Только они тяжелые, мне их не сдвинуть.

Лев подошел взглянуть: камни казались нетронутыми, песок их затянул. Однако Марко и Пучеглаз уже взялись за них и раскачивали, стараясь сдвинуть с места. И вдруг самый большой камень подался и тихонечко пошел в сторону, точно на шарнирах, открывая в земле очень узкое черное отверстие.

- Она! Это она! Пещера Францисканца! - возбужденно зашептал Монти. Я узнал вход.

- Да, но ни один из нас не сможет пролезть в ту дыру, - пожал плечами Лев. - И никакой Датто здесь не спрячется, друзья мои. Что доступно двенадцатилетнему мальчугану, то недоступно нам, взрослым мужчинам.

Лука уже стоял перед отверстием на четвереньках и всматривался в его черную глубину.

- А я на что, синьор капитан? Я пролезу, я тощий, - сказал он, приготовляясь прыгать.

- погоди, не спеши, amico mio, - остановил его Монти. - Помнится, тут бывали и взрослые люди. И потом, жил же здесь когда-то святой

отшельник.

И, говоря так, Монти выбирал один за другим куски плитняка, загораживающие вход в пещеру. В конце концов отверстие расширилось настолько, что в него мог пролезть взрослый человек.

- Эх, если б хоть у одного из нас был фонарь или свечка, словом, какой-нибудь огонек! - сказал Монти. - Ведь если мы хотим найти того, кто нам нужен, как же мы его найдем в темноте? Помню, мы всегда приносили с собой огарки церковных свечек, - продолжал он, - а иногда тряпки, намоченные в бараньем жире. Мы зажигали их и начинали кричать со страху, потому что от наших факелов плясали огромные тени и нам казалось, что за нами гонится привидение.

- Гм!.. Вот о свете-то мы не подумали, - проворчал Мечников. - Неужто возвращаться ни с чем?

- Как бы не так! - сказал Пучеглаз. - Факелов у нас нет, а парочка свечей, кажется, найдется. - Он порылся в своих необъятных карманах и вытащил две куцые свечки. - Спички тоже есть, я их завернул, чтоб не подмокли. Вот тебе, Монти, свеча и спички. Раз ты здесь бывал, тебе и быть нашим проводником и первому лезть в пещеру.

Монти послушно кивнул, сел на землю и спустил в черную дыру ноги. Постепенно, движение за движением, он протиснул туловище, потом плечи. Несколько секунд перед друзьями маячила его голова. Потом исчезла и она. Откуда-то издали послышался голос Монти:

- Спускайтесь! Здесь сухо. Я жду.

- Можно, я пойду, синьоры? - торопливо спросил Лука и, не дожидаясь ответа, быстро, как ящерица, юркнул в отверстие.

- Мадонна! Здесь узко, как в овечьей кишке! - донеслось из темноты. Кажется, я наступил на голову дяде Марко.

- Ну, теперь ваша очередь, синьоры, - обратился к обоим друзьям Пучеглаз. - А я уж буду, как бедный родственник на свадьбе, тащиться в самом конце процессии, с запасной свечкой.

Он тихонько засмеялся, и Александр со Львом поняли, что и Пучеглаз чувствует себя мальчишкой, участником интереснейшего приключения.

Александр и Лев предпочли лезть головой вперед. Кое-как пролезли они в черную дыру и очутились и вправду в пространстве, немногим шире овечьей кишки. Александр плечами чувствовал острые камни этой "кишки", которые царапали его при каждом движении и "сдирали шкуру вместе с рубахой", как сказал, чертыхаясь по-итальянски, и по-русски и проклиная все на свете, Мечников.

- Не понимаю, как это ползают по камням и колючкам разные

пресмыкающиеся, - засмеялся Александр. - Наверное, им, бедным, так же плохо приходится, как нам сейчас.

Ему хотелось хоть такой нехитрой шуткой немного подбодрить друга. Над своей головой он слышал тяжкое, с хрипом дыхание Льва. Видимо, больная нога сильно мешала Мечникову, потому что несколько раз, наверное задев ею о камень, он простонал. Александру пот заливал глаза, он задыхался в этой каменной трубе. Раз или два он попытался позвать Монти, но голос его пропал, будто тоже стиснутый, задушенный камнем.

- Крысиная нора какая-то! - донесся до него брюзгливый возглас Мечникова. - Уж не ошибся ли Монти?

Александр и сам начинал этого опасаться. Но, когда он прополз еще метров десять, в глаза ему ударил свет, чьи-то дружеские руки схватили его за плечи и вытянули из "кишки". После полного мрака огонь свечи ослепил Александра, и он зажмурился. А когда открыл глаза, то невольно ахнул. Перед ним был причудливейший в мире зал, похожий одновременно и на готическую церковь, и на индийскую пагоду. Каменные наросты - ноздреватые, кружевные, стрельчатые, узорные, обточенные или вытесанные самой природой - то высились, как колонны, то низко нависали, как своды, то перекидывались, как воздушные легкие арки. Короткий язычок пламени, такой жалкий в этом подземном храме, выхватывал из тьмы то красноватую капитель, то страшную каменную фигуру без головы, то лежащее животное, похожее на дракона. Фантазия невольно подстегивалась этой безудержной игрой природы и населяла пещеру толпой странных и ужасных существ. Верилось, что какой-то неведомый гений создал этот подземный зал. Для довершения сходства под ногами был хоть и неровный, но как будто обтесанный плитняковый пол. Журчал невидимый источник, и откуда-то доносилось свежее дуновение воздуха. Разбросанные там и сям большие камни служили обстановкой: некоторые из них напоминали скамьи и кресла, а один большой камень в глубине пещеры возвышался, как стол или, скорее, как алтарь, а когда Лука прилепил к нему свечу, сходство это увеличилось.

- Здесь так и называют его алтарем, - прошептал Монти, расслышав замечание Александра.

Невольно и он и остальные говорили приглушенными голосами, будто и впрямь попали в храм, и все вздрогнули, когда Пучеглаз, выбравшийся из "кишки", спросил очень громко:

- Ну, где же ваш капитан-левша? Нашли его?

Вместо ответа Монти и Лука указали на то, что лежало на камне, под свечой.

И сразу исчезло всякое сходство с алтарем.

На камне лежали отнюдь не молитвенные книги, кресты и дарохранительницы, а были как попало разбросаны военные карты, какие-то чертежи, списки, брошенные, видно, впопыхах. Кроме того, здесь же стояли две оплетенные соломой фляжки и котелок с недоеденным мясом.

- Ого, да тут сразу и канцелярия и траптория! - сказал Пучеглаз, кинув взгляд на все, что находилось на алтаре. - Ну-ка, синьоры, вы ведь у нас ученые. Посмотрите-ка, что здесь такое, в этих бумажках, а главное кто здесь хозяйничал и для кого вел это хозяйство. - Он зажег вторую свечу. - Эге, да здесь, видно, побывало немало всякого люда! - прибавил он, поднося к огню несколько грубых глиняных чашек и мисок.

- И я кое-что нашел, - подал голос Монти.

Он притащил из дальнего угла пещеры целый узел какого-то тряпья. В узле, когда его развязали, оказалась сутана священника, полный мундир полковника королевской армии и красная рубаха гарибальдийца. Увидев священническое одеяние, знакомое ему еще по бегству из тюрьмы, Монти пришел в неопишное волнение.

- Но кто же, кто же здесь был?! - повторял он, разглядывая вещи.

- Кажется, брат Марко, мессу в твоей часовне служили шпионы, объявил Лоренцо.

Мечников и Александр переглянулись. Впервые Пучеглаз громко произнес слово "шпион", которое ни один из них не решался еще сказать даже про себя. Уж слишком невероятным казалось им обоим: доверенный офицер Гарибальди, близкий знакомый профессора Претори, поклонник Лючии - и вдруг шпион! Нет, нет, это невозможно!

Между тем Пучеглаз не без удовольствия понюхал, а затем и попробовал то, что находилось во флягах и предложил вина Марко Монти. Тот не отказался. Зато Лука, которому Лоренцо пододвинул котелок с мясом, даже не поглядел на еду, хотя был очень голоден: все внимание его было устремлено на обоих офицеров.

Мальчик старался по выражению лица Александра и Льва угадать, о чем они думают и что именно говорят на незнакомом ему языке русских. Нагнувшись к свече (вторую Пучеглаз из экономии погасил), оба друга перебирали то, что находилось на "алтаре". Здесь было три карты: одна географическая карта всего острова, вторая, рисованная от руки, по-видимому, представляла собой карту военных укреплений королевских войск в Сицилии, на третьей был нанесен район Палермо и прилегающих к нему селений и городов, в том числе Калатафими. Рядом с картами лежали чертежи каких-то укреплений с условными обозначениями. Лев и

Александр долго рассматривали эти чертежи, но, так и не разобравшись в них, положили в сумку Льва, чтобы передать после Сиртори или самому генералу.

- А вот здесь, кажется, кое-что интересное, - сказал Мечников, приближая к свечке четвертушку бумаги. - Адресовано Манискалько, прибавил он, наклоняясь над своей находкой.

- Читайте вслух, - попросил Пучеглаз. - Нам ведь тоже важно знать, что за компания была здесь, в этой пещере.

Лука с благодарностью взглянул на него.

- "Бумаги, которые вам посланы, - начал негромко Мечников, - содержат списки тех сицилийцев, которые связаны родственными или иными узами с бунтовщиками, вошедшими в банды Гарибальди. Вам предоставляется возможность по этим спискам арестовать всех родных и близких мятежников и, если таково будет ваше желание, подвергнуть их казни. Возможно, это заставит многих мятежников задуматься и даже уйти из преступной шайки гарибальдийцев. Во всяком случае, мера эта весьма своевременна, потому что вооруженные крестьяне со всех сторон стекаются к Гарибальди. В настоящее время у него, как мне стало известно, уже около восьми тысяч человек вместе с бунтовщиками. Правда, боеспособны из них не больше половины, однако..." Записка не дописана. Видно, что-то помешало тому, кто ее писал. - Лев поднял глаза.

- О, негодяи! Значит, они теперь уже арестовали всю нашу родню в Сицилии! - простонал Марко Монти. - У меня здесь брат живет. Значит, они и его схватили?!

Он был вне себя. Бормотал что-то, беспокойно двигался по "часовне". Между тем Александр изучал у огня какую-то смятую бумажонку.

- А у вас что? - спросил его Мечников.

- Прелюбопытный черновик, - отвечал Есипов. - И кажется, можно будет сделать кое-какие заключения о самом авторе.

- Да читайте же, читайте, синьор Алессандро! - не выдержал Лукашка. Эх, был бы я грамотный! - жалобно вздохнул он.

- "Милостивый государь, - читал Александр, - еще в Риме я имел честь передать вам мнение его святейшества об известном вам пирате и его действиях в Италии. В настоящее время необходимо более чем всегда помнить о тактике Г. Он дьявольски хитер и часто в своей борьбе использует притворные отступления. Эти отступления - излюбленный его маневр. Теперь, когда его пиратские отряды продвигаются к Палермо..." Тут что-то перечеркнуто и вымарано, - заметил Александр. - А вот многозначительное обещание: "Разумеется, вы, как и раньше, можете

рассчитывать на мои сообщения, хотя П. Ф. находится уже на территории, занятой Г."

- "П. Ф." - это, конечно, пещера Францисканца, - вставил Мечников. Ну-ну, что же дальше?

- Дальше какая-то закорючка стоит вместо подписи.

Пучеглаз подошел поближе к свету, ему хотелось тоже взглянуть на "закорючку".

- Почерк один и тот же и на вашей и на моей записке. - Мечников сличил обе бумаги. - Жаль, что мы не видели почерка Датто.

- Как левша, он и пишет, конечно, левой рукой, - заметил Александр.

- В вашей записке, Александр, по-моему, содержатся два важных указания, - сказал Мечников, - во-первых, автор ее был в Риме, а во-вторых, выполнял поручения самого папы.

- А коли так, это человек не простой, - подхватил Пучеглаз. - Это важная птица! Что ж, мы-то знаем: Датто был в Риме, и мы видели его в монашеском обличье в компании с чернохвостым.

- Как будто все сходится, - кивнул Мечников. - Неясно только одно: что помешало Датто (если только это и вправду он!) дописать и отослать свои донесения. И куда он и его спутник девались, если Лука стерег их у единственного выхода.

Лука тихонько ахнул, однако никто не обратил на него внимания.

- И мясо не доели, а к вину и вовсе не притронулись, - прибавил Пучеглаз. - Видно, услышали что-то, что их испугнуло, решили удрать поскорее, покуда их не сцапали.

- Но здесь же ничего не слышно, тихо, как в могиле, - с беспокойством сказал Монти. - Они могли услышать и испугаться только одного: выстрелов. Но мы уже давно не стреляем, ведь так?

Лука подскочил к Марко:

- Что? Вы говорите, дядя Марко, их могли испугнуть только выстрелы?

Он был так взволнован, что сам не замечал, как вцепился в рукав Монти.

- Ну да, - отвечал тот, тихонько освобождая свой рукав. - Помню, однажды мы здесь застряли надолго, и родители хотели нас вызвать. Кричали, звали - мы не слышали. Тогда попросили одного охотника выстрелить из ружья, и только по выстрелу мы поняли, что нас ищут, и вылезли наружу.

- Святой Джованни! Значит, это я, я своими руками все натворил! Это я спугнул этих шпионов, синьоры! Накажите меня, я вас прошу! Накажите сильнее, я опять упустил их! Я всему, всему виной! - запричитал, завопил

несчастный Лукашка.

Сквозь этот поток причитаний, слез, самообвинений четверо взрослых с трудом разобрали, что Лукашка подобрал где-то бурбонский пистолет и присоединил его к своей сабле. Пока он преследовал Датто и неприятельского офицера, ему некогда было подумать о своем трофее, но, когда оба беглеца исчезли и Лука рыскал вокруг, осматривая все выемки горы, он не устоял перед соблазном попробовать свою добычу и несколько раз выстрелил в воздух и в пролетающую птицу.

- Я попал в нее, синьоры, клянусь святым Джованни, я попал прямо в нее, и она упала в обрыв, - бессмысленно повторял Лука, как будто то, что он попал в птицу, могло как-то возместить его промах в другом деле.

- Одну маленькую птичку подстрелил, а многих больших упустил, безжалостно подвел итог Пучеглаз.

- Да, парень, здорово ты промахнулся, - кивнул и Монти.

Мечников и Александр ничего не сказали, но маленький денщик видел их красноречивые взгляды.

Лукашка не выдержал и заревел. В первый раз с тех пор, как стал гарибальдийцем. Но уж слишком жгучей была его обида на самого себя.

Так под его рыдания четверо взрослых забрали узел, бумаги и все, что нашли на "алтаре". Пучеглаз снова зажег свою запасную свечу, подтолкнул к "кишке" Луку, и все благополучно выбрались из пещеры Францисканца в темь и теплоту сицилийской ночи.

34. НОЧЬ ПОЛКОВОДЦА

Молодой генуэзец-часовой вполголоса, но сердито перекорялся с кем-то в темноте спящего лагеря.

- Я сказал - не пуцу, и не пуцу! Откуда я знаю, кто вы такие и правду ли вы говорите? И дежурного офицера не стану звать, и не просите! Вы говорите, что сердцем с нами, что Галубардо для вас все равно что отец, но у вас, как видно, нет сердца! Людям надо дать покой после такого дня, как этот, а вы хотите, чтоб я всех перебудил! Наверное, генерал только что заснул, я недавно видел у него в палатке свет, а вы его не жалеете.

- Мы понимаем, друг, мы все понимаем, - возражал ему взволнованный голос мужчины, - но и ты пойми нас... Сегодня, в день великой победы, у меня родилась дочь. А раз она родилась именно сегодня, то и я и все наши родичи решили: нельзя, чтоб это прошло, как обыкновенное рождение... Вот мы и пришли просить милости у генерала и у той девушки-героини, про которую у нас рассказывают чудеса... Ведь ты знаешь: если мы не увидим ее и Галубардо нынче ночью, то завтра будет уже поздно, вы все уйдете дальше... И в нашей семье рождение дочери не будет ничем

отмечено...

Молодой часовой не сдавался.

- Девушка эта - дочь старого друга Галубардо, почти его воспитанница, и теперь тоже спит в его палатке. У нее убили дружка, и она очень горюет, и подымать ее сейчас жестоко. Не стану я ее будить, родись у тебя хоть тройня!

- Нехорошо говоришь, парень! Постыдился бы! Вот здесь со мной моя старшая сестра, и старшая сестра моей жены, и сам синьор священник, а ты так некрасиво говоришь...

Генуэзцу стало неловко. Он посветил фонарем и увидел женщин, закутанных до глаз в черные шали, и старика священника. Не послать ли и вправду за дежурным офицером, справиться, как быть в таком необычном деле?

Но в ту минуту, когда часовой уже решился вызвать дежурного, из палатки Гарибальди, которую бойцы смастерили из седел и собственных плащей, выскочила взъерошенная такса и неожиданным басом залаяла на ночных гостей.

- Герелло, назад! Молчать, Герелло! - приказали одновременно два голоса - негра Агюйяра и Гарибальди.

В палатке вспыхнула свеча, и Гарибальди появился перед часовым. По-видимому, он еще не ложился. Во всяком случае, на нем была его обычная одежда и даже круглая шапочка надвинута на брови.

- С кем это ты разговариваешь? В чем дело? - спросил он молодого генуэзца.

Тот почтительно ему отсалютовал.

- Генерал, вот люди пришли к тебе снизу, из селения. Они непременно хотят тебя видеть. Я не пускал их, чтоб ты мог спокойно отдохнуть, но они не уходят и все повторяют, что им нужен ты.

Он поднял фонарь и осветил всю группу. Бородатый и мускулистый мужчина в бархатных штанах с кожаными наколенниками выступил вперед и низко поклонился.

- Мы пришли попросить об одной милости, - сказал он с сильным сицилийским акцентом, - тебя, Галубардо, и ту девушку-бойца, что зовут Лючией. Наши люди вернулись сегодня в селение и рассказали всем, что сделала эта девушка. А у меня как раз сегодня в полдень родилась дочь. И я хочу, чтоб ее назвали Лючией - в честь твоей воспитанницы и в память этого великого дня нашего освобождения. И я, и синьор священник Эджисто, который пришел со мной, и моя сестра, и сестра моей жены - все мы просим тебя и ее оказать нам эту милость.

И, говоря так, человек в бархатных штанах потихоньку вытолкнул вперед двух пожилых женщин в национальных одеждах и темных шалях и хилого старика в сутане, который от старости все тряс головой, будто отнекивался от всего, что слышал.

Гарибальди всмотрелся во взволнованные, полные ожидания лица всех четырех. Слова отца новорожденной означали, что Лючию просят быть крестной матерью девочки, а Гарибальди - почетным свидетелем.

- Но сейчас ведь ночь, - вымолвил он нерешительно.

- А рано утром вы уже уйдете, - поспешно перебил его мужчина. - И я тоже уйду вместе с вами, потому что хочу свободы для Сицилии и для всей Италии. Но, перед тем как уйти, я хочу окрестить мою девочку и в память победы назвать ее именем храброй Лючии.

Гарибальди думал: уже глубокая ночь, а он еще и не прилег. С минуты на минуту должны приехать посланные от Розалино Пило, большого сицилийского патриота, который уже занял со своими людьми несколько селений у Палермо. Перед рассветом придут Сиртори, Биксио, Орсини и другие командиры, чтоб обсудить план похода на Палермо. Если он сейчас поедет с этими людьми в селение, на сон уже не останется времени и посланные Пяло будут тревожиться, что не застали его на месте. Но отказать невозможно. Глаза этих людей сильнее всяких слов. Это сама Сицилия.

Он спросил ласково:

- Как тебя зовут, друг?

- Тресини Луиджи, - отвечал бородатый силач. - Возьмешь меня к себе, Галубардо?

- Возьму, - кивнул генерал. - С таким, как ты, мы непременно добьемся победы. - Он позвал: - Агюйяр! Разбуди Лючию и приведи лошадей. Мы едем в селение.

Тресини на лету схватил руку Гарибальди, горячо поцеловал.

- Благодарю тебя! Век не забуду этой милости!

Агюйяр привел не только лошадей, но и самого Биксио с тремя младшими офицерами, которые намеревались сопровождать Гарибальди в селение.

- Ты не знаешь, что это за люди, - шептал Биксио Гарибальди. - Кругом много врагов. Пускаться ночью неизвестно куда, одному...

- Кругом множество друзей, - громко отвечал ему Гарибальди. - Мне не нужна охрана в Сицилии. Со мной будут Лючия и Агюйяр. Больше мне никого не нужно.

И, как ни настаивал Биксио, генерал остался непреклонен.

Не сразу удалось объяснить насилию разбуженной Лючии, чего хотят от нее Гарибальди и кучка молчаливых крестьян. Наплакавшись, девушка в конце концов так крепко заснула рядом с Агюйяром в палатке генерала, что теперь никак не могла взять в толк, куда и зачем они едут среди ночи верхами. Окончательно она пришла в себя только в битком набитом людьми и животными крестьянском доме. Там, посреди выбеленной комнаты, стояла деревянная кровать роженицы, худенькой и бледной, и рядом - тростниковая корзинка, из которой выглядывало крошечное личико новорожденной.

Связки чеснока, перца и лавра висели над очагом, и две начищенные медные кастрюли блестели, как золотые, в свете нескольких свечей, зажженных ради торжества. По земляному полу, между ногами людей, ходили куры, кошки и собаки. Затесался было и поросенок, но его быстро убрали.

Приехавших встретили гулом приветствий и благословений. Роженица порозовела, увидев Гарибальди, и непременно хотела поцеловать руки ему и Лючии. Девушка смутилась чуть не до слез. Она случайно взглянула на себя и увидела, что одета в рубаху и штаны гарибальдийца. - "Вот так крестная мать!" - растерянно подумала она. Однако вокруг Лючии никто, казалось, не придавал значения ее костюму, и она мало-помалу оправилась.

Тресины зажег еще свечи, и священник почти тотчас начал обряд крещения.

Гарибальди вынул из корзинки новорожденную и поразился легкости и худобе крохотного тельца. "Наверное, мать никогда досыта не ела", мелькнула у него мысль. И такая жалость, такая любовь к этим людям, ко всей прекрасной, истерзанной чужаками, обнищавшей и раздробленной Италии затопила его, что он на миг задохнулся и на глазах его выступили слезы. Он так хотел счастья своему народу, так хотел служить ему!

А за ним пристально следили глаза молодой матери и еще десятки глаз крестьян, пастухов, виноградарей. Он любил их, и они любили его, своего Галубардо, - крестьянина, моряка, рабочего, а теперь их военачальника, и они возлагали на него все свои надежды.

По земляному полу пробежал мышонок, пестрая курица что-то клевала у самых ног Гарибальди. Раскрасневшаяся Лючия, чуть дыша от волнения, взяла у него Лючию-младшую, - он ничего не замечал, ничего не видел из-за жгучих, сладостных, из самой души бьющих слез.

Священник служил, шамкая, бормоча латинские слова. Ему помогал мальчик-служка в накидке из вязаных домашних кружев. На всем лежала печать бедности, постоянных лишений. Но для Гарибальди и Лючии весь

этот обряд ночью, в крестьянском доме, был полон особого, высокого смысла. После, когда Лючия вспоминала об этой ночи, она представлялась ей удивительным, на всю жизнь запечатлевшимся сном.

- ...нарекается Лючией, - раздались заключительные слова священника.

Тресини поднес Гарибальди церковную книгу, и при благоговейном молчании присутствующих генерал поставил свою подпись под актом о крещении. Расписалась и Лючия, и церковная книга пошла ходить из рук в руки. Каждый рассматривал подписи, и каждый считал своим долгом что-то сказать или же просто перекреститься. Теперь все наконец заговорили в полный голос, зашевелились. Кто теснился к Гарибальди, чтобы перемолвиться с ним словом или хоть дотронуться до его плаща, кто хотел поздравить роженицу и молодую крестную мать в необычном наряде.

- И не страшно тебе было в бою? - спрашивала Лючию какая-то старуха.

- А что сказал твой отец, когда ты пошла за Галубардо? - спрашивала другая.

Девушка, ровесница Лючии, смотрела на нее с благоговением, трогала ее пояс, просила позволения примерить шапочку.

- Знаешь, я тоже, может быть, сбегу, - шепнула она Лючии.

Лючии непременно хотелось что-нибудь подарить своей крестнице "на зубок". Она пошарила в карманах, но, кроме платка и походной складной ложки, там ничего не было. Что ж, неужели на ней нет ни одной женской вещи? И тут она вспомнила о колечке с синим камешком, подарке отца. Она всегда, с двенадцати лет, носила его на безымянном пальце левой руки и не снимала, даже когда мылась. Ей было немножко жаль отдавать отцовский подарок, но именно поэтому она, не медля ни минуты, сняла колечко с пальца и отдала матери маленькой Лючии. Женщины столпились у кровати и рассматривали подарок. Раздались восторженные восклицания. Тресини предложил гостям чашку кофе "на дорогу". Он, как сказал, и сам собирался уйти с Гарибальди, и сестра в сторонке укладывала его мешок.

Вошел Агюйяр, карауливший лошадей.

- Генерал, пора. Светает.

Кое-кто из старух закрестился, увидя черного человека, но Гарибальди сказал, что Агюйяр его старый и верный друг, с которым он проделал немало походов, и к негру отовсюду потянулись руки. Все наперебой приглашали его выпить кофе, посидеть. Однако пора было отправляться в лагерь.

Снова благословения, горячие напутствия, благодарности. На прощание Лючия поцеловала свою крестницу, заглянула в перламутровые

глазки: встретит ли она когда-нибудь еще эту девочку? И когда это будет? Может, Лючия сама уже будет тогда старухой. Вот если бы жив был Алессандро, ее любимый, они вместе приехали бы когда-нибудь в свободную, счастливую Сицилию и Лючия повела бы его сюда, в этот дом, посмотреть на крестницу. И она рассказала бы ему об этой ночи...

Но тут так замерло и больно защемило сердце, что додумать до конца было уже не в состоянии. Стараясь сдержать слезы, она поспешно вышла и взобралась на своего коня. Гарибальди и Агюйяр ожидали ее. Тресини держал ей стремя. Он был уже в полном походном снаряжении, со старинным кремневым ружьем за плечами.

- Это ружье еще повоюет за Италию, - сказал он, поймав взгляд Лючии.

Тресини оставался в селении поджидать нескольких соседей, которые тоже должны были присоединиться к Галубардо. Приехав ночью в крестьянский дом, на крестины, Гарибальди завоевал много сердец и много новых бойцов.

Уже таяли звезды и светлело небо над горами. Чуть тянуло ветерком, но росы не было, и день снова обещал безжалостный зной. Гарибальди тихонько разговаривал с Агюйяром, лошади осторожно переступали по камням, поднимаясь в гору, и всадники слегка покачивались в седлах. Лючию начинало убаюкивать это покачивание, как вдруг рука Агюйяра взяла у нее повод. Лошади остановились.

- Генерал, кто-то едет за нами, - сказал негр.

Гарибальди прислушался.

- Две лошади, - определил он. - На одной всадник, другая - на поводу.

Только Лючия все еще ничего не различала в тишине ночи, хоть и старалась услышать перестук копыт. Она начинала уже думать, что ей все это снится, когда сзади раздалось ржание коня. Ему ответила лошадь Агюйяра. И почти тотчас же у лошадиных ног завертелось, запрыгало, грозно зарычало что-то лохматое и неистовое.

- Ирсуто, ко мне! Сюда, Ирсуто! - закричал испуганный мальчишеский голос.

Услышав этот голос, Лючия чуть не упала с лошади.

- Ирсуто? Лука Скабиони! Лука, это ты? Ты жив?! - завопила она, совсем забыв о присутствии Гарибальди и Агюйяра. - Сюда, сюда, скорее, скорее!

Затрещали, зашелестели ветки, и перед тремя всадниками вырос рыжий конь, на котором как-то боком примостился мальчишка в красной гарибальдийской рубашке, слишком большом кепи и лакированных

ботинках на босу ногу. В руке он держал обнаженную саблю, и сабля так трепыхалась и выписывала такие кренделя и зигзаги, что всякий тотчас бы догадался: мальчишка напуган до полусмерти. За рыжим конем следовал на поводу еще один конь - горбатенький и такой же лохматый, как Ирсуто.

- Кто... кто меня зовет? - заикаясь, пробормотал Лука. - Кто вы такие?

- Это я, Лючия. Узнаешь меня? Лука, говори скорей, где твои офицеры? Живы они? Не ранены? - Дрожая, она ждала ответа.

Лука всмотрелся в нее и с явным облегчением опустил саблю.

- Да это, никак, синьорина Лючия! - радостно сказал он. - А я-то еду и слышу вдруг - кто-то меня зовет тоненьким-претоненьким голоском: "Лука Скабиони! А Лука Скабиони"! Ну, думаю, кому здесь ночью, в горах, да еще посреди самых колючек меня звать? Ясно - нечистый. Попался, думаю, ему самому в лапы. Конечно, взяла меня дрожь, еду, а сам молитвы читаю, все, какие помню. И святому Джузеппе, и святому Джованни, и святой Прасковии, и святому Евстафию.

- Да погоди ты со своими молитвами! - вырвалось у Лючии. - Скажи мне хоть одно словечко про синьора Алессандро... Цел он? Не убили его?

- Синьор Алессандро? - повторил Лука. - Вы хотите знать про синьора Алессандро? - Тут он разглядел Гарибальди и кубарем скатился с коня. Святая мадонна! Сам генерал здесь! А я-то не вижу! - Он с обожанием глядел на Гарибальди.

- Скабиони Лука! Синьорина задала тебе вопрос. Почему ты не отвечаешь? - спросил Гарибальди, в свою очередь разглядывая бравую маленькую фигурку.

- Вопрос? Какой вопрос? - растерялся Лука. - Ах да, про синьора Алессандро... Так он же в лагере. Мы с Ирсуто как раз ведем туда лошадей для него и для синьора Леоне. Лошади-то во время боя оставались внизу, и я их стерег, как мне было приказано, а потом, как услышал я, что наверху стреляют, так мне просто не вмоготу стало сидеть и ждать, пока наши там дерутся. Ну, я и поручил Ирсуто караулить лошадей, и он их отлично стерег до самой ночи, - тараторил Лука, не замечая, что Лючия склонилась на шею своей лошади и то ли плачет, то ли смеется от радости.

- Вот видишь, я говорил тебе, дочурка, что твой герой жив и найдется, - обратился к ней Гарибальди. - А ты мне не хотела верить и плакала так, что разрывалось сердце.

Лючия радовалась про себя, что еще темно и не видно ее пылающих щек. Гарибальди теперь тоже знал ее тайну.

- Вот вернемся в лагерь, и я вызову его к себе, - продолжал генерал, - ведь ему еще не выдана его медаль...

- Его не придется и вызывать, - вмешался Лука. - Мои синьоры уффициале давно ждут генерала... Теперь ты можешь не бояться своего Датто, - шепнул он Лючии, не замечая, что обращается к ней на "ты". - Он тебе ничего уж не сделает. Мы его вывели на чистую воду!

- Что? - не расслышала Лючия.

Но ее перебил Гарибальди.

- Ты сказал, мальчик, что офицеры ждут меня? - спросил он удивленно.
- Им нужен именно я? И срочно?

Лукашка кивнул и весь раздулся от собственной важности.

- Они ждут генерала, чтобы показать ему бумаги, которые мы все вместе нашли в пещере францисканца. Это здесь, неподалеку в горах, есть такая пещера, - прибавил он в виде пояснения. - Очень важные бумаги.

Он шепотом рассказал Лючии, как и когда Датто был уличен в измене. Однако девушка была так поглощена счастливой новостью - нашелся ее Алессандро, что ее почти не тронуло разоблачение Датто.

- Недаром я никогда ему не верила, - только и сказала она Луке.

Гарибальди между тем оглядывал нелепую маленькую фигурку в лакированных ботинках и кепи, сползавшем на самый нос. Выдумывает мальчишка, играет в какую-то фантастическую игру или за его словами кроется в самом деле что-то серьезное? "Бумаги, найденные в пещере Францисканца". Бог мой! Это звучит, как читанные давно, еще в детстве, дешевые авантюрные романы! Однако он сказал Агюйяру:

- В путь, Агюйяр! И поторопи лошадей. Нас ждут.

* * *

Через час в палатке Гарибальди происходило нечто вроде секретного совещания. Кроме самого Гарибальди, на посланных прямо на землю плащах сидели Сиртори, сухой, бледный, с хмурым взглядом маленьких глаз, и двое русских, тоже очень бледных от бессонной и тревожной ночи. Сиртори коротко доложил о находках в пещере и передал генералу бумаги. Потом повернулся к Мечникову:

- Подробности доложишь ты.

Мечников немного замялся.

- Расскажи все, - отчеканил Сиртори. - Генерал должен знать, кто находился рядом с ним.

Так впервые было произнесено имя Датто, впервые были перечислены все уличающие факты: сигналы в тумане и встреча с Лукой, поведение Датто на телеграфе, разговор Датто с бурбонским офицером на батарее и его исчезновение в пещере. И, наконец, донесения. Гарибальди слушал, поникнув головой. Для него это свидетельство измены было хуже любого

поражения. Потом, засветив фонарь, он тщательно просмотрел и прочитал все, что офицеры принесли с собой. Александр и Лев видели глубокую морщину, прорезавшую красивый гладкий лоб Гарибальди, его сразу осунувшееся, постаревшее лицо.

- У меня есть докладные записки, писанные рукой Энрико Датто, - глухо сказал он, отрываясь от чтения. - Можно, разумеется, взглянуть, сличить. Он вздохнул.

Три офицера понимали, как мучительно было Гарибальди доставать эти записки из походной шкатулки, какого труда ему стоило развернуть их и положить рядом с найденными бумагами. А перед Гарибальди внезапно промелькнуло воспоминание о недавних крестинах. Глаза молодой матери... Такое радостное, полное глубокого значения начало ночи, и такой обескураживающий, страшный конец! Там - преданность, любовь, самоотверженность, здесь - низкое предательство, измена, злоба.

Он брезгливым жестом отодвинул от себя бумаги.

- Не знаю, - сказал он так же глухо. - Я не знаток в таких делах и плохо разбираюсь в почерках. По-моему, и похоже и не похоже. Некоторые буквы и цифры как будто писаны одним и тем же человеком, а другие сильно отличаются...

- Генерал, не можешь ли припомнить, какой рукой писал Датто тебе записки? - спросил Сиртори.

Гарибальди долго молчал, припоминая.

- Кажется, правой, - сказал он наконец. - Впрочем, я вспоминаю, он как-то говорил мне, что он левша и поэтому хорошо пишет и левой рукой.

- Что ж, вот и объяснение, - решительно сказал Сиртори. - Тебе он писал правой рукой, а Ланди и Манискалько - левой. Вот почему почерк и похож и не похож.

Гарибальди побледнел так, что в лице его не осталось и кровинки.

- Предатель будет наказан, - сказал он сквозь зубы. - Позвать его ко мне.

Агюйяр отправился передавать приказание. Офицеры поднялись было, чтоб уйти.

- Оставайтесь, - сказал им Гарибальди. - Вы будете свидетелями этого суда.

Все снова сели на свои плащи. Сиртори подперся рукой, сделал вид, что дремлет. Александр и Лев с невольным чувством жалости наблюдали за Гарибальди. Минуты тянулись, как долгие часы. Наконец появился запыхавшийся Агюйяр.

- Генерал, его нигде не могут найти, - доложил он.

Мечников и Александр быстро переглянулись. Обоим одновременно пришла одна и та же догадка.

- Ну что ж, этим бегством он сам признал свою измену, - сказал, кривясь, Сиртори. - Если до сих пор и оставались какие-то сомнения, то сейчас уже все они исчезли.

- Отчего ты не арестовал его? - обратился к нему Гарибальди. - Ведь у тебя в руках были все улики.

- Именно потому, что и я и эти офицеры, - Сиртори кивнул на русских, - еще не были окончательно уверены, что Датто - предатель. И потом, я знал, что такие дела ты всегда решаешь сам, - прибавил он.

Мечников попросил разрешения сказать что-то.

- Мы видели Энрико Датто, когда направлялись к вам, генерал, - начал он. - Мы очень торопились и не успели даже почиститься после нашего похода в пещеру. Там, в пещере, очень заметная, особого цвета, красная глина. Датто видел нас и видел на нас следы этой глины. Видимо, он догадался, что мы были в пещере, и понял, зачем идем к вам.

- Все равно, рано или поздно он будет наказан, - повторил уже с полным самообладанием Гарибальди.

35. ЗАКОЛДОВАННАЯ РУБАШКА

"Государь! Вопль "помогите", раздавшийся в Сицилии, тронул мое сердце и сердца нескольких сот моих прежних солдат. Я не советовал моим братьям в Сицилии поднимать восстание; но с тех пор как они возмутились во имя представляемого Вами итальянского единства против постыднейшей тирании нашего времени, я не задумался стать во главе экспедиции. Если мы победим, я надеюсь, что Италия и Европа не забудут, что это предприятие было внушено самым великодушным порывом патриотизма. Если мы будем победителями, мне достанется слава украсить Вашу корону новою и, может быть, наиболее ценною из ее жемчужин, с тем единственным, однако, условием, что Вы никогда не позволите своим советникам передать ее чужестранцам, как было поступлено с моим родным городом".

Так писал королю Виктору-Эммануилу Гарибальди. Он помнил, что совсем недавно король и его министр Кавур отдали Франции его родной город Ниццу.

Теперь, после сражения у Калатафими, Гарибальди понимал, что к его словам будут прислушиваться не только в Италии, но и во всей Европе. Он был победителем. Генерал Ланди со своими войсками оставил Калатафими и бежал в Палермо, Франциск II был в полной растерянности: он не ожидал такого поражения. Теперь он видел, что его господству в Сицилии

приходит конец.

Среди бурбонских солдат ходили легенды о Гарибальди и его "заколдованной" красной рубашке. Находились очевидцы, которые рассказывали, как Гарибальди невредимо стоял против жерла пушки, извергающей огонь. Другие якобы сами были свидетелями, как пятьдесят стрелков выпустили в него пули из пятидесяти ружей, однако ни одна пуля его не тронула, потому что он был в своей красной рубашке. Говорили, что в Америке некий вождь черного племени, которому Гарибальди спас жизнь, подарил "пирату" заговоренную рубашку, а после Гарибальди нарочно одел в такие же рубашки все свое войско. Да мало ли какие еще рассказы ходили в напуганной до полусмерти и озлобленной от неудач бурбонской армии.

Отступая, армия эта зверствовала и бесчинствовала: солдаты короля хотели оставить после себя опустошенную и окровавленную Сицилию. "Все равно нас отсюда выпихивают, так дадим им жару напоследок", - сказал Ланди, и солдаты его грабили, поджигали целые селения и убивали ни в чем не повинных жителей.

От пришедшего в "тысячу" земляка Монти узнал, что бурбонцы вырезали всю семью его брата, а самого брата повесили посреди селения.

- За что? - наивно спросил Марко.

Волонтер пожал плечами.

- Болтали, будто они нашли в доме спичечную коробку, на которой был намалеван Галубардо. Да это все пустое. Им просто надо нас истребить, пока они еще здесь.

- Я понял, - сказал Марко.

С этой минуты прежний Монти исчез. Ни Пучеглаз, ни Лука, ни русские не узнавали своего тихого, кроткого товарища. Нетерпеливый, лютый, неукротимый мститель - вот кем стал теперь Марко. Семнадцатого мая, то есть через пять дней после высадки на остров, Гарибальди со своим войском вышел из Калатафими на Палермо. Это было неслыханно быстрое передвижение, победное шествие. Но Монти и другим сицилийцам оно казалось невыносимо медленным. Они рвались в бой, они рвались отомстить за все, что видели на своем пути.

А видели они сожженные селения, изуродованные трупы мирных жителей, измученных детишек, задушенных женщин. У, какая ненависть кипела в гарибальдийцах! Силы их, их мужество будто удесятерились при виде мучений собственного народа. "Тысяча" скрежетала зубами при упоминании о королевских войсках и только и мечтала поскорее расплатиться с ними в решающем сражении.

Теперь почти в каждом селении на пути гарибальдийцы хоронили убитых, вытаскивали из-под развалин еще живых и старались успокоить тех, кто уцелел от расправы.

Но были в гарибальдийском войске три человека, едва вышедшие из детства, которые бесконечно страдали от вида крови, пожарищ и трупов. Сразу, без всякого перехода, эти трое очутились в безжалостном, залитом кровью мире, и это их потрясло, внушило им ужас и отвращение.

Александр Есипов завидовал Мечникову, который твердо и умело распоряжался работами на пожарах, утешал взрослых, пристраивал осиротевших, бездомных ребятишек. Лев был старше, опытнее, закаленнее. Александр же места себе не находил с тех пор, как наткнулся однажды на трупик девочки с прелестной кудрявой головкой, почти отделенной от туловища ударом ножа. Девочка лежала у стены полусгоревшего дома, высоко вскинув руки, будто собираясь лететь. Прищуренные глаза придавали ее лицу очень гордое выражение. Александр долго стоял над девочкой, ноги его точно свинцом налились, а в голове билась одна и та же фраза без конца и начала: "Как же это? Ах, ну как же это?!"

Опомнился он, только когда кто-то прикоснулся к нему. Это была Лючия. Она тоже смотрела на девочку и всхлипывала.

Так, стонущую, дрожащую, Александр довел ее до полуразрушенного дома, где остановился Гарибальди, и сдал с рук на руки Агюйяру. И только тут, расставаясь, заметил, как осунулась и повзрослела девушка, как заострились и печально поникли плечи под красной гарибальдийской рубашкой. Александр вдруг почувствовал жалость и нежность. Гарибальди, сам Гарибальди опекал эту девушку и намеревался при первой возможности отправить ее к отцу в Геную, Гарибальди поручил ее заботам Агюйяра, верного и внимательного. Но даже и Гарибальди, занятый своими сражениями, борьбой, переброской своих волонтеров, не мог уберечь Лючию от мучительных, ранящих душу впечатлений войны. Да и события развивались так стремительно, так ждали гарибальдийцев в каждом здешнем доме, так нужно было торопиться, что о Лючии все как-то позабыли: не до того было. И вот потерянное юное существо теперь стонало и тихонько жаловалось и припадало к плечу Александра, ища у него единственную верную поддержку.

Долго не мог заснуть в эту ночь Александр, помещенный вместе с друзьями в уцелевший винный подвал. Он благодарил судьбу за то, что "Ангел-Воитель" далеко и не видит того, что привелось видеть ему и Лючии. "Какое счастье, что она избавлена от этих ужасов, что никогда не узнает про зарезанную девочку!" И спокойное, освещенное улыбкой

любимое лицо выплывало из темноты и на миг вытесняло мертвое личико девочки, давало отдых, блаженную передышку горячей голове.

И третий из этого юного братства - Лука Скабиони, римский пастушок, тоже сильно изменился за последние дни. Он почти совсем потерял резвость языка и молча ехал за спиной Александра на Коньке-Горбунке. Когда он видел что-нибудь страшное, глаза его выражали скорбное удивление. Луке уже не казалось теперь, что война - великолепная, увлекательнейшая игра, где ничего не стоит совершать подвиги и получать ордена и награды. Как и вся "тысяча", мальчик продолжал рваться в бой, мечтать о победе, но уже не ради игры и приключений, а чтобы навсегда прогнать из родной страны врагов.

Гарибальди понимал общее настроение и вел своих людей почти без отдыха. Мелькали города, селения, отдельные хижинки, дымились свежие пожарища. Город Партинико, который еще до прихода гарибальдийцев восстал против бурбонцев, был весь в развалинах. Уцелевшие от казней и боев жители влились в "тысячу". Блестящая победа у Калатафими воодушевляла бойцов Гарибальди, они были уверены, что и дальше их ждет победный путь. Однако обладатель "заколдованной рубашки" был дальновиднее и трезвее смотрел на положение вещей. Гарибальди понимал, что одолеть многочисленную, отлично вооруженную королевскую армию будет не так-то просто.

Чертежи и планы, которые принесли из пещеры Францисканца Александр и Мечников, оказались при ближайшем рассмотрении чертежами укреплений, которые бурбонцы возвели в Палермо и на подходах к столице Сицилии. Розалино Пило и другие вожди партизанских отрядов сообщали:

"В Палермо около двадцати тысяч отборного войска под командой Ланца и Боско. Сильная артиллерия. В порту стоят наготове военные корабли, которые будут держать под обстрелом все главные подходы к городу и освещать их прожекторами".

Ланца был новый наместник Палермо, назначенный королем специально для того, чтобы изловить и покарать "дерзкого пирата", то есть Гарибальди.

Франциск II неистовствовал: восемь генералов, в том числе Ланди, сдавший Калатафими, были уволены, как не оправдавшие доверия своего владыки. В Палермо ввели военное положение. С наступлением сумерек все должны были оставаться по домам, всякое движение по улицам, всякие сборища запрещались. Однако даже в этих условиях в городе работал подпольный революционный комитет.

Гарибальди знал: как только он появится у Палермо, его поддержат восставшие, у них есть спрятанное оружие, они постараются захватить казармы, крепость, дворец наместника. Но до этой минуты было еще далеко, и еще много испытаний ждало гарибальдийцев.

36. ПОД ПЛАЩОМ

- А телеграфные столбы на что? - спросил Лоренцо Пучеглаз.

В ответ раздался восторженный рев всего седьмого отряда:

- Ай да Пучеглаз! Всегда найдет выход из любого положения!

А положение и впрямь было не из веселых. Вторые сутки тяжелой серой стеной обрушивался на гарибальдийцев дождь. Кругом - над ними и под ними была вода. Разверзлись все хляби небесные, и низкие тучи стояли неподвижно, исторгая такие потоки, что ни на ком уже не осталось ни одной сухой нитки.

После тучных, богатых долин Алькамо и Партинико путь гарибальдийцев пошел вверх, через Боргетто к плато Ренне. Плато это, пустынное и плоское, лежит над необычайно зеленой и плодородной местностью, носящей поэтичное название "Золотая Раковина" (Конко д'Оро). И вот на Ренне "тысячу" настиг дождь. Теперь они уже и сами не могли бы сказать, что лучше - давешний зной или такой вот безнадежный, бесконечный ливень, от которого ломило суставы и начинался лихорадочный озноб во всем теле. Кругом все было голо: ни жилья, ни пастушеских шалашей, ни деревьев, чтобы наломать сучьев, разжечь костер и хоть немного обсушиться. Дороги и тропинки развезло так, что люди и лошади с трудом вытаскивали ноги и то и дело оступались в осклизлой грязи. Лошади, которые везли пушки, наконец совсем выбились из сил и стали. Тогда впряглись люди. Одни тянули лошадей, другие вытаскивали из глины застрявшие колеса. Волонтеры подбадривали себя песней, криками, но и это плохо помогало. В конце концов, чтобы облегчить лошадей, люди разобрали орудия и каждый понес на себе какую-нибудь часть. "Люди были страшно утомлены, - вспоминал после Гарибальди, - но горсть храбрецов показала себя доросшей до трудностей так же, как и до кровавых битв".

Все мечтали хоть немного обсушиться. И тогда Пучеглазу пришло в голову: телеграфные столбы! Вот что может служить великолепным топливом!

Сказано - сделано. И вот уже пар идет от красных гарибальдийских рубашек. Волонтеры теснятся у костров, и отсветы веселого пламени пляшут на обросших, исхудалых и загорелых до черноты лицах, на которых странно и резко сверкают зубы и белки воспаленных глаз. Люди повеселели от тепла, и хотя сверху по-прежнему льет дождь, но у костров

уже слышатся шутки, и весь седьмой отряд сбежался смотреть, как Пучеглаз сушит себе платье. Лоренцо разделся почти догола и уговорил раздеться друзей. Потом он раздобыл где-то палку, развесил на ней всю одежду и начал медленно водить палкой над костром.

- Увидите, через полчаса все будет сухое, - говорил он. - Меня такой сушке научил у Комо, когда начался период дождей, один генуэзец. Э, что здешний дождичек в сравнении с тамошними дождями! Просто щенок и мальчишка! Вот помокли бы вы там, у Комо, узнали бы, что такое настоящий дождь.

- Ну, уж ты скажешь, - усомнился кто-то. - Хуже нынешнего дождя ничего быть не может. Гляди, я точно из реки выскочил. И табак весь промок.

- Давай свой табак, я его тоже высушу! - не унывал Пучеглаз. - Вот разгребем здесь угольки, поставим крышку котелка, насыплем твой табак сейчас, соседушка, закуришь и повеселеешь.

И, говоря так, Лоренцо одной рукой разгребал угли, ставил крышку котелка, высыпал табак из кожаного кошель, а правой все водил да водил над костром палкой с навешенной на нее одеждой.

Один только Марко Монти никак не отзывался на прибаутки и рассказы Лоренцо.

Угрюмый, с тяжелым, одичалым взглядом, устремленным на огонь, он примостился на корточках у костра. С козырька картуза его лило, рубашка промокла насквозь, но, казалось, он ничего этого не замечал. Пучеглаз, который любил успех у публики и во что бы то ни стало хотел завоевать всеобщее внимание, наконец не выдержал и обратился прямо к Монти:

- Эй, земляк, не вешай голову! Погляди, какой славный огонек. Поверь мне, придет и наше время. Отольются Франциску Бурбону наши слезы. Ну-ка, друг, давай свою одежду, я тебе ее высушу.

Монти покачал головой.

- Не надо. Ничего мне не надо, - отрывисто отвечал он. - У, проклятый дождь! Как он нас задерживает! Не будь его, мы уже давно встретились бы с бурбонцами и дали бы им попробовать на вкус наши ножи.

- Не торопись, ты свое возьмешь, слово тебе даю, - утешал его Пучеглаз, все водя палкой над костром.

От просыхающей одежды валил густой пар. Толстые телеграфные столбы давали сильное, высокое пламя, и людям было любо смотреть на это пламя. Они все теснее сучивались у костра, в то время как с неба на них изливались нескончаемые потоки.

- Забирайте свое добро, пиччиотти, - командовал Пучеглаз. - И давайте

следующую порцию. Чья очередь, любезные синьорины? Подходите, скидывайте ваши кружевные мантильи, красавицы!

Желающих просушить одежду оказалось очень много. Все с шутками и со смехом начали стаскивать с себя рубашки. Однако Пучеглаз кого-то заметил в толпе, окружившей костер, и закричал:

- Стойте, стойте, пиччиотти! Я совсем забыл: сейчас очередь синьоров уффициале, моих начальников! Вот они уже стоят наготове. Синьор Леоне, синьор Алессандро, - обратился он к друзьям, - давайте сюда ваше платье! Нет, нет, не сомневайтесь, раздевайтесь. Сейчас вы получите теплую, сухую, под самым свежим дождем выстиранную одежду, и жизнь покажется вам прекрасной. Торопитесь, синьоры!

- А что, может, и правда разденемся? - предложил Лев, подымая мокрое лицо к серому, безнадежному небу. - Можно будет посидеть пока под моим плащом.

Александр с некоторым сомнением покосился на Пучеглаза, но тот уже протянул им свою палку.

- Вешайте сюда. Все вешайте: чулки, сапоги, галстуки, шарфы, брюки, рубашки! - распорядился он.

И оба юноши послушно стаскивали с себя вещи, которые он называл, и нанизывали их на палку.

И вот они уже сидят, оба голые, под широким плащом Мечникова. Плащ суконный, от него пахнет мокрой собакой, но под ним тепло. И Александру и Льву становится вдруг удивительно уютно. От костра идет нестерпимый жар, жар опалает лицо, щеки начинают гореть, и что-то от детства есть в этом сидении у костра под плащом. Наверное, даже взрослый и насмешливый Лев это почувствовал, потому что он первый начал говорить именно о детстве, и говорить по-русски, очень тихо, чтобы слышал один только Александр:

- У моего отца тоже был широкий-преширокий плащ и, когда я играл в путешествия, я делал из этого плаща палатку, забивался в нее и воображал, что я в девственном лесу. Потом я выходил на охоту. Я обшаривал полки на кухне и в буфетной. Мальчишкой я был очень тощий и плохо ел. Мои домашние были в отчаянии, они уговаривали меня, сулили мне сласти, если, к примеру, я съем супу. Но я почти не притрагивался к обеду. А тут, "на охоте", я сам, по собственному почину, забирал еду, как добычу охотника, в свою палатку и там в одиночестве пожирал все, что приносил. О моей игре узнали и стали потихоньку подкладывать на полки самое вкусное и питательное. Ах, какая это была отличная игра! - И Лев тихонько засмеялся у самого уха Александра. - А вы играли так, Александр? -

спросил он и снова, не дождавшись ответа Есипова, засмеялся. - Нелепость какая, сидим голые под одним плащом, пять месяцев делим пищу и кров, плечо к плечу сражаемся, считаемся первыми друзьями, а говорим друг другу "вы"! Как вам это покажется?!

Александр смущенно завозился под плащом.

- Я полагал, вы сочтете это фамильярностью, - вымолвил он. - Ведь вы, Лев...

- Ну, так вот: с сего знаменательного часа переходим на "ты", решительно объявил Мечников. - А возьмем Палермо, так закрепим наш брудершафт по-настоящему. Сейчас же изволь, брат, выбранить меня! потребовал он. - Да не стесняйся, не стесняйся, бранись хорошенько, как полагается, - прибавил он, заметив, что Александр как будто колеблется.

- Ты... мерзкий насмешник, циник, ироник... - начал Александр и вдруг с внезапным порывом чмокнул Льва в щеку. - Знаешь, я очень горд и рад, что ты называешь меня другом! - закончил он.

- Ну спасибо, - тихонько сказал очень довольный Лев. - Знаешь, хотя ты и бранишь меня циником, а я верю в людей и верю в нашу дружбу. - Ему, видимо, хотелось вернуться к давешнему разговору. - Да, ты мне еще не сказал, случалось ли тебе играть в путешествия.

Александр покачал головой, и теплые капли с его волос упали на лицо Мечникова.

- Нет, Левушка, не приходилось, - сказал он каким-то тусклым голосом. - Ведь у меня, по правде говоря, и детства-то не было. - Он чуть помолчал. - Ведь вы, наверное, знаете...

- Знаешь, - тотчас же поправил его Лев.

- Что? Ах да, ведь мы же теперь на "ты", - спохватился Александр. Он под плащом пожал руку Льва горячей рукой. - Какой же ты хороший, Левушка! Ведь за мою жизнь по-настоящему ласкова со мной была одна только няня Василиса, а гуманен - мой гувернер-швейцарец. Матери своей я не помню, а отец...

Лев почувствовал, как при слове "отец" плечи Александра дрогнули, будто его зазнобило.

- Ну полно, полно, брось, забудь, - поспешно заговорил он. - И бога ради, прости меня за мои никчемные воспоминания. Сам не знаю, почему вдруг такой стих нашел.

- И прекрасно, и отлично, что нашел! - пылко возразил Александр. - Я вот тоже недавно вспоминал, как мы с тобой познакомились в Новый год у Дреминых на Васильевском. Помнишь?

- Неужто это было только в Новый год?! - искрение удивился

Мечников. - Подумать только! Всего пять месяцев с небольшим прошло, а кажется - протекли годы... Петербург, снег, студенты - как давно все это было! Ты скучаешь по России? - неожиданно спросил он.

- Не скучаю, это не то слово, - отвечал Александр. - Я раньше не понимал, когда говорили, что у кого-то тоска по родине. А теперь иногда, как вспомню нашу псковскую деревню, запах скошенных лугов или как я катался зимой на коньках на пруду, так прямо сердце замрет... А вот есть же такие люди, как этот Датто, - задумчиво продолжал Александр. Изменник. Предатель. Что может быть страшнее! И какая страшная должна быть жизнь у такого человека, - сказал он, снова зябко подрагивая.

- Он плохо кончит, я уверен, - отозвался Мечников. - Ах, Саша, как мне хочется записать все, что было с нами в этой экспедиции! И про Датто и про наших друзей...

- Ну разумеется, ты непременно должен записывать все-все! - подхватил Александр. - Ты только представь себе: вот будущий историк берется написать о Гарибальди, о его походах, и вдруг находка - записки очевидца! И не просто очевидца, а очевидца просвещенного, умного, одаренного многими талантами...

- Ну, уж ты выдумашь! - пробормотал донельзя польщенный Мечников.

- Нет, нет, я правду говорю, - настаивал Александр. - А как такие записки пригодятся нашим, в России, ты только подумай! - Он вдруг остановился, схватил друга за руку. - Послушай, а может, пока мы здесь воюем, там, у нас, уже освободили крестьян и наступила новая жизнь? - Он с трепетом ждал ответа Мечникова.

Лев покачал головой:

- Вряд ли. Мы слышали бы об этом. Ведь Гарибальди получает депеши, он непременно сказал бы нам. Ведь он всегда интересуется тем, что делается в России.

Александр понурился.

- Да, да, я и не подумал об этом... Ах, как мечтается иногда об этой новой жизни! Наверное, мой гувернер месье Эвиан был прав, когда говорил, что я всю жизнь буду стремиться к недостижимому. - Он вздохнул. - А помнишь, Левушка, как ты иронически осматривал меня, когда у Дреминых я выскочил и предложил себя в товарищи? Ты тогда не верил, что я могу быть тебе хорошим, настоящим товарищем? Ведь правда, не верил?

- Нет, я сразу, как только ты мне руку протянул, поверил в тебя, проникновенно отвечал Лев. - А ты не жалеешь, что поехал со мной, с

таким авантюрным бродягой?

Вместо ответа Александр только крепче сжал пальцы Мечникова.

- Можно мне спросить у тебя одну вещь? Ты не обидишься?

- Я на тебя никогда и ни за что не обижусь, - тихо отозвался Лев.

- Тогда скажи мне: Наташа Осмоловская любит тебя? Впрочем, нет, нет, это я глупо спросил, - опять перебил себя Александр. - Даже слепой увидел бы, что она тебя любит. Но ведь ты-то ее не любишь?

- Нет, не люблю, - твердо отвечал Мечников.

На минуту под плащом все затихло.

- Бедная, бедная Наташа! - наконец чуть слышно пробормотал Александр.

И такую печаль услышал Мечников в этих словах, что понял: это себя самого пожалел Александр.

Он спросил осторожно:

- Ты... еще не остыл? Еще помнишь? Думаешь?

Александр встрепенулся.

- Как, значит, ты знал? - Он весь запылал. - Неужто ты полагаешь, что я могу когда-нибудь забыть, остынуть?! Это уж до самой смерти. А может, и после смерти я буду любить ее. - И такой веры, такой глубокой серьезности были исполнены эти слова, что Лев не решился даже улыбнуться.

- Она, верно, приедет сюда, когда мы возьмем Палермо, - лихорадочно продолжал Александр. - Она как-то обмолвилась, что мечтает повидать свободную Сицилию, если Гарибальди победит. И знаешь, о чем я иногда думаю? - спросил он вдруг.

- О чем?

- Я думаю, что должен совершить что-то в ее честь. Что-нибудь очень трудное. Такое, что требует большой смелости, силы, выдержки. Чтоб стать достойным встречи с нею.

Мечников про себя умилился и поразился горячему порыву друга.

- О, да ты из породы рыцарей, - сказал он чуть насмешливо, чтоб охладить Александра. - Подвиги в честь прекрасной дамы?

- Нет, Левушка, ты меня не собьешь, и ты, пожалуйста, пожалуйста, не смейся! - все так же серьезно сказал Александр. - Я здесь потому, что хочу свободы для Италии. Для этой же свободы трудилась, рисковала собой и моя, как ты говоришь, "прекрасная дама". И мне не хочется отстать от нее.

- Прости меня, друг мой, я не хотел тебя высмеять. Даю тебе честное слово, - смиренно сказал Лев. - Но ты знаешь меня и мой язык: никогда не могу утерпеть, чтоб не поддразнить тебя немножко.

- Я не... - начал было Александр, но в это мгновение чья-то рука приоткрыла край плаща у самой его головы и голос Пучеглаза прокричал:

- Эй, синьоры, заснули вы там, под своим плащом, что ли? Натяните ваше платье, все уже просохло. Можете одеваться.

С большой неохотой вылезли оба друга из-под плаща. Им жаль было расстаться с плащом не потому, что он хранил их тепло и служил защитой от дождя, а потому, что под ним впервые заговорили они, как близкие друзья, поверили друг другу нечто важное и сокровенное. У Александра было такое чувство, словно он побывал в палатке мечниковского детства. Вместе с Левушкой он путешествовал, охотился в девственном лесу, и ласковые руки матери Мечникова подкладывали им обоим лакомые кусочки.

Они молча оделись, изредка переглядываясь, как заговорщики, и улыбаясь чему-то, что еще грело их изнутри. Лев Мечников с удивлением ощущал в себе огромную нежность к Александру. Как мил и дорог стал ему этот тонкий, смуглый мальчик с сильными руками и плечами мужчины. "Совсем как брат мне... Нет, дороже, гораздо дороже", - думал он, а сам уже суеверно страшился, что может потерять этого едва обретенного брата.

Между тем Пучеглаз, который успел уже обегать все отряды, вернулся обеспокоенный и принялся настойчиво выспрашивать офицеров, куда они девали своего денщика Луку Скабиони. Повсюду на равнине пылали костры, повсюду у костров толпились и обсушивались люди, но Луки среди них не было.

- Да почему я знаю, где пропадает этот негодный мальчишка! рассердился наконец Лев Мечников. - Едва мы расположимся бивуаком, как его и след простыл! Вот и сегодня: не успели прийти сюда, на плато, как он с собакой куда-то удрал. И мешок мой с собой унес. Воображаю, на что стали похожи мои вещи и книги под таким дождем! А может, Лука их вообще потерял. С такого станется!

- Ну, пускай только вернется, уж я ему намылю голову! - пригрозил Лоренцо. - Подумать только: со вчерашнего утра у мальчишки корки хлеба во рту не было, а он где-то бродит со своим лохматым! И что с ним случилось, понять не могу!

- Это все твоя медаль виновата, Лоренцо, - подал голос Александр. Лука вбил себе в голову, что должен во что бы то ни стало тоже получить награду. Вот он и старается найти для себя геройское дело.

- Гм!.. Я тоже знаю кое-кого, кто мечтает о подвиге, - пробормотал себе под нос Мечников, однако так, чтобы услышал один только Александр.

Тот живо обернулся, хотел что-то сказать, но его цепко схватили за

рукав, что-то завертелось у его ног, и Лука с Ирсуто, оба тощие, мокрые и возбужденные, появились перед ним.

- Синьор уффициале! Синьор Алессандро, послушайте, что я вам скажу, зашептал Лука в самое ухо Александра, в то время как Ирсуто отряхивался и пристраивался к костру. - Вы только не браните меня, а я вам все расскажу... Я видел нынче одного человека из Алькамо, и я все узнал... Лука дрожал не то от холода, не то от возбуждения. - Человек этот еще в Алькамо заметил левшу. Говорит, нос и глаза, как у ястреба, и лошадь седлал левой рукой. Ну все-все сходится, и это непременно он, Датто... С ним были еще бурбонцы, и они вместе удрали из Алькамо на лошадях. Человек этот слышал, как они сговаривались ехать прямо в Палермо.

- Погоди, - перебил его Александр. - Расскажи все это синьору Леоне и Пучеглазу. Пускай и они тебя послушают.

- Нет, нет, не зовите их, я боюсь, они будут бранить меня за то, что ушел без спросу, - пугливо озираясь на Мечникова, продолжал шептать Лука. - Теперь мы уж непременно найдем левшу, не будь я Лука Скабиони. Клянусь мадонной, если только мы возьмем Палермо, я его в земле отыщу! Найду и сам приведу его генералу Галубардо. "Вот вам, скажу, самый главный изменник!"

Мечников, который давно уже издали прислушивался и приглядывался с любопытством к маленькому денщику, подошел ближе. Лука выглядел больным: исхудалое лицо, горячечные глаза. Вдобавок его великолепный наряд превратился в насквозь мокрые лохмотья, а от лаковых ботинок остались одни опорки, которые чудом держались на ногах.

- Ага, явился-таки, красавчик! - вырос перед ним грозный Пучеглаз. Ну-ка, рагаццо, пойдем со мной, поговорим по душам! Сначала я, так и быть, покормлю тебя и твоего лохмача. Я всегда был благочестивым католиком и не хочу морить голодом даже таких паршивых щенят, как ты и он. Но уж потом я с тобой за все разочтусь!.. Нет, видно, никогда тебе не научиться воинской дисциплине! Придется отправить тебя домой, в Романью!

Последняя угроза была страшнее всего. Лука вскрикнул от ужаса и, кажется, готов был зареветь. Но тут разом вступились оба русских.

- Не брани его, Лоренцо, - сказал Мечников останавливая руку Пучеглаза, уже занесенную для оплеухи. - И, уж конечно, не бей! Ты же сам распекал его за то, что давеча, в пещере, он упустил Датто. Ну, так теперь он отправился снова отыскивать след левши.

- И нашел его, - добавил Александр. - Так что спрячь свой кулак в карман, Лоренцо.

Пучеглаз вытаращил свои и без того выпуклые глаза.

- След левши, то есть Датто?! Да ведь он давно, с самого Калатафими, удрал! Его теперь и с собаками не сыщешь!

- А мальчик с собакой сыскал, - засмеялся Мечников. - Ну-ка, Лука, расскажи синьору Лоренцо, что ты узнал.

Маленький денщик, успокоенный заступничеством своих офицеров, повторил то, что ему удалось услышать от жителя Алькамо.

- Так он удрал в Палермо?! Эх, скорее бы нам очутиться там! вырвалось у Пучеглаза, когда Лука окончил свой рассказ.

- Скорее бы в Палермо! - мечтательно повторил Александр.

- Скорее бы в Палермо! - отозвались гарибальдийцы у ближайшего костра.

37. ДРУЗЬЯ РАССТАЮТСЯ

Толстые тучи зацепились за скалистые отроги гор и не желали с них слезать. Казалось, будто сверкание молний их раздражает. Тучи начинали глухо ворчать, эхо разносило и усиливало это ворчание, и все небо раздражалось бранью и бешено плевалось от злости. Потом брань и воркотня стихали, зато начинал явственнее слышаться глухой, однообразный перестук дождевых капель.

Вторые сутки ни на минуту не прекращался дождь. Вторые сутки люди Гарибальди месили глину, скользили на скалистых уступах, спотыкались о мокрые камни и все время ощущали под одеждой холодные струи. Близ Ренне они столкнулись с бурбонскими разведывательными отрядами. Тотчас же с обеих сторон поднялась беспорядочная и, в общем, довольно безобидная пальба. По-видимому, королевские отряды не получили приказа, как действовать в случае встречи с противником, и потому, постреляв для приличия, удалились.

Волонтеры теперь держали под своим контролем дороги Партинико и Сан-Джузеппе. Позиция эта была тактически удачной, и, если бы королевские войска напали на гарибальдийцев именно здесь, они оказались бы в невыгодном положении. Однако Гарибальди искал еще лучшего расположения. Он посоветовался со своими командирами и решил, что дорога Корлеона - Палермо еще выгоднее в военном отношении. Там можно было легко маневрировать, а главное - к этой дороге подтягивались многочисленные отряды повстанцев, которые действовали в окрестностях Палермо.

Когда на равнину спустилась ночь и мглистое небо окончательно слилось с землей, Гарибальди повел своих людей на корлеонскую дорогу.

К дождю прибавился туман. И без того почти непроходимое ущелье

закрылось плотной серо-белой завесой. Много часов длился этот тяжелейший переход через ущелье. Бойцы выбились из сил, и даже никогда не унывающий Пучеглаз не удержался и сказал что-то о самом трудном в его жизни походе.

Разумеется, пушки застряли где-то в пути, и с ними остались артиллеристы, которые на себе вытаскивали их из засасывающей грязи. Однако дождь, а главное, туман сослужили гарибальдийцам отличную службу: неприятель узнал о переходе волонтеров, только когда они уже находились в городе Парко.

Головная колонна гарибальдийцев вступила в Парко, когда совсем рассвело. В колонне шли пехотинцы и ехали несколько верховых, в том числе наши друзья. Пушки должны были прибыть позже, но для них нужны укрепления, и Гарибальди сам отправился осматривать все подходящие для установки орудий пункты.

Позиции в Парко были удобны для обороны, однако Гарибальди видел, что неприятель может воспользоваться окружающими горами, обойти его и напасть совершенно неожиданно. Между тем надо было торопиться. Розалино Пило, вождь сицилийских патриотов, уже влился со своим отрядом пиччиотти в гарибальдийское войско. Кроме того, под Палермо находились еще разрозненные партизанские группы, которые надо было собрать и присоединить к "тысяче". Революционный комитет в Палермо также ожидал от Гарибальди сигнала к действию.

Сиртори приехал в старые казармы Парко, в которых временно расположился седьмой отряд. Был час обеда, и люди, за неимением лучшего, закусывали хлебом и сыром. Впрочем, Пучеглаз, как всегда, ухитрился разыскать в городке вдову одного из бесчисленных своих кумовьев, и та снабдила его куском мяса и даже флягой вина, которыми он и делился с Александром и Монти. Дождь прекратился, и все трое устроились на просохших каменных плитах обширного двора. Мечникова с ними не было - он отправился в сопровождении Луки и его Ирсуто побродить по живописному городку: ему хотелось сделать несколько зарисовок в альбом, а если случится, зайти в тратторию и промыслить чего-нибудь съестного для себя и для друзей.

Сойдя с коня во дворе казармы, Сиртори тотчас увидел своими зоркими маленькими глазками всю компанию. Пучеглаз был известен ему еще в Комо, и его же награждал он медалью за бурбонского "языка".

Лоренцо тоже заметил полковника и почтительно поднялся ему навстречу.

- Тебя-то мне и надо, - отрывисто сказал ему Сиртори. - Ты ведь

старый, опытный боец. Хочешь заработать еще одну медаль и сделать большое дело для Италии?

- Еще бы! Кто бы от этого отказался! - отвечал, подмигивая, Пучеглаз.
- А что для этого нужно?

Сиртори отвел его в сторону:

- Нужно пробраться в Палермо и передать письмо генерала адвокату Франческо Мерлино.

- Ага, понимаю. Это тому, что руководит всеми повстанцами в Палермо? - спросил Лоренцо.

Сиртори с удивлением уставился на него.

- Ну и проныра! Все-то он пронюхает, этот Пучеглаз!

- Синьору полковнику известно мое прозвище? - обрадовался Лоренцо.
А я-то думал, что его никто, кроме наших ребят, не знает! Пусть синьор полковник не удивляется, что мне известны разные вещи. Я ведь здешний, мне половина жителей либо кумовья, либо родня. Вот и я соображаю, что к чему.

- Значит, соображаешь, что Мерлино должен в нужный час поднять своих людей и помочь нам? - сказал уже совсем доверительно Сиртори. - Подбери себе пару товарищей, лучше тоже каких-нибудь местных, из ремесленников. Мы дадим вам подходящее платье и бумаги, что вы идете, скажем, строить дом какому-нибудь палермскому купцу.

- Флоридо Матеучи собирался строить дом, когда я был здесь в последний раз, - подсказал Пучеглаз.

- Отлично. Впишем в бумаги твоего Матеучи, - согласился Сиртори. - А кого ты возьмешь в товарищи?

- В товарищи? - Пучеглаз подумал, оглянулся. - Вон там сидят мои друзья, синьор полковник, все хорошие люди. Один вон, бородатый, - это Монти Марко. Он тоже сицилиец, как и я. Вот его бы я взял. Можно мне поговорить с ним?

- А ручаешься за него? - спросил Сиртори.

- Как за самого себя, - твердо отвечал Пучеглаз.

- Тогда скажи ему, - позволил полковник.

Пучеглаз подошел к Монти и принялся ему что-то шептать. Александр, который давно наблюдал за его беседой с полковником Сиртори, беспокойно поднялся.

- Что там такое, Лоренцо? - спросил он. - Что случилось?

- Сейчас, сейчас, - повернулся к нему Пучеглаз. - Ну, так как же. Марко, идешь или нет? - обратился он к Монти.

- Иду, конечно! - отвечал тот.

Александр увидел, как вспыхнуло его лицо, какой радостью заблестели глаза. Он догадался.

- Вы куда-то отправляетесь, Лоренцо? - спросил он, и голос его задрожал. - Вдвоем? Без меня?

- Сейчас, сейчас, - заторопился Пучеглаз. - Одну минутку, синьор Алессандро.

Он подбежал к Сиртори:

- Монти согласен идти. Но есть тут одна загвоздка, синьор полковник. Нас тут пятеро друзей. И мы, как начали вместе наш поход, так не расстаемся. Нельзя ли нам идти всем вместе?

- Пятеро - это слишком много, - покачал головой Сиртори. - Самое большое - трое. Иначе все дело провалится. А кого еще ты хотел бы взять?

- А вон того, молодого, - отвечал Пучеглаз, указывая на Александра. Правда, он новичок, но очень смелый. Помните, синьор полковник, это он у Калатафими взобрался на батарею и сшиб офицера-бурбонца.

- Как же, помню, - сказал Сиртори, приглядываясь к Есипову.

Он подозвал его к себе.

- Кажется, русский студент? - обратился он к Александру. - Предстоит опасная вылазка в расположение неприятеля. Короче говоря, надо пробраться в Палермо и передать там нашим людям поручение генерала. Вот он, - Сиртори показал на Пучеглаза, - хлопчет за тебя. Хочешь идти третьим?

Александр радостно вспыхнул, так же как Монти. "Вот оно, то большое дело, о котором я столько мечтал! И в Палермо!" Он с минуту молчал и только с восторгом смотрел на полковника.

- Так согласен? - снова спросил тот, хотя был уверен в ответе - такое красноречивое лицо было у юноши.

- Согласен, разумеется, согласен! - выговорил наконец Александр. Только... - Он замялся. - Синьор полковник, мой друг, капитан Мечников, тоже, наверное, захочет участвовать в этом деле. Нельзя ли взять и его? Он сейчас должен вернуться сюда, и я просил бы вас...

- Капитан Мечников получает другое задание от генерала, - сказал Сиртори. - Когда я был у Гарибальди, он при мне распорядился вызвать твоего друга.

- Другое задание? - растерянно повторил Александр. - Значит, мы не будем вместе?

Что-то в его голосе тронуло сурового аскета Сиртори.

- Тогда, может, ты тоже останешься? Не пойдешь в Палермо? - спросил он. - Мы легко найдем на твое место охотников.

- О нет, нет, что вы, что вы! - испугался Александр. - Я пойду! Я непременно пойду с ними, - кивнул он на Пучеглаза и Монти. - Они ведь тоже мои друзья.

- Тогда через два часа приходите все трое, я дам вам бумаги и одежду, - сказал Сиртори.

Пучеглаз подвел ему коня, Сиртори вскочил в седло и ускакал - прямой, бледный, решительный священник-солдат.

Пока во дворе казармы шел весь этот разговор, Мечников, пристроив с помощью Луки походный этюдник, рисовал у маленького фонтанчика двух абруцких девушек. Девушки конфузились, кокетливо прикрывались черными шальями, задирали Луку и его лохматого Ирсуто, и все было мирным и безмятежным в этом уголке зеленого городка до той минуты, пока не прибежал от Биксио запыхавшийся посланный.

- Синьор уффициале, вас требует генерал!

Лука, на ходу складывая этюдник, побежал с Ирсуто за Мечниковым, который шагал буквально семимильными шагами. В штабном домике, куда их привел посланный, оказался не Гарибальди, а Биксио. Он тотчас принял Мечникова.

- Генералу известно, что у Комо вы участвовали в строительстве укреплений, - сказал он Льву. - У нас очень мало людей, знакомых с этим делом. Генерал надеется на вас. Вы показали себя большим другом Италии и храбро дрались за нее. Мы дадим вам абруцких крестьян. Надо срочно построить несколько брустверов, рвов, баррикад. Займитесь этим тотчас. Все нужные указания вам дадут. - Тут он заметил Луку, который примостился с Ирсуто прямо на полу и не сводил с него глаз.

- Это ваш ординанца? Держите его при себе. Он может пригодиться для связи. Там, где не пройдет иной раз взрослый, пройдет мальчишка. Обстановка усложняется, предупреждаю вас.

Мечников прямо из штаба отправился в казарму седьмого отряда. У него была еще смутная надежда забрать с собой Александра, Пучеглаза и Монти. Но, придя в казарму, он узнал, что трое друзей куда-то спешно отправились по приказу полковника Сиртори, что сам полковник был здесь и долго с ними разговаривал. Льву стало не по себе. Безотчетная тревога не давала ему ни на чем сосредоточиться. А тут еще Лука то и дело приставал к нему с вопросами.

- А синьор Алессандро поедет с нами? А Ирсуто мы возьмем? А мы скоро отправимся? А далеко это? А бурбонцы на нас там не нападут?

Наконец раздраженный Мечников велел ему замолчать. Вдруг Лука закричал:

- А вот и наши возвращаются!

В самом деле, во двор казармы входили трое друзей. У каждого под мышкой был большой сверток с полной одеждой местных ремесленников: беретом, длинной блузой и бархатными штанами. Все трое были возбуждены и страшно торопились: приказано было выйти из города непременно днем и вполне открыто.

Александр, увидев Мечникова, бросился к нему:

- Левушка, мы отправляемся, и знаешь куда - в Палермо! - Он наскоро рассказал, зачем они идут в столицу Сицилии. - Мы хотели, чтоб и ты и Лука шли с нами, но Сиртори сказал, что Гарибальди уже поручил тебе другое дело. Это правда?

- Правда, - сказал Лев, хмурясь. - Иду строить укрепления, хотя, честно говоря, мало что в этом смысле. Но если Гарибальди говорит, что это нужно... Послушай, - перебил он сам себя, - неужто ты не пойдешь со мной? Ведь стоит только сказать Сиртори.

- Да нет же, Левушка, как ты не понимаешь, ведь я иду в Палермо, опять принялся объяснять Александр, не замечая, как это сердит Мечникова. - Мы же ненадолго разлучаемся. Увидимся в Палермо. И ты непременно должен в это время записывать все-все, что случится с тобой и вокруг тебя, чтобы я после мог прочитать. И про меня напиши, как мы сидели под плащом, - улыбнулся Александр. - Будешь писать свои записки? Обещаешь?

Лев чувствовал и досаду, и странное стеснение в сердце.

- Писать записки буду, но о тебе нарочно не скажу ни слова, - сказал он, и Есипов не понял, говорит он шутя или серьезно.

А Лев смотрел на радостного, розового от волнения мальчика, который стал ему братом, и где-то глубоко внутри шевелилась беспокойная мысль: "Не надо бы нам расставаться. Не было бы худа".

38. НА УКРЕПЛЕНИЯХ

(Из записок Льва Мечникова)

Едва садилось солнце, я брал с собою по несколько человек абруццев с лопатами и топорами, и мы отправлялись в сторону от шоссе разыскивать все бывшие там проселочные дороги, и те из них, по которым можно было бы провезти пушки или пройти конным отрядам, мы перерезывали рвами, ставили там рогатки и всякого рода баррикады. Часто нам приходилось забираться очень близко к неприятельским аванпостам. Иногда мы даже слышали разговоры в бурбонском лагере, и разговоры почти всегда происходили на немецком языке. Поросшая густым кустарником местность благоприятствовала нам, а благодаря неисправности аванпостной службы в

королевском войске мы были вне всякой опасности. Три или четыре дня кряду продолжались наши вечерние экскурсии. Мы изрезали все дороги и тропинки. Возвращаясь, я вздумал забраться несколько в чащу, в сторону от дороги. Я шел со всевозможною осторожностью, медленно ступая и держа саблю под мышкой. Работники, притаив дыхание, пробирались за мною. Вдруг раздалось несколько выстрелов, и пули прожужжали над нашими головами. Испуганные абруццы согнулись в три погибели и повернули назад с намерением выбраться на дорогу. Они, конечно, поступили очень нерасчетливо. За нами могла быть погоня, а в кустах спрятаться было несравненно легче, нежели на ровной дороге, убежать же от конной погони нечего было и надеяться. Уговаривать их и объяснять им все это было некогда, а одному оставаться было слишком невыгодно, и я отправился вслед за ними. Они бежали так быстро, что угнаться за ними я не мог. Погони, однако, никакой не оказалось, но, едва мы прошли или, правильнее, пробежали несколько шагов, снова раздалась выстрелы, и несколько пуль впереди нас взбороздили землю почти у нас под ногами. Очевидно, невдалеке был поставлен пикет, состоявший, насколько можно было судить по выстрелам, из пяти или шести человек. Если б их было больше, они непременно вышли бы помешать нам работать. Сообразив все это, я увидел, что опасности особенной не было, и старался объяснить это работникам, которые при выстрелах повалились все на землю. "Странное это дело, подумаешь, - проговорил, вставая, несколько сконфуженный бритый детина лет тридцати с плутовской физиономией. - Ведь летит она, проклятая, словно жук или комар какой, а ведь так сердце и ёкнет, как услышишь этот мерзкий визг".

Бурбонцы не сочли нужным беспокоить наше дальнейшее путешествие. После нескольких минут скорой ходьбы мы выбрались наконец на большую дорогу. Тут нашими стараниями была воздвигнута баррикада, которая служила нам самым передовым пунктом.

Баррикада была сооружена из материала, какой попадался под руку.

Я хотел воспользоваться оставшимся свободным временем и распорядился немедленно об окончании баррикады. Работники, довольные счастливым исходом нашего последнего предприятия, весело принялись за дело, припевая свои народные горные напевы. Сицилийский полковник Коррао сидел на барабане. Возле него живописной группой расположились несколько солдат и офицеров его батальона и вели оживленный разговор.

Я присоединился к ним. В стороне солдаты лежали на солнце у сложенных в кучки ружей. Гремели пушки. Их сухой, отрывочный гул раздавался странным диссонансом среди местности, которая казалась

созданною для сцен иного рода. Молодой медик с черною бородкой живописно стоял, опершись на щегольской карабин. Новая красная рубашка с широкими складками облегла его могучую грудь и плечи. В выговоре легко было узнать венецианца. Он с жаром рассказывал о своем побеге из Виченцы, где его принуждали вступить медиком в австрийское войско. Каждое его слово дышало пылкостью молодости.

Внезапно из города приехали две извозчичьи коляски, остановились невдалеке, и из них вышли несколько человек в красных рубашках. "Да здравствует генерал!" - раздалось повсюду, и не было никакой возможности удержать работников на местах. Гарибальди шел впереди группы офицеров. Он был в своем обыкновенном костюме. Полинявшая красная рубаха, узкие серые панталоны раструбом книзу и худые нечищенные сапоги. Венгерская черная шапочка была надвинута на самые брови.

Видно было, что он не в духе. Голова была опущена на грудь, и брови нахмурены. Он подошел к начатым работам, влез на парапет, посмотрел во все стороны и молча пошел дальше. Работники кидали шапки вверх и восторженно кричали: "Вива!" Он, казалось, ничего не слышал. Вдруг, откуда ни возьмись, дон Доменико, руководитель абруццев, бежит вприпрыжку, застегивая сюртук. Он догнал Гарибальди, забежал вперед, стал на одно колено и, поймав его правую руку, поцеловал ее в экстазе. "Io baccio quella destra, - сказал он торжественно, - che porto il glorioso alloro di liberta nel mio paese". ("Я целую десницу, принесшую славный лавр свободы в мое отечество".) Абруццы неистово рукоплескали и кричали: "Вива!" Гарибальди, кажется, было очень неловко: он скорыми шагами пошел вперед и ловко вскарабкался на крутой холм. "Генерал очень озабочен сегодня", сказал мне один из сопутствовавших ему офицеров и поспешил вдогонку за ним.

- Досадно, что я не взял с собою своего сынишку. Кто знает, придется ли ему увидеть этого удивительного человека, - сказал дон Доменико, утирая рукавом свои глаза.

* * *

Вот и еще одно происшествие. По дороге пробирались две фигуры, вида которых нельзя было различить. Несколько солдат с заряженными ружьями выбежали вперед.

- Ricciotto! - флегматически заметил Коррао. - Не пожалей глотки, закричи им, чтоб прямо шли сюда.

- Ну, а как они в сторону - да тягу? - возразил толстый часовой с отвисшими рукавами рубахи, что еще больше придавало ему вид пухляка, которого и без того напоминала вся его фигура.

- А если они в сторону - да тягу, - повторил полковник, - то пошли им на дорогу по золотнику свинца на брата и увидишь, что они недалеко уйдут с этой ношею.

Шедшие приостановились. Один из них упал на колени. Солдаты прицелились в них и махали им, чтоб они шли вперед, те, однако, не двигались с места.

- Gigillo! Малый! - крикнул полковник своему денщику. - Возьми моего жеребца да лети во всю прыть и приведи сюда этих двух животных. Sara qualche spia. Верно, шпион, - прибавил он, обратясь к нам.

Прохожих привели. Один - худой, загорелый, в одежде мужика, другой мальчик лет восемнадцати, одетый по-городскому, с полным лицом, бледным от страха. Его черные волосы были сильно припомажены и щегольски причесаны, с английским пробором на затылке. Оба дрожали от страха и судорожно повторяли: "Viva l'Italia... Siamo tutti fratelli... Nonci fatte danno..." "Да здравствует Италия... Мы все братья... Не делайте нам зла..."

- Зла вам никто делать не намерен, - грозно сказал им Коррао. - А вы рассказывайте, что вы тут таскаетесь? Да, чур, не лгать, а то добра не будет!

Мальчик приободрился первый. Он рассказал, что у него семейство в Капуе, что несколько дней назад, сильно опасаясь за участь своих родных, он решился отправиться в осаждаемый город. Через наши аванпосты он прошел благополучно и обратился к генералу, командовавшему неприятельской передовой линией. Там ему выдали позволение отправиться в город. Но едва он явился, его схватили, начали издеваться над ним, били и потащили в каземат, грозя расстрелять его на следующий день как изменника и шпиона. В каземате продержали его двое суток без пищи и наконец сегодня выпустили его оттуда, вывели за передовую линию и прогнали.

Контадин (крестьянин) сказал, что он из одной близкой деревни, что сын его отправился с возами, и, не имея с тех пор ни о нем, ни о возах никаких известий, он отправился сам на розыски, что он пробрался чащей и проселками, не встречая нигде бурбонских солдат, и вблизи нашей баррикады вышел на дорогу, где и встретил теперешнего своего товарища. До этого он никогда его не встречал и даже еще не успел перемолвиться с ним ни словом.

Приступили к обыску. У контадина нашли письменное дозволение перейти через бурбонскую линию, теперь и обратно, кошелек с медными деньгами и образ мадонны в оправе из фольги. Коррао собственноручно снял оправу с образца и, обшарив его весь, не нашел ни клочка бумаги и

ничего компрометирующего. "Клянись на этой мадонне, что ты сказал чистую правду!" - сказал он ему. Контадин молчал и дрожал. Его долго уговаривали, и наконец он дрожащим голосом объявил, что прокрался не проселками, а прошел через аванпосты, на что выхлопотал разрешение у бурбонского генерала. Он прибавил, что утаил это, боясь, что его расстреляют, но что остальное чистая правда и в том он клянется мадонной и святым Януарием. Он прибавил еще, что в неприятельском лагере, выдавая ему разрешение, вместе с тем приказывали непременно возвратиться, как только он окончит свое дело.

У мальчика найдено было несколько записных книжек и других карманных вещей, кошелек с несколькими золотыми и в бумажнике тоже разрешение возвратиться, явно противоречившее всему им сказанному. Кроме того, нашлось несколько лоскутков бумаги, вырезанных в виде кругов и разрезанных потом на части.

- Это очень похоже на условные знаки, - сказал полковник, пристально глядя ему в глаза.

Юноша смутился и побледнел. Оправившись несколько, он сказал, что один знакомый просил передать это аптекарю, чтоб тот выслал ему лекарство, от которого у него не сохранилось рецепта, но которое заключалось в коробочке, обложенной этими лоскутками бумаги. Все это могло быть правдой, хотя очень походило на ложь. В показаниях юноши встречалось много противоречий, но эти противоречия, могшие подать повод к подозрению, ни в коем случае не позволяли заключать о виновности.

- Ну что прикажете делать с такими господами? - обратился ко мне Коррао.

- Тот еще, пожалуй, и нет, - сказал я, указывая на контадина, - а за этого поручусь, что шпион.

- Отправьте их в штаб. Я сегодня буду там и сообщу полковнику Порчелли результаты наших допросов. Много их тут шатается! По-моему, этого молодчика взять да и расстрелять тут же. Время военное. А вот Гарибальди не такого мнения и ни за что на это не решится. Ему прежде расспроси да докажи виновность, да и потом велит в тюрьму запрятать. А они этому и рады. вспомните, как переодетые полициоти на нас из окон смолу и масло горячее лили. Взяли их больше тридцати человек, всех бы подряд расстрелял, да и баста, так и то не велено.

- Русская императрица Екатерина Вторая говорила, что лучше простить десять виноватых, нежели наказать одного правого.

- Я с этим не согласен. Правого, конечно, наказывать не следует, а

виноватого не простил бы ни за что.

39. ЧТО ТАКОЕ ГАРИБАЛЬДИЙЦЫ

(Продолжение записок Мечникова)

Тысяча большею частью молодых людей, слепо доверившихся своему вождю, начали трудное и опасное предприятие. Они не имели никаких форменных отличий, ни знамени, ни правильной организации и дисциплины. Гарибальди и общая всем любовь к независимости Италии были единственною связью между ними.

В гарибальдийском войске никогда не было полных и правильных списков. Вообще не было никакого принудительного средства удерживать солдат на их местах. Про офицеров и говорить нечего: каждый был где хотел, и некоторые роты в самые решительные и трудные минуты и в глаза не видывали своих предводителей. В огонь шел тот, кто хотел, но те, которые уже пошли, стояли крепко.

Тут были люди всех наций, всех сословий. Я несколько раз, обходя аванпосты, видел негра, не говорившего вовсе по-итальянски, но с большим успехом исполнявшего должность сержанта. Юноши самых знаменитых и богатых итальянских фамилий служили наравне с романьольскими пастухами, и всякий только личным своим достоинством был обязан повышением и отличиями. Старых воинов было очень незначительное число: в роте едва можно было найти до двадцати человек с усами и с бородой, остальные все были юноши, часто не старше четырнадцати лет, а многие на вид казались двенадцатилетними детьми. И эти-то больше всего отличались в минуту опасности.

Первое время все служили почти без жалованья и постоянно нуждались в необходимом. Несмотря на отсутствие правильного устройства и строгой дисциплины, окрестные жители никогда не жаловались на угнетения и на неизбежные в подобных случаях грабежи. Гарибальди в этом отношении шутить не любил: во время кампании 1859 года он приказал расстрелять солдата, укравшего какие-то пустяки у одного из окрестных контадинов (крестьян). Солдаты знали характер своего вождя и нередко терпели голод и нужду, но ни разу не поживились курицей за счет мирных жителей.

* * *

Немолодой офицер маленького роста спросил меня:

- Вы ломбардец?

Я отвечал отрицательно.

- И не венецианец?

- Нет, даже не итальянец, - сказал я, чтоб избавить бедного старика от

труда пересчитывать все провинции Италии.

- Так вы венгерец, - заметил он уже вовсе не вопросительно.

- И то нет. Я славянин.

Если бы я сказал, что я троглодит, это бы меньше удивило офицера. Глаза его блестели в темноте и обегали меня с головы до ног.

- Да, велика и эта нация, - прибавил он после нескольких минут молчания.

40. ТРИ МАЛЯРА

Пучеглаз умел по-особому щелкать пальцами, точно кастаньетами. И вот он шел, чуть приплясывая, прищелкивая пальцами и напевая песенку, пойманную где-то на улицах Генуи:

Я кривой, и я косой,

Я урод, и я босой.

Но богатого синьора

Я богаче буду скоро,

Потому что Беатриче

Мне в любви призналась нынче.

Пучеглаз хотел во что бы то ни стало вызвать улыбку на лице Александра. С самого ухода из Парко, когда схлынула горячка сборов и лихорадочное оживление, в котором Александр находился с той минуты, когда его взяли в Палермо, он сделался мрачно-задумчив и молчаливо шагал за своими товарищами по горным тропинкам-"сокращалкам".

Тропинки прихотливо петляли. День был горячий, и удушающе пахла краска, которую все трое несли в ведерках, как самые настоящие маляры. Даже те, кто хорошо знал Александра Есипова, вряд ли узнали бы его сейчас в длинной рабочей блузе оливкового цвета, таких же бархатных штанах и черном сицилийском берете, сдвинутом на одно ухо. Из-под берета смотрело смуглое молодое лицо с темными глазами, которое вполне могло принадлежать природному итальянцу. Александр уже свободно говорил по-итальянски, а его сицилийский диалект приводил в восторг Пучеглаза и Марко Монти.

- Совсем наш стал! - восклицали они оба, когда Александр, чтоб пощеголять, говорил что-нибудь забористое и чисто местное.

Но сейчас Александру было не до шуточных песенок, и он, только чтоб сделать удовольствие Лоренцо, выдавил из себя улыбку. Его мучила разлука с Мечниковым и особенно то, как он легкомысленно, по-мальчишески отнесся к этой разлуке. Ведь с самого Петербурга они не расставались со Львом, и он постоянно чувствовал рядом друга. Здесь, на чужбине, Александр вполне оценил ум, веселую энергию, насмешливую

легкость, с которой Мечников относился ко всем невзгодам жизни, его доброту, его бережную и ненавязчивую дружбу. И вот теперь впервые за все время дружбы они врозь, и Лев, кажется, всерьез на него обиделся. Хоть и обнялись они на прощание, но глаза у Мечникова были какие-то сердитые. А может, не сердитые, а грустные? И какая-то суеверная тоска все глубже забирала Александра, и даже надежда увидеть в Палермо "Ангела-Воителя" сейчас не утешала его. Зачем, зачем они расстались с Левушкой?

Между тем тропиночки понемногу приближали трех путников к главной дороге на Палермо. Уже встретились им несколько прохожих, а однажды они наткнулись на патруль бурбонских солдат. К счастью, патруль расположился на отдых в тени старого оливкового дерева, и, видно, солдаты были расположены больше подремать да выпить винца из походной фляги, чем останавливать и осматривать трех безобидных на вид маляров. Бурбонцы только проводили их глазами, и каждый из трех маляров остро почувствовал на спине их взгляды. Отойдя от солдат на приличное расстояние, Пучеглаз остановил товарищей:

- Давайте-ка на всякий случай уговоримся, - сказал он. - Я - самый старший из вас, и это мне полковник Сиртори вручил письмо генерала. Так вот, если нас задержат, вы оба знать ничего не знаете, направляетесь в Палермо красить дом купца Матеучи. Если задержат меня и станут обыскивать, я постараюсь передать письмо кому-нибудь из вас, а вы уже доставите его по адресу. Не удастся это - просто-напросто проглочу письмо. Мне это уже случалось делать, когда меня заставляли с воззваниями Галубардо. Невкусно, правда, но вытерпеть можно... - Пучеглаз засмеялся. Потом, снова став серьезным: - Но я хочу предложить вам вот что: пусть каждый на всякий случай выучит адрес Мерлино и письмо наизусть. Этак будет вернее. Кто-нибудь из нас уцелеет же! А если уцелеет, то проберется к Мерлино и расскажет ему все письмо.

И вот, усевшись так же, как солдаты патруля, под раскидистым старым деревом, трое друзей принялись заучивать наизусть письмо Гарибальди и адрес: в собственном розовом доме, на набережной. Это было нетрудно. Письмо оказалось коротким и содержало просьбу при первом известии о приближении гарибальдийского войска в Палермо поднять повстанцев, вынести гарибальдийцам оружие и занять монастыри Ганчия, Святого Креста и ратушу, то есть несколько опорных пунктов города.

Александр выучил письмо и адрес за несколько минут. Хуже пришлось Марко Монти: он был неграмотный, и его пришлось учить с голоса. Пучеглаз, поминутно чертыхаясь и проклиная бестолковость друга, сам принялся его учить. Иногда он забывался и начинал от раздражения

кричать слова письма прямо в ухо Марко, как будто тот был глухой.

- Что ты делаешь, Лоренцо? Скоро все окрестности будут знать письмо Гарибальди, - остановил его Александр.

Пучеглаз схватился за голову:

- Ах я осел этакий! Ах я дурак вонючий! Ваша правда, синьор Алессандро. Но с этим тупым мулом всякий потеряет терпение! - пожаловался он.

У бедного Марко уже давно по щекам и лбу катились крупные капли пота. В конце концов письмо и адрес были все-таки выучены, и три товарища продолжали свой путь в Палермо.

Между тем адвокат Франческо Мерлино, которому было адресовано письмо Гарибальди, объявил в Палермо, что хочет устроить торжественный ужин по случаю дня своего рождения. Мерлино славился в городе как щедрый и хлебосольный хозяин, и все охотно откликнулись на его приглашение. Однако день рождения - это был только предлог. Мерлино понимал, что он слишком видная фигура в Палермо, что за каждым его шагом следят Манискалько начальник полиции и генерал Сальцано - комендант города.

Гарибальди уже совсем близко от Палермо - Мерлино знал это от верных людей. Значит, надо во что бы то ни стало и как можно скорее собрать весь комитет, всех членов революционной организации, решить, когда и как выступить для помощи гарибальдийским войскам, как лучше организовать восстание.

Торжественный ужин - что может быть естественнее в день рождения богатого адвоката! И кому придет в голову, что среди именитых гостей заядлые революционеры, старые враги Франциска Бурбона и его приспешников, а в кабинете хозяина за карточными столиками вместо экарте решают куда более серьезную задачу: быть Сицилии свободной или и дальше страдать под игом Бурбонов.

Все приглашения были уже разосланы. И вдруг сам новый наместник Палермо генерал Ланца прислал сказать, что и он намерен приехать почтить хозяина своим присутствием. А раз приедет наместник, то уж, конечно, явятся и Сальцано с Манискалько!

Франческо Мерлино был в отчаянии. Что делать? Как избавиться от непрошенных гостей?

За день до приходившегося на двадцать третье мая рождения адвоката полиция Палермо получила подписанное каким-то странным значком письмо. В письме сообщалось, что двадцать третьего мая в доме купца Флоридо Матеучи состоится собрание заговорщиков - сторонников

Гарибальди. От Гарибальди на собрание явится посланец - полковник Сиртори.

Вся полиция Палермо была поставлена на ноги. Доложили наместнику Ланца. Он распорядился, чтобы Сальцано и Манискалько сами отправились к Матеучи и сразу захватили всех бунтовщиков.

Дом Мерлино сиял огнями, густое и терпкое сицилийское вино лилось в бокалы, когда в залу влетел обезумевший "генерал Иуда" Сальцано. Он бросился к маленькому, заплывшему жиром наместнику.

- Ваше сиятельство, только что получено известие, что Гарибальди уже под Палермо!

Ланца, забыв снять с себя салфетку, ринулся из зала. За ним в панике повскакали и остальные гости. Мерлино дождался, чтоб удалились ненужные люди, потом сказал своим:

- Это я поднял всю тревогу. Нужно поговорить свободно, без непрошенных соглядатаев и шпионов.

Тотчас поднялся один из друзей Розалино Пило.

- Я видел Гарибальди после Калатафими. Настроение у его волонтеров прекрасное. Но у него в настоящее время около четырех тысяч бойцов, а у бурбонцев - двадцать четыре тысячи. Мы должны помочь Гарибальди, это ясно всем.

"Гости" Мерлино просидели до рассвета. Уже под утро было решено послать человека к Гарибальди сообщить, что палермские патриоты начнут восстание, как только войска Гарибальди приблизятся к городским окраинам. Восставшие отвлекут и задержат бурбонцев, а потом ударят им в тыл. Оружие есть, хотя и не очень много, потому что все, что было собрано в монастыре Ганча, попало в руки королевских властей.

Три маляра, приближавшиеся к Палермо, ничего не знали обо всех этих происшествиях. С горных тропинок они спустились теперь на палермскую дорогу. На равнине крутилась пыль, солнце томительно накаливало серую крышу облаков, и небо казалось оловянным. Порывами дул раздражающий лихорадочный сирокко. Колючие кусты укрывались от ветра во впадинах холмов. По сторонам изредка попадались унылые груды кирпича, какие-то дымные хижинки да ленивые стада длиннорогих буйволов.

Но чем ближе подходили путники к городу, тем все оживленнее становилась дорога. Навстречу попадались крестьяне с корзинами на головах, пастухи, солдаты. Проезжали, подымая тучи пыли, дилижансы, наполненные пассажирами. Все чаще встречались патрули, которые внимательно оглядывали прохожих, а у некоторых требовали документы.

Наконец показалась скалистая гора, у подножия которой расположено Палермо, и блеснула синяя полоса моря. У высохшей реки с перекинутым через нее мостом виднелось нечто вроде будки, возле которой стояли и сидели несколько солдат.

- Эге, вот и застава! - тотчас определил Пучеглаз. - Ну, теперь бери глаза в руки, добрая компания. А лучше бы поискать обходного пути. Наверное, где-нибудь да можно отыскать лазейку.

- Пока ты будешь искать эту лазейку, тебя десять раз остановят и обыщут, - подал голос молчаливый Монти. - Небось Сальцано не дремал окружил весь город такими вот заставами.

- Ты, пожалуй, прав, Марко, - кивнул Пучеглаз. - Санта диаволоне, ну и устал же я! - вздохнул он. - И в животе пусто, как в церкви ночью. Не худо бы перекусить чуточку... А вы как на это смотрите, синьор Алессандро?

- Я тоже не прочь отдохнуть и поесть, - сказал Александр. - Вот там, на дороге, я вижу что-то вроде траттории.

- Да это здешняя знаменитая траттория красотки вдовушки Ренаты! обрадовался Пучеглаз. - Когда-то и я здесь бывал, попивал винцо. - Он подмигнул обоим своим спутникам. - Сейчас мы важно угостимся. Макароны Ренаты славятся по всей Сицилии.

В низкой большой комнате траттории было дымно, шумно и полно всякого народа. От запаха чеснока, перца и от табачного дыма начинало щипать глаза, едва только человек переступал порог.

Три маляра со своими ведерками еле протиснулись между сидящими и стоящими посетителями Ренаты. Тут были торговцы шерстью и конями, крестьяне, солдаты и просто любители выпить. Сама Рената, чернобровая толстуха огромного роста, сновала по комнате, разнося миски с дымящимися макаронами. Бас ее гудел в комнате, легко перекрывая весь шум.

- А вот, кому макароны с сыром? Синьоры, угодно с томатом? Фраскати?

Трое путников тоже получили миску макарон и с наслаждением принялись наворачивать их на вилку и отправлять в рот. Александр все еще не мог постигнуть в совершенстве это искусство и с восхищением смотрел на Пучеглаза, который с быстротой фокусника опустошал миску. В самый разгар этого занятия широко распахнулась дверь траттории, и вошел бурбонский патруль - офицер и три солдата.

- Куда идешь? Зачем? Документы есть? - опрашивали они каждого.

Три маляра, увидев патруль, разом потеряли аппетит. Один только

Пучеглаз, стараясь доказать и товарищам и самому себе, что все в порядке, продолжал выуживать макароны из миски, но уже не так лихо, как раньше.

Наконец очередь дошла и до них.

- Куда идете? Зачем? - задал вопрос офицер.

Поднялся, как старший, Пучеглаз. Сдернул свой берет, взглянул с глуповатым видом на золотые нашивки офицера.

- Я спрашиваю: куда идете и зачем? - повторил офицер, всматриваясь по очереди во всех троих.

- Да извольте видеть, синьор уффициале, мы - трое мазилок, трое самых что ни на есть бедных маляров из Фикарики, - на деревенском сицилийском диалекте зачастил Пучеглаз. - Вот подрядил нас богатый купец. В самой, значит, столице, говорит, дом у него преогромный. Вот, значит, и желает, чтоб мы покрасили стены, а стены-то, говорят, каменные, а мы идем да меж собой рассуждаем: не спросили мы, в какой цвет красить, а может, и не понравится хозяину наша краска...

- Постой, постой, помолчи минутку! - махнул ему рукой офицер. Скажи, к кому, к какому это купцу вы нанялись работать?

- К самому богатому, синьор уффициале, - с важностью отвечал Пучеглаз, - его все в городе уважают.

- Да как его зовут, ты-то знаешь?

- Еще бы не знать! Матеучи Флоридо, вот как его зовут, - отвечал Пучеглаз, уверенный, что имя это вызовет почтение и всех их тотчас оставят в покое.

Едва он произнес имя Матеучи, офицер сделал знак солдатам, и те тотчас окружили трех путников.

- Вот они, лазутчики этого пирата Гарибальди! - сказал офицер. Наконец-то мы их поймали! Кто из вас Сиртори? Ты? - обратился он к Пучеглазу. - По возрасту ты больше всех подходишь.

Однако Лоренцо так искренне клялся и божился всеми святыми, что он знать не знает никакого Сиртори, что офицер заколебался.

- Ну, я сам этого Сиртори не видел и не знаю, похож ли ты на него, сказал он. - Пусть это определяют другие. Мое дело - отправить вас всех троих в тюрьму. Обыщите-ка их! - приказал он солдатам.

Вот когда пришлось Пучеглазу пожалеть, что он съел так много макарон! Солдат еще не успел приблизиться к нему, а письмо Гарибальди было уже у него во рту. Ах, как трудно и невкусно было после макарон глотать бумагу! Пучеглаз, делая вид, что сердится за обыск, без умолку бранился с солдатом, а сам в то же время жевал и глотал злосчастное письмо. И когда солдат, добросовестно обшарив всю его одежду, объявил,

что ничего не нашел, Пучеглаз улучил момент, подмигнул Александру и Монти и при этом выразительно погладил себя по животу.

- Ведите их, - приказал офицер.

Под конвоем трех солдат три маляра со своими ведерками вышли из траттории. Посетители красоты Ренаты провожали их сочувственными взглядами: все они страдали от произвола бурбонцев и, конечно, жалели своих земляков.

Уже сильно смеркалось, и улицы Палермо были полны той синеватой предвечерней дымки, которая на юге быстро переходит в полный мрак. Тюрьма, куда вели "маляров", находилась на противоположном конце города. Солдатам было неохота тащиться так далеко, и они сердились на своих арестантов: из-за них пропадал свободный вечер. Но и у арестантов настроение было ничуть не лучше. Пучеглаз винил во всем себя - ведь это он подбил всех идти в тратторию. Может, если б они прямо направились к мосту, на них не обратили бы внимания. И почему офицер так накинулся на них, когда они назвали имя Матеучи? Откуда ему известно, что они посланцы Галубардо? Кто мог их выдать?

И Пучеглаз, машинально считая камни под ногами, ломал себе голову, но так и не мог ничего понять. Марко Монти шагал совершенно спокойно: он твердо верил, что раз он человек Гарибальди, то ничего худого с ним не случится - Галубардо всегда подоспеет вовремя и спасет своих людей. Зато Александр, едва их вывели на улицу и он увидел, что стемнело, тотчас решил: "Сбегу!" Он понимал, как важно передать вовремя письмо Гарибальди повстанцам. Если Мерлино не узнает содержания этого письма, Гарибальди придется рассчитывать только на собственные силы, а их слишком мало. Александр мысленно уже видел все дело проигранным. Ведь в случае поражения погибнут все до единого.

Левушка, и Лука, и Лючия. А главное - сам Гарибальди, этот удивительный человек, этот герой, попадет в руки врагов, и уж его не пощадят!..

Александр вздрогнул и сжал в кулак свободную руку. Было бы оружие, как легко они трое справились бы с конвойными! Те идут, почти не глядя на своих арестантов. Видно, даже слова офицера их не насторожили, они уверены, что ведут безобидных ремесленников.

Александр покосился на Пучеглаза, но тот был так погружен в свои мысли, что ничего не замечал. Между тем сильно стемнело. Улицы, по которым вели трех арестованных, шли параллельно порту. Иногда в боковой улочке чуть золотилась полоска моря. Но вот и она исчезла во мраке, и теперь море только угадывалось по далеким огням кораблей,

стоящих на рейде. Где-то рядом должна быть набережная, а там - розовый дом с колоннами. Дом адвоката Мерлино.

Александр замедлил шаг, незаметно дотронулся до руки Лоренцо и, когда тот поравнялся с ним, кивнул на боковую улочку. Пучеглаз мгновенно понял, глаза его сверкнули.

- Ноги молодые, - прошептал он чуть слышно, - давай!

Конвойные с азартом спорили о том, кто из них победил в прошлый раз в кегли. На своих арестантов они не обращали ни малейшего внимания. Улица была пустынна в этот час, и редкие фонари почти не разгоняли темноту.

Александр дождался, когда они поравнялись со следующей боковой улицей. Она шла довольно круто вниз и, по-видимому, упиралась в море. Где-то впереди виднелся свет, верно, на набережной. "Благослови, Сашенька!" - сказал про себя Александр. Он отбросил мешающее теперь ведерко с краской и кинулся вниз к морю. Он бежал зигзагами, нарочно перебегая то на одну, то на другую сторону улочки, как в детстве при игре в салки. Когда-то он славился умением бегать. И сейчас на минуту ему показалось, что это и на самом деле игра и что за ним, как когда-то, гонится маленький племяш няни Василисы, толстый увалень Митька. Но тут здоровенные солдатские глотки заорали: "Держи! Лови!" - загремели выстрелы, несколько пуль пролетело возле самого уха Александра, и в домах начали поспешно захлопываться ставни. Александр не знал, что, бросив ведро, он нечаянно ступил в лужу краски. Это были белила, и теперь грубые деревенские сандалии Александра печатали белым каждый его шаг.

- Держи! Держи! - продолжали неистово вопить позади.

Александр понял, что за ним гонятся. Он все убыстрял и убыстрял бег. Вот он вылетел на освещенную, всю в деревьях улицу, по которой прогуливались спокойные, счастливые люди. За деревьями тихо плескалось море. "Набережная! Вот удача!" Но куда бежать - направо или налево?

Секунду он вглядывался в ближайшие дома, в уходящую вдаль зеленую улицу. И вдруг совсем рядом, всего в нескольких шагах, увидел розовый дом с колоннами. Больше таких домов поблизости не было - он был самый большой и пышный с виду. Александр бросился к застекленной веранде, на которой стояли две свечи, тоже в розовых колпачках. Седой слуга в фартуке с нагрудником дремал у двери.

- Адвоката Мерлино! - задыхаясь, сказал ему Александр. - Пронто! Скорее!

- Но... адвокат... - начал было слуга.

Александр оттолкнул его и вбежал в дом.

В дальней комнате сидел с сигарой в зубах погруженный в газету чернобородый человек.

- Вы Мерлино? - бросился к нему Александр.

Бородатый вскочил с кресла.

- Я-то действительно адвокат, а ты кто такой?

- Я - от генерала Гарибальди. Пароль - "Объединенные". Я передам вам письмо генерала на словах. Самое письмо нам пришлось уничтожить. Слушайте и запоминайте. Только поскорее, за мной гонятся... - все еще задыхаясь, выпалил Александр.

Мерлино подскочил к двери, повернул ключ.

- Говорите!

Александр залпом сказал все письмо. Едва он успел договорить, как в дверь начали ломиться:

- Отворите! Именем короля, откройте!

- Откуда они узнали, что я у вас? - прошептал пораженный Александр.

- А следы? - сказал Мерлино. - Боже! Я даже не могу вас спрятать...

Александр взглянул на пол и ахнул: от самой двери по всей комнате шли белые отпечатки его ног.

Мерлино ломал пухленькие руки:

- Мне придется отречься от вас! Бедный мой мальчик! Этого требует дело! Но боже, как мне все это тяжело!

- Откройте, или мы сломаем двери! - заревело уже несколько голосов.

- О мадонна! - простонал Мерлино и жестом показал Александру, чтоб он встал в темный угол.

Александр едва шагнул, как тотчас белые следы появились на наощенном полу.

Мерлино отпер дверь. В комнату ворвалось несколько солдат и давешний офицер.

- Простите, синьор Мерлино, что мы так поздно и так шумно врываемся в ваш дом, - начал офицер. Он был очень вежлив с адвокатом, которого посещал сам наместник. - В вашем доме скрылся важный политический преступник, лазутчик самого Гарибальди. Мы арестовали его, но по дороге в тюрьму он сбежал. Следы его ведут к вам. Вы должны нас извинить, синьор Мерлино, но это дело серьезное. Мы вынуждены осмотреть весь дом.

- О боже! Что вы говорите?! - театрально воскликнул Мерлино. - Да это я должен благословить судьбу, которая привела вас ко мне, синьор тененте. Я только что стал жертвой насилия. Если бы не вы, меня, может

быть, не было бы в живых! Только что ко мне ворвался какой-то деревенский парень, запер на замок вот эту дверь и сказал, что не выпустит меня отсюда! Не знаю, что он хотел со мной сделать и почему явился в мой дом. Я весь дрожу!

- А, вот и он! - сказал офицер, шагая прямо по белым следам к Александру. - Вот видишь, братец, что значит не уметь обращаться с красками! - съязвил он. - Ну, уж теперь-то я сам поведу тебя в тюрьму. Оказывается, ты бегаешь, как хорошая молодая лисица.

Александр ничего не ответил. Он спокойно вышел из своего угла и стал между солдатами. Он знал: письмо Гарибальди передано по адресу.

41. РОК СУДИЛ ИНАЧЕ

(Окончание записок Мечникова)

С утра бомбардировка обратилась в непрерывный рев пушек. Наша батарея отвечала довольно деятельно. Мой парашют увенчался тремя рядами мешков, и я торжественно отправился рапортовать об окончании моих работ. Когда работники были распущены, деятельный мой сподвижник дон Доменико подошел ко мне, произнес какую-то чувствительную речь и в заключение объявил, что он почитал бы себя вполне счастливым, если бы я дал ему на память записку о его геройских подвигах на пользу народного дела. Желая вполне обязать достойного абруцца, я пригласил его с собою в штаб-квартиру и написал официальную благодарность от имени начальника линии военных действий. Дон Доменико обрадовался, как ребенок, когда я вручил ему долгожданный лист.

Едва повечерело, мне отдано было приказание отправиться в домик, занимаемый французской ротой, и передать ее командиру некоторые распоряжения. Затем предстояло съездить еще раз в рекогносцировку, и наконец являлась возможность провести несколько дней в покое. Но рок судил иначе.

Двухэтажный дом, в котором помещалась французская компания, отстоял шагов двести от арки, вправо от большой дороги, среди местности, усеянной каштанами и фруктовыми деревьями.

В довольно большой, тускло освещенной комнате за столом сидело человек до двадцати солдат и офицеров. Они курили и пили и очень весело и шумно разговаривали между собою. Среди всеобщего движения мальчик лет шестнадцати невозмутимо сидел на одном конце стола, болтая ногами, и вслух читал по складам оборванный листок, вероятно, прошлогоднего неаполитанского журнала, выговаривая по-французски итальянские слова.

Меня приняли с таким радушием, что, едва-едва выпив стакана по три пуншу и коньяку и еще чего-то, я успел передать капитану сообщенные мне

распоряжения. Пока там распоряжались о назначении пешего патруля, я вышел, чтобы взять свою лошадь и присоединиться к конному разъезду капитана Б. Командир Погам проводил меня до дверей.

- Знаете ли, - сказал он мне, - сегодня там, за проселком, один из моих зуавов наткнулся на бурбонских стрелков. Место здесь очень удобное для сюрпризов всякого рода.

Я нагнал капитана Б. у самой передовой баррикады и передал ему слова Погама. Мы долго блуждали по всем местам, где только могла пройти лошадь. Прокрадывались под самые неприятельские аванпосты. Б. обшарил все кусты на берегах. Заметно было особое движение, по нас несколько раз стреляли, но, по обыкновению, не попали. До стычек дело не доходило ни разу. Ночь была темная, подробно ничего нельзя было узнать, но по всему можно было заметить, что готовилось нападение. Во втором часу ночи мы отправились восвояси. Б. с большей частью людей шел по шоссе. Поручик граф Малаккори и я вели остальных, пробираясь целиною около дороги. Уже в виду арки нам с шоссе закричали остановиться и построить солдат в батальонный порядок. Несколько минут стояли мы, усердно прислушиваясь, и, насколько позволяла темнота ночи, следили за движениями шедших по шоссе. Вдруг выстрелы, шум, крик, и какие-то тени быстро задвигались по дороге. "По нашим стреляют! Вперед!" Мы поскакали и стали карабкаться по крутому подъему дороги. Линия была разорвана, и всякий лез сам по себе. В это время с дороги прямо на нас побежали в беспорядке бурбонские солдаты. Гусары били саблями пробегавших подле них и спешили выбраться на шоссе, чтоб соединиться с капитаном. Я был уже на половине возвышения, когда какая-то фигура, неизвестно откуда взявшаяся, повисла у меня на поводьях. "Во имя короля, сдавайтесь!" - закричал нападавший задыхающимся голосом. Сабли наши скрестились в воздухе. С минуту мы неистово колотили их одну о другую. Я не мог видеть своего противника: он был защищен шеей моей лошади, которую крепко держал за поводья. Между тем последние из нашего отряда мчались мимо меня. Один из них подоспел мне на выручку. Противник мой выпустил поводья и выступил несколько вперед, так, что очутился почти у моей левой ноги. Пока я успел выхватить револьвер, он выстрелил, и пуля прожужжала у самого моего уха. Мой выстрел был удачнее. Когда рассеялся дым, противника передо мною не было. Я пришпорил лошадь и выскочил на дорогу. Гусары толпились, не успев построиться. Впереди была свалка. Мимо нас с грохотом прокатила пушка, несколько всадников промчалось за ней. Им выстрелили вслед. Воспользовавшись очищенным ими местом, я подвинулся вперед. Поперек дороги стояла четверка

лошадей с пушечным передком. На задней паре сидел солдат, другой готовился влезть на переднюю. Дюжий венгерец-вахмистр наскочил на него, повалил его сабельным ударом и сильною рукой поворотил лошадей к нашей батарее. Позади нас раздались выстрелы и послышался топот лошадей. Впереди по дороге видны были только наши гусары, начавшие строиться.

- Ну, с богом домой! Благо не с пустыми руками! - сказал Б.

И мы поскакали, таща за собой четверку с сидевшим на одной из лошадей бурбонским солдатом.

Погоня слышалась все ближе и ближе. Раздалось несколько выстрелов, но никто не был задет. Венгерцы оборачивались и выкрикивали насмешки или ругательства. Б. был слегка ранен, у меня было расцарапано левое бедро. Доехав до арки, где устроен был спуск, мы своротили к шоссе, к своим. Несчастный пленник, совершенно одуревший, был снят с лошади и передан в руки национальной гвардии.

* * *

Долго ли я спал, не знаю. Еще было темно, когда я услышал на улице страшное смятение, барабанный бой, крики: "К оружию!" Я не знал даже, слышу ли все это наяву или во сне. Меня почти силою стащили с постели. Надо мной стоял мой ординанца, испуганный, бледный. Солнце только что всходило, барабан трещал, бил тревогу. Отрывочные выстрелы раздавались ежеминутно.

- Что случилось? - спросил я, лениво потягиваясь, хотя вовсе не трудно было отгадать, в чем дело.

- Бурбонцы!.. - едва мог выговорить мой ординанца. - Едва рассвело... они привезли пушки и стреляют в наш парапет. Генерал уже приехал.

Я торопливо оделся, велел оседлать лошадь и вести ее на батарею, а сам отправился пешком туда же. На улицах все было пусто. Ставни везде закрыты. Все кофейные и лавки тоже. Трехцветные знамена бог весть куда попрятались. Из-под ворот некоторых домов выбегали запоздавшие солдаты и офицеры.

Я вышел на поле, и передо мной открылась живописная картина. На светло-голубом ясном небе вырисовывалась ярко освещенная розовым светом арка. Низ ее скрывался в белом дыму, в котором мелькали какие-то тени. Окрестность вся была покрыта густым белым дымом. Порою граната разрывалась в воздухе и усыпала землю огненными брызгами.

Картечь с визгом неслась по самому шоссе. Из соседней казармы выскочил батальон в красных рубашках и заряжая на ходу ружья, беглым шагом подвигался к арке. Полковник Порчелли на гнедом маленьком

жеребце, в белом плаще и с саблею наголо, ехал перед солдатами и ободрял их.

- Кажется, тепленький будет сегодня денек, - сказал он, подъехав ко мне. - Вы должны быть особенно благодарны им за то, что они дали вам время устроить все это. Посмотрим ваши фортификационные способности! Ну, вперед, ребята! - продолжал он, обращаясь к солдатам, и поскакал, шутливо салютуя мне саблей.

Ближе к арке дорога становилась все опаснее. Ядра летали все чаще и чаще. Пули, как рой мух, жужжали в воздухе. Я сошел с поля и пошел узкою тропинкой, тянувшуюся вдоль него. На светлом фоне вырисовывалась сутуловатая фигура Мильбица в красной рубаше, без пояса и с саблею без портупей в руке. Его седая бородка серебрилась и очки блестели, как алмазы. Он распорядился у пушек. Наши шестифутовые пушечки вели себя очень исправно. После каждых двух выстрелов их обливали водой и не переставали поддерживать огонь. Биксио прислал известить, что он атакован многочисленной колонной бурбонцев.

В нашу батарею ядра не попадали, но зато вся дорога по сторонам ее была усыпана картечью, и пули сыпались проливным дождем. По всему можно было заключить, что против нас батарея сильного калибра. Ветра не было, и дым стлался по земле, не давая разглядеть ничего впереди. Минутами видны были колонны королевских солдат, а несколько подалее виднелась и кавалерия. Штыки и сабли блестели на солнце. Становилось жарче и жарче, запах пороха и жженого масла не давал дышать свободно. Вонючий дым фитилей резал нос и горло. Мильбиц поминутно подбегал к амбразуре со своим биноклем. Несколько стрелков рассыпались между деревьями. При пушках не было порядочной прислуги, но подоспевшие офицеры управлялись прекрасно. После одного выстрела, направленного старым артиллеристом, неприятель не отвечал несколько минут. Дым постепенно рассеялся. Королевские колонны приметно поредели. Из окон хижины, где помещались французы, раздавались выстрелы. Командир Погам взобрался на крышу с биноклем и оттуда командовал. Мильбиц велел собирать охотников в штыки. Позвали трубача, но тот с трудом мог извлечь несколько нестройных звуков из своего инструмента: от жара или от страха у него пересохло в горле. Едва показалось наше знамя, неприятель отсалютовал ему страшным залпом. Во дворе за оградой построился батальон, и полковник Порчелли повел его на штыки. С криком "Savoia!" бросились они вперед. Несколько человек повалились тут же. Бомбардировка смолкла. В амбразуру ясно можно было видеть сильное движение между атакующими. Несколько минут раздавался гул ружейной

перестрелки, но и тот скоро затих. Неприятель рассыпался между деревьями. Батальон наш возвращался из атаки, неся на штыках шапки бурбонских солдат и другие трофеи подобного рода. Впереди шли два бурбонских артиллериста: один гладко выстриженный, черный, без шапки; голова его была прорублена и все лицо залито кровью, он едва передвигал ноги. Другой, рыжий, с усами и бакенбардами, не был ранен. Он смотрел по сторонам с испугом и бессмысленно лепетал невнятные слова. Обоих вели под руки, и оба в этом очень нуждались, потому что и нераненый тоже едва держался на ногах - он был пьян мертвецки. За ними человек двенадцать тащили 16-фунтовое нарезное орудие, в которое была впряжена верховая лошадь. На батарее пленные были встречены торжественными свистками. Из храброго батальона недосчитались многих. Многие наскоро перевязывали свежие раны. Пушку не без труда втащили на шоссе позади батареи. Вся верхняя часть дула была изборождена картечью и забрызгана кровью: старый артиллерист целил метко.

Этот успех произвел на всех хорошее впечатление. Все смеялись и шумели. "Они нам подарили сегодня пушку ко вчерашнему передку", - сострил Б., и эта острота его была очень хорошо принята. Между тем опросили пленных. Что-нибудь цельное было трудно узнать из их запутанных показаний. Им было объявлено, что на нас ударят с тылу, пока они с фронта завяжут дело, что у нас пушек нет и что король обещает по возвращении в Неаполь выдать им разом полугодовое жалованье и дозволит им три дня грабить в городе и окрестностях, а пока дали им по несколько карлинов на человека и водки.

Пока старались уместить вновь отбитую у неприятеля пушку и правильнее распределить позиции, на колокольне пробило десять. Вслед за тем раздался выстрел. Граната упала шагах в пяти от арки и запрыгала, шипя и отдуваясь.

- Ну, опять за дело! Постоим за себя!

Неприятель пришел с большими против прежнего силами. Пальба началась вновь. Немецкие пехотные полки стали напирать на линию между аркою и амфитеатром. С огромными усилиями и потерями, оттолкнув одну колонну, мы тем же следом должны были выдерживать новое нападение. Неприятель был по крайней мере вчетверо многочисленнее нас. Кавалерийский полк королевы и эскадрон гусар выжидали минуты, чтобы напасть на нашу батарею, а неприятельские пушки не переставали ни на минуту громить нас самым бесчеловечным образом. Кругом все падало и валилось. Иной раз бомбы долетали в самый город, на центральную площадь. В таком положении дело тянулось часа полтора. Со всех пунктов

к начальнику линии являлись требовать подкрепления, а недостаток людей более всего был ощутим в центре. В нашей центральной батарее не было, правда, никого ни убито, ни ранено, но отстаиваться с двумя старыми орудиями против сильной батареи гораздо высшего калибра было очень затруднительно. Удивлялись только, что наши пушки могли выдержать такую отчаянную пальбу. Сильный отряд кавалерии угрожал нам постоянно, и если бы он смело бросился в атаку, то устоять при наших средствах было бы невозможно. И, как назло, день был жарче обыкновенного.

Зловонная атмосфера душила. Все с самого утра не ели и не пили, и многие буквально валились от жажды. Фляжка моя иссыкла.

Полдень.

Неожиданная катастрофа значительно ухудшила наше положение. Неопытный офицер, прикладывая фитиль к затравке, уронил несколько искр на разложенные возле заряды. Порох вспыхнул. Несколько ближе стоявших артиллеристов были изуродованы самым ужасным образом. Мильбица и несколько других бросило наземь. Меня осыпало огненными брызгами и обожгло мне лицо и плечо. Все перепугались, и все пришло в смятение. Неприятель прекратил пальбу, и конница марш-маршем понеслась в атаку.

Сколько можно было собрать налицо вооруженных людей, было выведено вперед, прежде чем они успели построиться. Из окон домика, занимаемого ротой французов, на атакующих неся град пуль. Оставшимся зарядом выстрелили в самый центр колонны, и граната произвела опустошительное действие. Атакующий эскадрон в беспорядке остановился. Многие бросились бежать назад.

Меня откомандировали на станцию железной дороги, где был целый вагон с порохом и ядрами.

Лошадь, испуганная выстрелами и придерживаясь, вероятно, поговорки "На людях и смерть красна", кобенилась и не хотела отходить от своих собратьев. Выехав наконец на место, куда мало долетали пули и где воздух был чище, я вздохнул свободнее. Рота, только что воротившаяся с одного очень опасного пункта, где потеряла около половины своего состава, строилась вновь. Капитан, толстый генуэзец, ходил по рядам, ободряя упавших духом. Он подошел ко мне и попросил сигару. Я вынул из кармана портсигар и подал ему. Тот протянул руку и вдруг, застонав, повалился на землю. Шальная пуля ударила его прямо в лоб, и он умер на месте.

Я сообщил начальнику станции приказание генерала. Оказалось, что

почти за минуту до моего приезда он отправил вагон с зарядами на следующую станцию, опасаясь, чтобы залетавшие изредка гранаты не взорвали его на воздух.

Поезда здесь обыкновенно ходят очень медленно. У меня была очень хорошая лошадь и притом совершенно свежая, и я пустился вдогонку. Почти на полдороге я нагнал его и закричал кондуктору остановиться. Тот исполнил мое приказание, но возвращаться не хотел, говоря, что не может этого сделать без приказа директора, которого я не догадался приторочить к седлу, по примеру Ильи Муромца и других русских богатырей.

Мне было дано также поручение поехать на батареи железной дороги и узнать, каково там положение дел. Положение дел там было очень скверное: батареи были значительно попорчены. Множество офицеров ранено, артиллеристы перебиты. Коррао, в крови, как мясник, не падал духом. Бурбонцы людей не жалели. Они потеряли уже большое количество ранеными и пленными, но, пользуясь численным преимуществом, нападали постоянно с новыми силами. Очевидно, целью их было во что бы то ни стало прорвать нашу линию в каком-нибудь пункте и затем, зайдя нам в тыл, отрезать от главной квартиры. Одним словом, покончить все дело разом.

Оставив железную дорогу, я отправился назад по направлению к арке. Местность целыми рядами была усеяна трупами убитых, наших и неприятеля. Впереди чернел полусгоревший дом. В начале утра туда снесли наших раненых.

Королевские войска после яростного сопротивления прогнали отсюда наших стрелков и зажгли дом. Когда через несколько времени потом батальон наших тосканцев занял опять эту позицию, они нашли всех раненых перебитыми варварским образом. Старуха, хозяйка дома, лежала с пробитою головой, а нижняя часть ее тела была обращена в уголь. Та же участь постигла тех раненых, которые лежали на соломе. Бывший при них доктор пропал без вести.

Признаюсь, не без внутреннего трепета проскакал я мимо этой виллы. Но не лучшее ждало меня и впереди. Несколько человек стрелков были рассыпаны между деревьями с обеих сторон. Пули вновь жужжали, как мухи, и я, верхом и в белом плаще, служил превосходною мишенью. К счастью, в стороне шла довольно глубокая межа, вдоль которой тянулась стена из ив и акаций. Я своротил туда и, пришпорив лошадь, поскакал что было духу. Жажда меня мучила, голова кружилась от быстрого бега лошади. Уцепившись за гриву рукой, я шпорами и голосом подгонял своего

утомленного буцефала.

Перед аркою был жестокий рукопашный бой. Через каждые четверть часа сшибались новые колонны, но королевские войска не выдерживали бешеного напора волонтеров. В беспорядке бежали рота за ротой, но постоянно новые являлись им на смену. Наши же не имели ни минуты отдыха, и если мужество их не слабело, то силы страшно истощились этой упорной борьбой на жаре в тридцать градусов.

Трудно было рассчитывать на успех.

Во время моего отсутствия успели установить отбитую утром пушку, но так как зарядов оставалось мало, то батарея была вынуждена действовать очень слабо.

Тосканцы и сицилийский батальон действовали с особенным усердием. После стычки, длившейся несколько часов, они возвращались перевести дух и потом вновь шли в дело.

В ту самую минуту, когда я подъезжал к батарее, там случился один из тех кризисов, которыми часто решается судьба сражений. Две роты, удерживавшие натиск кавалерии, истощенные жаждой и усталостью, пошатнулись и в беспорядке побежали. Уже слышался топот, крик и бряцание, уже можно было разглядеть усатые рожи драгун королевы, которые летели на нас и гнали по пятам убежавших. Минута - и все бы пропало.

"Гарибальди! Гарибальди!" - калатафимский герой словно с неба свалился в это мгновение. Присутствие любимого вождя вдохновило всех. "Viva l'Italia!" И все, что могло еще стоять на ногах, выбежало из батареи, несмотря на град пуль, на ядра, свиставшие и рассекавшие воздух по всем направлениям. Мильбиц, раненный в ногу осколком гранаты, ходил между рядами. Гарибальди, как заколдованный, был спокоен и невредим среди всеобщего движения. Вдруг меня осыпало искрами и песком: будто миллионы булавок вонзились в тело, потемнело в глазах, и я грянулся наземь...

42. ПЛЕМЯННИК КАРДИНАЛА

На рассвете зазвенели ключи, дверь камеры открылась, и чей-то голос сказал:

- На допрос.

Александр с трудом очнулся от крепкого и тяжелого сна. Со времени его ухода из Парко не прошло и суток, а столько событий! Трудный переход по горам, арест в траттории красотки Ренаты, побег и снова арест в доме Мерлино - да всего этого было бы достаточно, чтобы наполнить целую жизнь!

В тюрьме он надеялся, что увидит Марко Монти и Пучеглаза, но лейтенант, который сам привел его, шепнул что-то дежурному начальнику, и тот с великими предосторожностями отвел его в одиночку. Одиночка была тесная и темная, и в ней почему-то сильно пахло чесноком, которого Александр терпеть не мог. Но он до того устал от всех приключений этого дня, что, почти не обратив внимания на запах, тотчас повалился на тощий соломенный тюфяк и заснул.

Тюрьма в Палермо была старинная - низкая и сырая, с бесконечными сводчатыми коридорами и какими-то темными закоулками. В ней было заключено множество патриотов. Пока два тюремщика вели Александра по извилистым переходам, он твердо решил сказаться русским и, притворившись, что не знает ни слова по-итальянски, не отвечать ни на один вопрос. О том, что будет с ним дальше, Александр почти не думал. Гораздо больше тревожил его вопрос, где теперь его товарищи - Марко и Пучеглаз. Довели их до тюрьмы и поместили здесь же, в одной из соседних камер, или они тоже попытались бежать и оказались счастливее? Что, если ополоумевшие от неожиданности и злости солдаты после побега Александра вдруг пристрелили их на месте? От этой мысли все внутри Александра похолодело. Он застыл было, но толчок прикладом в спину привел его в себя.

- Пошевеливайся, бандит! - бросил ему один из тюремщиков.

В конце одного из коридоров виднелся слабый свет. Тюремщики открыли незаметную дверь и ввели Александра в низкую, затхлую комнатку с залитым чернилами столом, за которым сидел неряшливый рыжий человек, похожий на писца. И вдруг все в Александре радостно встрепенулось: на скамейке, у самых дверей, сидели рядышком два его товарища - Монти и Пучеглаз.

Увидев Александра, оба они вскочили и бросились к нему:

- Так и ты здесь? Они тебя таки схватили?

- И вы здесь, друзья? - раздалось с обеих сторон.

Тюремщики поспешили вмешаться:

- Молчать! Всякие разговоры между заключенными воспрещены!

- Да ведь мы не разговариваем, синьоры тюремщики, мы только обняться хотим. Давно не виделись с земляком, - сказал Лоренцо, а сам между тем глазами, губами, носом, всей подвижной физиономией спрашивал Александра: "Ну как?! Удалось пересказать письмо?"

И конечно, Александр тотчас же незаметно просигнализировал: "Все в порядке. Выполнил".

Пучеглаз просиял, хлопнул себя по коленке и вдруг во все горло

заорал:

Я хромой, и я немой,
Гол я летом и зимой.
Но богатого синьора
Я богаче буду скоро...

Подбежал тюремщик и вlepил ему здоровенную затрещину.

- Ты что, спятил? Петь - в тюрьме?!

- Да за что вы меня, синьор тюремщик? - защищался Пучеглаз. - Вы же сами сказали, что запрещаете разговаривать. Вот я и не разговариваю, а пою. Про пение вы же ни слова не говорили. - И Пучеглаз скорчил глупейшую физиономию деревенского увальня.

Монти, который тоже подметил знак Александра и очень обрадовался, принялся вдруг от всей души хохотать. За ним и Александр закатился смехом. Все трое чувствовали себя мальчишками, которые удачно натянули нос врагу. Тюремщики возмущенно косились на трех развеселых арестантов.

- Вот погодите, бандиты, сейчас придет самый главный начальник, полковник Орланди, он вам покажет пение с музыкой! - пригрозил один из них.

И, как бы в ответ на его слова, открылась дверь, и вошел "главный начальник".

Взглянув на вошедшего, Пучеглаз и Александр остолбенели. Монти же, который сначала посмотрел с довольно безразличным любопытством, внезапно вздрогнул и тоже впился в него глазами.

"Главный начальник", рослый, статный, в красно-синем мундире полковника королевских войск, разговаривал с двумя сопровождавшими его младшими офицерами и не обратил внимания на арестованных. Один из молодых офицеров был тот самый лейтенант, который задержал "маляров" и после захватил в доме Мерлино Александра Есипова. Очевидно, теперь ему предстояло быть свидетелем.

Полковник левой рукой взял у писца какие-то бумаги, неторопливо, тоже левой рукой, отстегнул саблю от пояса и только после этого взглянул на арестованных.

Он застыл. Но в следующее мгновение буйное, безудержное торжество загорелось у него в глазах, растянуло до ушей сухой рот, а пальцы, только что деловито перебиравшие бумаги, пустились в развеселый пляс. Полковник не торопился. Минута, две минуты, три, пять минут протекли, а он и не думал приступать к допросу. Он с наслаждением смотрел на Александра, и Александр ясно читал в этом взгляде свою судьбу. Вот когда

Датто утолит свою ненависть, рассчитается с ним за Лючию!

Наконец полковник заговорил.

- Вы присутствуете, тененте, при встрече старых знакомых, - сказал он совершенно счастливым голосом. - Это люди действительно из банды Галубардо, как они его называют. И вероятно, здесь, в Палермо, они появились неспроста. Мы это скоро выясним. Признаюсь, тененте, когда вы доложили мне, что пойманы три лазутчика Гарибальди, я вам не слишком поверил. Думал, очередная утка, из тех, к которым так склонен наш милейший синьор Манискалько. И вот вынужден теперь принести вам свои извинения...

- Что вы, помилуйте, полковник Орланди! - пробормотал польщенный лейтенант.

Пучеглаз крякнул.

- Ну, амиго, теперь я сам вижу, насколько выгоднее служить королю, заявил он самым серьезным тоном. - Подумать только: не прошло и недели, как этот вот раззолоченный левша был у нас капитаном Датто, а теперь гляди - полковник Орланди! Тут поневоле задумаешься, а не перейти ли и впрямь на службу к королю? Вдруг меня из сержанта Пучеглаза сразу пожалуют в герцоги Сфорца!

Покрасневший Датто сделал вид, что ничего не слышал. Он рылся в бумагах. Зато лейтенант, видимо, чувствовал себя как на иголках и беспокойно ерзал на своем месте.

Пучеглаз, как и Александр, понимал, что встреча с Датто здесь, в Палермо, означает для него и для обоих его товарищей конец, и конец без сомнения мучительный. Вон каким змеиным взглядом смотрит левша на синьора Алессандро... Но ни за что на свете не дал бы Пучеглаз врагу насладиться хотя бы минутой их слабости. Вот он и сыпал едкими остротами, а сам поглядывал на друзей: как они, не приуныли?

Однако Лоренцо мог быть спокоен: ни Александр, ни Марко Монти не выказывали и тени беспокойства. А Марко как будто рвался тоже что-то высказать.

- Ух, какой важный мундир! - с восторгом говорил Пучеглаз. - Сколько золота! Какие пуговицы, точно жар горят! Ради одного такого мундира, чтобы только покрасоваться в нем перед девушками, пойдешь и на подлость, и на измену! Конечно, бывает и так: заработаешь себе изменой мундир, а и он не поможет: не желает девушка с тобой знаться, и уж тут, сколько бы ни было у тебя золота, повернется она к тебе спиной...

Это был удар по самому больному месту.

Датто передернулся, махнул рукой тюремщикам:

- Ну-ка, заткните глотку этому весельчаку! Слишком уж он разговорился!

Оба тюремщика, хорошо знающие свое дело, мигом набросились на Пучеглаза, повалили его и засунули в рот что-то вроде кляпа.

- Какая подлость! - с отвращением сказал Александр. - Пользоваться тем, что человек безоружен...

Тюремщики тотчас бросили Пучеглаза и устремились к нему.

- Этого оставьте, - приказал Датто-Орланди. - С ним я сам побеседую.

Он обратился к офицерам:

- Мне известны двое из этих людей - вот этот крикун и задира, который лежит, по прозвищу Пучеглаз, и самый молодой, но и самый опасный русский. Третьего, бородатого, я не знаю.

- Ошибаетесь, синьор левша, - раздался вдруг голос "бордатого" Марко Монти. - Мы с вами старые знакомые.

Датто нахмурился:

- Что ты за вздор городишь? Я тебя и в глаза никогда не видел.

- Может, вы меня и не помните, синьор левша, да я-то вас хорошо запомнил, на всю мою жизнь, - продолжал Марко Монти. Он хлопнул себя по коленке. - И как это я сразу не догадался, дурак этакий! Слышу, кругом говорят: "левша", "левша", а мне и невдомек, что это тот самый левша, которого я давно заметил!

Лицо Марко Монти оживилось, порозовело.

- Ну-ка, синьор, пошевелите мозгами да постарайтесь припомнить, где мы с вами встречались. Нет, не можете? Ну, тогда я сам вам скажу...

Тут Монти сделал такой жест, словно приглашал всех присутствующих послушать и подивиться тому, что он сейчас расскажет.

- Вот мой друг Пучеглаз, которому вы заткнули рот, сказал, будто полковничий мундир и золото дают за измену, - снова начал Монти. - Это святая правда. Я своими ушами слышал, что вы свое золото и нашивки получили за то, что предали честного, знаменитого в народе человека. Хотите знать, как и где это было? - Монти подвинулся ближе к Датто, и тюремщики тотчас же схватили его за плечи. - Да не хватайте меня, я хочу только сказать несколько слов вашему начальнику, - отмахнулся от них Монти.

Датто сделал знак, чтоб его не трогали.

- Вам, синьор, хорошо знакома дорожка в тюрьму Сан-Микеле в Риме. Вы там частенько бывали у коменданта и привозили ему новых жильцов. А я тогда был арестант-смертник, я столярил в квартире коменданта, и он меня ничуть не стеснялся: ведь меня должны были повесить - стало быть,

сора из дому я бы не вынес... Ну, комендант и говорил при мне: "И ловкая же каналья, этот племянник кардинала, Орлани: служит и нашим и гарибальдийцам, сумел втереться и к тем и к этим в доверие". А однажды, когда я клеил в кабинете старое кресло, вы явились. Комендант вас спрашивает: "Небось неплохую награду вы получили за Пелуццо?" А вы засмеялись тогда и сказали: "Недурную. И вам что-нибудь перепадет, синьор команданте, если вы устережете до казни этого Пелуццо". Тут комендант стал говорить, что поставил в камере Пелуццо новые решетки, и вы обещали, что доложите о его усердии...

Марко Монти замолчал, задохнувшись от непривычно длинной речи.

В комнате наступила тишина. Тюремщики и офицеры боялись поднять глаза на Датто-Орланди, который сидел темный как ночь и машинально рвал на мелкие клочки лежащие перед ним бумаги.

Пучеглаз, лежа на полу с заткнутым ртом, вдруг стал весь дергаться, точно его душил смех, и выделять в воздухе немислимые антраша ногами. Видно, его так и распирало от удовольствия и злой радости.

Александр с омерзением думал о Датто. Значит, это он обрек на смерть благородного, доброго Пелуццо, значит, у него вырвали они с Александринной добычу... Но тут его мысли, естественно, обратились к "Ангелу-Воителю", и он совершенно в них погрузился, так что даже забыл, где находится. Очнулся он только от хриплого голоса Датто-Орланди.

- Уведите этого бандита да закройте его хорошенько, - приказал он тюремщикам. - Это опасный преступник. Вы слышали, он сам только что сознался: в Риме его приговорили к повешению. Но я вспомнил - он бежал из тюрьмы и, как мне передавали, присоединился к шайке Гарибальди. Теперь он от нас не уйдет.

Тюремщики вывели безмятежно улыбающегося Монти.

Датто обратился к офицерам:

- Вы только что выслушали здесь целый поток черной клеветы. Это был настоящий бред тупого, неграмотного и, видимо, очень злобного типа. Наверное, он когда-то действительно видел меня у моего давнего приятеля коменданта тюрьмы Сан-Микеле в Риме. Но в его темном, неповоротливом мозгу невинная наша беседа приняла уродливый вид. Надеюсь, вы не приняли всерьез все, что он тут наговорил? - прямо спросил он обоих молодых лейтенантов.

Младший из них, тот, что арестовал Александра, залился краской до самых ушей. Вид у него был самый несчастный.

- О, синьор полковник... Разумеется, синьор полковник... Все в совершенном порядке, синьор полковник... - бормотал он, совсем

потерявшись.

Второй тоже мямлил что-то неразборчивое.

- А я вот всему, что слышал, верю. И не только верю, но готов сам под присягой утверждать, что человек этот говорил правду, а вы не только изменяете и предаете, но еще и лжете, лжете даже своим, - бесстрашно сказал Александр.

Датто обратил к нему перекошенное ненавистью лицо:

- Ты... ты хочешь, чтоб и тебе заткнули глотку? Я сам заткну ее тебе, но только не кляпом, а ножом!

Пересилив себя, он снова обратился к офицерам:

- Босьяк Гарибальди набирает в свои банды разноплеменный сброд! Этот русский, и у него в шайке есть еще товарищ такой же породы. Возможно, тот тоже пробрался в Палермо, и мы его скоро заполучим. Как вы думаете, синьоры, что привело этих русских из страны белых медведей к нам, в Италию? - Он изобразил на лице злую иронию. - Я, например, уверен, что все русские больны страстью к наживе. Они мечтали пограбить, поживиться чем-нибудь здесь, в Сицилии. Ведь Россия - огромная, скучная, нищенская страна...

Он не договорил. Александр одним прыжком очутился возле него и схватил его за горло.

- Не смеешь! Не смеешь так говорить о России, негодяй! Я тебе запрещаю! Я тебе зап...

Он с наслаждением видел под собой запрокинутое лицо Датто и его быстро багровеющие щеки.

Руки тюремщиков с трудом оторвали его от племянника кардинала.

- Увести! В одиночку! - донесся до него хриплый шепот Датто.

В эту ночь допрос не состоялся.

Не состоялся он и на следующий день. Только через два дня заключенных снова привели в ту же затхлую комнатенку, где их встретил уже не Датто, а желто-седой, насквозь пропитанный запахом черных крепких сигар старикашка. Старикашка стал их придирчиво допрашивать: почему, как и зачем они явились в Палермо, какое именно задание получили от Гарибальди, с кем были связаны в городе. Три заключенных с радостью убедились, что адвоката Мерлино не коснулись никакие подозрения: старикашка произносил его имя с большим почтением. Все трое вели себя при допросе одинаково: то есть ничего не отвечали или отвечали что-то никак не относящееся к делу. Например, Пучеглаз пресерьезно утверждал, что хотел навестить в Палермо могилу своей бабушки. Старикашка следовательно наконец потерял терпение и прочитал,

видимо, давно заготовленный приговор. Все трое арестованных, "лазутчики, подосланные пиратом Гарибальди", приговаривались к повешению ровно через двадцать четыре часа после объявления приговора. Заключенных развели по камерам. Александр лег на свой соломенный тюфяк, заложил руки под голову. Было утро, и в крохотном, забранном толстой решеткой окне ослепительно синел клочок неба.

Так, значит, конец? На минуту жалость к себе захлестнула Александра. И тут же он подумал об "Ангеле-Воителе": "Кабы она знала!"

Вошел один из давешних тюремщиков, принес вонючую чесночную похлебку, кусок хлеба.

- Я слышал, ты русский?

- Да.

- Холодно у вас?

- Холодно.

Тюремщик подошел ближе:

- Послушай, можешь ты сказать мне правду про Галубардо? Говорят, будто он хлопочет, чтоб всем беднякам хорошо жилось, чтоб все в Италии вздохнули свободно. Врут это или правду говорят?

- Правду, - отвечал Александр. - Я потому и пошел к нему, потому и сражался в его войсках. Знаешь, к нему собираются все, кто хочет свободы.

Тюремщик еще внимательнее посмотрел на него:

- И ты не жалеешь, что умрешь за Галубардо?

- Нет.

Тюремщик вздохнул:

- Я тебе верю, русский. Я принесу тебе чего-нибудь получше на обед.

Но Александр попросил его только об одном: дать ему чернил, перо и бумагу с конвертом и после отправить написанное по тому адресу, который будет на конверте. Тюремщик поклялся, что все выполнит.

Так Александр получил возможность писать. "Родная, бесценная Сашенька", - начал он, и сладкие, мучительные слезы пробились из самой глубины его сердца и потекли по совсем еще детским щекам.

43. "ТЫСЯЧА" ПОБЕЖДАЕТ

- О, почему, почему вы не послали меня с ними, дядя Джузеппе! Ведь я так просила вас отпустить меня! Вы меня слишком бережете, вы не даете мне настоящего дела. Разве я не понимаю, зачем вы завалили меня разными документами и списками бойцов и назвали меня своим секретарем? Это все, чтобы не пустить меня в бой. Я бежала из дому, чтобы сражаться за Италию, а вы держите меня на привязи! Вы отправили обоих русских и даже не сказали мне. А я так хотела бы пойти с ними...

Лючия, с разгоревшимися щеками, со слезами возмущения на глазах, подступала к Гарибальди.

- Каждый из них выполняет свое поручение, дочурка, - серьезно сказал ей Гарибальди. - Отправить тебя с тем, о ком ты думаешь, я не мог: у него и его товарищей было важное дело, и ты могла им только помешать. И потом, я отвечаю за тебя перед твоим отцом. Что я скажу, если с тобой что-нибудь случится? И ты напрасно думаешь, что я взял тебя к себе в секретари просто так, для виду. Твоя работа мне очень нужна, да и всем нашим бойцам тоже. И потом, успокойся: твой русский и его товарищи должны скоро вернуться.

Но они не вернулись. Александр Есипов и два его товарища были заперты в палермской тюрьме и ждали казни, а Мечников, тяжело раненный, лежал без сознания у построенных им укреплений. Ему предстояло всю жизнь носить след этого ранения, полученного в сражении за далекую страну.

Между тем приближался штурм Палермо.

Ланди обещал Франциску II в ближайшие дни покончить с "бандитами" Гарибальди, а самого их предводителя захватить в плен. Навстречу приближающимся к Палермо гарибальдийцам бурбонцы двинули крупные силы. Сицилийским партизанам удалось сообщить Гарибальди, что против него идет десятитысячная армия, да и в городе осталось тоже тысяч пятнадцать солдат и офицеров.

Двадцать четвертого мая бурбонцы вышли на дорогу близ Парко. Это было именно то, чего хотел Гарибальди. Его план был таков: отвлечь от города главные силы неприятеля, притворным отступлением одной части своего войска отвести бурбонцев подальше от Палермо, а самому с другой частью штурмовать столицу Сицилии, где ему помогут партизаны.

План этот блестяще удался. Первое столкновение войск Гарибальди с бурбонцами произошло возле Парко. Это был жестокий многочасовой бой в горах, продолжавшийся от зари до ночи. Положение гарибальдийцев казалось безнадежным - против них было десять тысяч хорошо вооруженного и обученного войска.

Под натиском этого войска гарибальдийцы оставили Парко. Отступление не смутило Гарибальди - оно входило в его план. Вот что он писал: "Немедленно отправив пушки и обоз по главной дороге, я с ротой Каироли и отрядом партизан вышел навстречу второй неприятельской колонне, пытавшейся перерезать мне путь. Наш маневр оказался на редкость удачным - короткой перестрелкой я остановил неприятеля".

Бойцы Гарибальди изнемогали от усталости, а еще больше от того, что

видели свое поражение. Но их вождь сохранял полное спокойствие. Лишь бы дождаться темноты! Лишь бы генерал Боско уверился в своей победе и прекратил с наступлением ночи бой!

Гарибальди угадал: Боско, солдаты которого тоже бились из последних сил, увидел, что темнеет, и приказал прекратить военные действия до следующего утра.

Только это и надо было Гарибальди.

В продолжение всей ночи гарибальдийцы быстро и неслышно уходили. У Пиано-де-Гречи Гарибальди дал им несколько часов отдыха, а потом продолжал отступление. Когда его волонтеры дошли до места, где корлеонская дорога раздваивается, Гарибальди вызвал к себе полковника Орсини и, дав ему роту стрелков, обоз и четыре пушки, приказал продолжать отступление до Корлеоне, а если понадобится, то и дальше, чтобы отвлечь на себя главные силы врага.

Сам же Гарибальди с большей частью своих бойцов двинулся влево от дороги по направлению к небольшому красивому городку Маринео, лежащему за цепью гор. Возле этого городка, в лесу, Гарибальди снова устроил привал для своих смертельно усталых людей. Лючия, лежавшая под раскидистым деревом, не могла заснуть от раскатов канонады. Точно гроза гуляла в горах. Это бурбонцы громили "остатки банд пирата Гарибальди", как писали в своих донесениях генералы Франциска II. Они не догадывались, что Гарибальди уже находится по другую сторону горной цепи и подходит к Палермо. Одна колонна бурбонцев наступала на Калатафими, другая преследовала полковника Орсини, который делал вид, что бежит в величайшей панике. Партизаны, переодетые крестьянами и крестьянками, то и дело доносили королевским офицерам, что дорога на Корлеоне завалена брошенными повозками, оружием, лафетами, что гарибальдийцы бегут. Боско сообщил в Палермо: "Гарибальди бежит. Скрывается в горах. Скоро он будет в наших руках".

А Гарибальди, одурачив таким образом противника, уже был у самого Палермо, в монастыре Джибильроссе, куда собрались главные силы сицилийских партизан.

Здесь, у монастыря, Гарибальди сделал смотр своему отряду. Он сказал людям:

- Завтра я буду в Палермо, или меня не будет в живых.

От его основной "тысячи" теперь оставалось совсем немного. Многие были убиты и ранены, другие отступали вместе с Орсини по корлеонской дороге. Гарибальди понимал, что при такой малочисленности войска он сможет победить только неожиданным нападением.

Двадцать шестого мая, в сумерках, гарибальдийцы небольшими группами начали спускаться к городу с восточной стороны. Было известно, что у Адмиралтейского моста через реку Оретус дежурят большие сторожевые отряды. Однако разведчики, которые бесшумно подползли к солдатам, донесли, что почти все солдаты дремлют и никто не ожидает нападения. Гарибальди уже начал надеяться на легкую победу, но подвели сицилийские пиччиотти, то есть еще необстрелянные и недисциплинированные группы, влившиеся в гарибальдийские отряды. Едва завидев вдали Палермо, они пришли в неистовый восторг, начали стрелять и оглушительно кричать:

- Viva l'Italia! Viva Garibaldi!

Стража проснулась, подняла тревогу. Бурбонцы приняли партизан в штыки, и те на первых порах растерялись. Но тут старые бойцы Гарибальди подоспели им на помощь. Адмиралтейский мост был взят.

Однако это не была еще окончательная победа. "Ключом города" считались ворота Термини.

Близ ворот снова завязался жестокий бой. У бурбонцев были свежие силы, они не совершали тяжелых переходов по горам, они не существовали впроголодь и не воевали почти голыми руками, как гарибальдийцы. И все-таки "заколдованные рубашки" побеждали - у них было то, чего не было у королевских солдат: вера в свое дело, надежда спасти Италию и добиться свободы. Адвокат Мерлино, послушный письму Гарибальди, собрал патриотов и при первых же выстрелах ударил в набат. Повстанцы высыпали на улицы и начали спешно строить баррикады и оцеплять самые опорные здания города. Многие солдаты короля оказались осажденными в своих казармах. Кроме того, повстанцы заняли арсенал. А в это время бойцы Гарибальди во главе со своим вождем штурмовали ворота Термини.

В шесть часов утра "тысяча" с победным кличем ворвалась в ворота. На главной улице города палермцы вывешивали красно-бело-зеленые флаги, валили фонари и сторожевые будки, тащили матрацы, кровати и возводили всюду баррикады. Уже пели на улицах гарибальдийский гимн:

Долой, уходи из Италии нашей,
Ступай, чужестранец, откуда пришел!

Гарибальди со своими бойцами завладел дворцом архиепископа, потом зданием суда. Здесь он решил сделать свой штаб, и Лючия со своими бумагами тотчас же расположилась в одной из комнат.

Все были в азарте от своего успеха, все бурно радовались победе, а девушка хоть и принимала участие в этом общем ликовании, но на сердце у нее было тяжело. Вот они в Палермо, они победители, а того, о ком она все

время думала, нет. По ее просьбе, Агюйяр узнавал, не появились ли Монти и Пучеглаз, нет ли хотя бы каких-нибудь слухов о них. Но никто их не видел и ничего о них не слышал.

Лючия сидела понурившись, грызя карандаш и глядя в окно, под которым уже развевался бело-зелено-красный флаг, когда в комнату вошел Гарибальди. Его длинные волосы разметались по плечам, глаза искрились, в руке он держал револьвер.

- Пиши, - сказал он Лючии. - Я продиктую тебе то, что я хочу сказать сицилийцам.

Лючия взяла карандаш и приготовилась писать, но глаз не могла оторвать от Гарибальди, так хорош он был в эту минуту.

- "Сицилийцы, - начал Гарибальди, - диктатор, генерал Гарибальди, именем его величества Виктора-Эммануила, короля Италии, вступил сегодня утром, двадцать седьмого мая, в Палермо и занял весь город. Все коммуны острова призываются к оружию и должны поспешить в столицу, чтобы упрочить нашу победу. Дано в Палермо, 27 мая 1860 года".

Лючия опустила карандаш.

- А вы окончательно уверены в победе? - посмела она спросить. - Ведь у бурбонцев арсенал, девять фрегатов, артиллерия. Сам Ланца еще здесь, он еще сидит в королевском дворце.

- Ланца недолго там просидит, - сказал Гарибальди. - Народ выкинет его оттуда.

Гарибальди оказался прав: королевский командующий генерал Ланца, у которого были корабли, арсенал, артиллерия, солдаты, так растерялся из-за неожиданного поражения, что даже и не думал выбивать гарибальдийцев из Палермо. Он засел во дворце и оттуда пытался связаться с Неаполем, где находился Франциск Бурбон: Ланца непременно хотел получить от короля инструкции, что ему делать дальше.

В самом городе отдельные кучки бурбонских солдат еще схватывались с гарибальдийцами, но главные районы и здания были уже в руках волонтеров.

Выстрелы мешались с песнями, смех - с криками боли и страха. Все было так же, как во всех освобожденных от тирании городах. Вдруг кто-то крикнул, что в форту Каstellамаре заперты лучшие люди Сицилии, что там уже давно томятся патриоты, которых арестовали Сальцано и Манискалько.

- В форт! Освободим патриотов! - загорелись гарибальдийцы.

Несколько человек сразу устремились к форту. По дороге к ним присоединялись еще и еще люди - всем хотелось принять участие в

благородном деле. У форта Кастелламаре собралась огромная толпа.

- Свободу патриотам! Долой замки и решетки! Долой навсегда Бурбонов! - кричали осаждающие.

Перепуганный гарнизон отступил. Гарибальдийцы и их добровольные помощники принялись таранить какой-то железной кувалдой ворота форта, сбивать ружейными прикладами замки. Но ворота были крепостные - железные, непробойные, в железных же шипах. По ним били, а они отзывались только глухим звоном и никак не поддавались. Чем труднее было их пробить или сорвать с петель, тем все больше входил в азарт собравшийся народ.

- Потерпите, братья! Скоро вы будете на свободе, друзья! Мы пришли вас освободить! Свобода! Свобода! - кричали из толпы, как будто узники сквозь стены могли слышать эти ободряющие, дружеские голоса.

Вдруг послышались выстрелы, и два или три человека, возившиеся с замками, упали. Из-за угла форта появились бурбонские солдаты, которых вел статный офицер с красивым и характерным лицом. В левой руке офицер держал револьвер и непрерывно стрелял в толпу у тюрьмы, выбирая гарибальдийцев, заметных по своим красным рубашкам.

- Вперед! Разогнать этот сброд! - скомандовал он.

Солдаты бросились на атакующих. Завязался бой. Кое-кто из жителей, не выдержав схватки, побежал. Между тем одному из гарибальдийцев удалось пробить замок на воротах, и они вдруг распахнулись. Атакующие и бурбонцы хлынули во двор форта. Одни старались пробиться внутрь здания, к камерам, чтобы выпустить заключенных, другие - помешать в этом деле. Бурбонский офицер продолжал стрелять, по-прежнему выбирая свои жертвы среди красных рубашек.

Но вот атакующие пробились внутрь казематов. Схватка докатилась до узких каменных коридоров. Теперь бились у самых дверей камер, у каждого замка. Весь форт уже знал, что пришли освободители и теперь сражаются с бурбонцами за свободу узников. Из-за дверей казематов неслись подбадривающие гарибальдийцев крики:

- Бей бурбонцев! Долой тиранов!

- Скорее сбейте замки, мы будем сражаться вместе с вами!

- Долой Франциска!

- Да здравствует Гарибальди, наш освободитель!

В то время, как в Кастелламаре шел бой, на другом конце Палермо, в здание суда, где обосновался штаб Гарибальди, вбежал задыхающийся, растрепанный мальчуган с лохматой собакой на ремне.

- Генерал Галубардо здесь? - еле дыша от быстрого бега, обратился он

к часовому.

Тот подозрительно на него покосился:

- А тебе он зачем?

- Нужен, - кратко отвечал мальчуган. - Ну, так здесь он? Да говори скорей, а то время идет!

- А тебе что, очень некогда, полента подгорит? - насмешливо справился часовой.

- О, мул несчастный! - с сердцем выговорил мальчуган и вдруг молнией, как ящерица, проскользнул у часового под рукой и кинулся вместе со своей собакой к лестнице.

- Стой! Стрелять буду! - завопил часовой.

- Стреляй! - сердито отозвался мальчишка. - Стреляй, Марио, если ты так глуп, что не узнаешь своих! - И с этими словами мальчишка и собака исчезли за поворотом лестницы.

Часовой Марио растерянно глядел вверх.

- Гм, видать, парень правду сказал... Кажется, и впрямь я видел его где-то. Никак, у Вито, а может, и в Парко. И собаку его видел, клянусь святым Джузеппе! Но куда это его несет? И зачем ему так срочно понадобился генерал?

А мальчишка уже бежал по верхней галерее суда, понукая собаку:

- Ищи, Ирсуто, ищи, миленький! Генерала ищи, понимаешь? Генерала Галубардо. Скорее, скорее, Ирсуто!

Ирсуто, словно понимая волнение хозяина, яростно тянул его в глубь коридора. Но вот пес остановился у закрытой двери, оглянулся на Луку и засопел.

- Здесь? Галубардо здесь? - Лука перевел дыхание и осторожно постучал.

- Войдите! - отозвался женский голос.

- Ох, Ирсуто, ты ошибся! - с упреком сказал Лука, но все-таки толкнул дверь. Ирсуто бросился в комнату, увлекая за собой мальчика.

Одним прыжком Лохматый перемахнул комнату и облапил юношу, сидевшего у стола спиной к двери. От неожиданности тот выронил бутылку чернил, которую держал в руках, и грязно-белая шерсть Ирсуто вмиг окрасилась в великолепный черный цвет. Однако ни Ирсуто, ни юношу это не остановило, и на глазах пораженного Луки они продолжали жарко обниматься.

- Ирсуто, собачка, как я рада! Лука, как хорошо, что ты здесь! А я уже так тревожилась! - лепетал юноша, уже вымазанный с ног до головы чернилами не меньше, чем Лохматый.

- Ох, да это ты, Лючия! - наконец-то узнал Лука и схватил ее за руку. - Где Галубардо? Он мне очень нужен! И чем скорее, тем лучше!

- Уехал с офицерами в порт, - отвечала Лючия и тотчас же затормошила мальчика: - Где ты пропадал? Не знаешь ли чего о синьоре Алессандро? Я прямо извелась - ведь ни о нем, ни о Пучеглазе с Монти до сих пор нет никаких известий. А где твой синьор Леоне? - спросила она наконец.

У мальчика сразу задрожали губы, и Лючия испугалась.

- Что, погиб? Говори, говори скорей!

- Жив, но сильно ранен, - торопливо отвечал Лука. - Я тебе после все расскажу, а сейчас мне надо бежать. Если нет Галубардо, я сам как-нибудь постараюсь пробраться в форт.

- В форт? Но зачем тебе в Каstellамаре? - удивилась девушка.

- Да там же все наши сидят... Я видел через решетку их всех. А еще раньше их увидел Ирсуто, - все такой же скороговоркой объяснял Лука.

- Наши? Их увидел Ирсуто? Да какие же наши? Волонтеры? - все еще не понимала Лючия.

Лука потерял терпение.

- О мадонна, какие бестолковые эти женщины! Ну, я тебе все после расскажу. А сейчас побегу... Ведь синьор Алессандро и Лоренцо видели меня тоже и, наверное, ждут, что я приведу помощь...

Мальчик побежал к двери, и за ним следовал выпачканный в чернилах Ирсуто. Только тут Лючия вышла из своего оцепенения и кинулась к Луке:

- Постой! Я иду с тобой! Я только сейчас поняла - синьор Алессандро и двое остальных здесь, в форту... - Она отбросила пачку каких-то бумаг и схватила широкий сицилийский нож. - Как ужасно, что нет генерала! А ты вправду их видел? - допрашивала она мальчика. - Может, их уже казнили?

Вместо ответа мальчик поцеловал скрещенные пальцы обеих рук, и Лючия немного успокоилась.

Они выбежали на улицу, Ирсуто - за ними. Откуда-то еще доносилась ружейная пальба, но улицы были уже запружены ликующими людьми. Проходивших гарибальдийцев окружали, обнимали, кричали им слова благодарности и приветов:

- Да здравствует единая Италия! Да здравствует наш герой Гарибальди!

Мальчик и девушка еле пробирались сквозь праздничную толпу.

По дороге Лука успел рассказать Лючии, что Мечников был сильно ранен разорвавшимся снарядом и долго пролежал без сознания на земле, пока его не нашел он, Лука. Его перенесли в абруцкую хижину. Лука

думал, что его офицер не проживет и ночи. Однако, к великой радости пастушонка, Мечников очнулся, попросил, чтоб его перенесли в госпиталь, и приказал Луке непременно найти Александра или Пучеглаза и сообщить им, что он ранен. Лука не хотел уходить, он все еще не был уверен, выживет ли его уфициале, но Мечников решительно прогнал его от себя.

- Я и пошел и добрался до Палермо, когда наши уже были в городе. Ирсуто, конечно, тоже со мной. Вот мы идем с ним по окраине и проходим мимо какого-то не то замка, не то монастыря. Стены толстые, высоченные. И вдруг мой Ирсуто как завизжит! Как затанцует! - с увлечением рассказывал Лука. - Ну, я, конечно, удивился: кого это так приветствует мой песик? Оглядываюсь во все стороны, слышу - кто-то тихонько подсвистывает. Задрал голову, а в стене, над самой моей головой, - оконце за решеткой. И оттуда, кто бы ты думала, глядит? Оттуда глядят на меня и на Ирсуто и машут мне и улыбаются наши - Пучеглаз и Монти. А рядом еще такое же оконце, и там виднеется голова синьора Алессандро. Он-то меня не видел, зато Пучеглаз тотчас заметил и принялся свистеть Ирсуто.

Лючия с замиранием сердца слушала этот рассказ. Значит, Алессандро здесь, близко. Значит, может, еще сегодня она его увидит...

44. КЛИНОК ВРАГА

Раздался страшный грохот, и снаряд ударил в стену дома в нескольких шагах от Лючии и Луки. Стена рухнула, точно дом был картонный. Тучи известки поднялись к небу и мельчайшим едким туманом окутали улицу. Послышались отчаянные вопли: "Стелла! Стелла!" Толпа мгновенно собралась возле какого-то сарая и с ужасом смотрела на разрушения.

- Убийцы! Убийцы! - вопил женский голос.

Снова грохот - и новый снаряд разорвался где-то на соседней улице. Это по приказу Ланца корабли бурбонцев бомбардировали город, перешедший в руки "пирата" Гарибальди. Ланца велел не щадить мирных жителей. За один день его корабли обрушили на Палермо две тысячи бомб, три тысячи ядер и зажигательных ракет.

Крепко взявшись за руки, мальчик и девушка бежали по городу, и рядом с ними бежал, прижав уши, Ирсуто. Собака понимала, что происходит что-то страшное, и, наверное, боялась и выстрелов и пожаров, но она видела, что ее хозяин продолжает бежать вперед, и ни на шаг от него не отставала. То и дело им приходилось искать обходных путей, потому что дорогу завалили камни или вдруг перед ними вставал горящий дом. Лука не смотрел на девушку, но чувствовал, как леденеет ее рука. Несколько раз он пробовал ее отговорить:

- Послушай, вернись... Ведь опасно. Не ходи со мной. Вдруг еще тебя

убьют...

В ответ Лючия только качала головой.

Одна улица, другая, третья... Бомбы визжат, твякают, воют, ревут басом... Известковая пыль забирается в ноздри, в легкие, трудно дышать. Вопли задавленных и раненых раздирают сердце. Вперед, вперед, не думать, не оглядываться!..

Вот наконец показались темные, покрытые зеленоватым налетом сырости стены форта Каstellамаре. Здесь нет таких разрушений, такого оглушительного грохота; видно, сюда корабли не целят, не направляют свой огонь. Но и здесь, где-то в самом форте, раздается ружейная пальба. Лука и Лючия огибают стены, бегом приближаются к воротам и видят, что ворота эти распахнуты настежь. Открыты и внутренние двери, во дворе.

- Что это? Почему все открыто? - бормочет сквозь зубы Лука.

Смутная тревога охватывает мальчика. Настежь открытый форт - в этом есть что-то странное! Ловушка? Ведь два часа назад он проходил здесь с Ирсуто и ворота были наглухо закрыты. Что же случилось?!

- Ступай за мной! - бросает он Лючии и устремляется с неизменным Ирсуто во двор.

Во дворе настоящее поле боя: повсюду лежат раненые и убитые. Лука видит красные рубашки гарибальдийцев и сине-красные мундиры королевских солдат. А там, впереди, что-то происходит. Все громче выстрелы, и можно различить уже крики, доносящиеся из глубины тюрьмы.

- Скорее! Скорее! - торопит Лука девушку и крепче сжимает ее руку.

Сейчас Лука отвечает за безопасность Лючии, он ее защитник и единственная опора. И от этой мысли он сразу чувствует себя сильнее и взрослее, он ничего не боится и смело вбегает в двери форта.

Форт ходит ходуном. Под сводчатым коридором, десятикратно усиленные эхом, грохочут выстрелы. Бухают, как снаряды, железные двери, в которые бьют чем-то тяжелым. Кричат и стучат кулаками и ногами узники. Кричат те, кто пришел их освободить, и те, кто хочет помешать освобождению. Возле каждой камеры водоворот, в котором мелькают красные рубахи и синие мундиры, озверелые лица, приклады, кулаки, ножи.

Гарибальдийцам и их помощникам уже удалось взломать несколько дверей, и узники, которые еще были в силах драться, сразу влились в этот водоворот и завертелись в нем. При виде запруженного дерущимися людьми здания Лука и Лючия застыли было на пороге, но тотчас же к ним подлетел здоровенный бурбонский солдат и ткнул Лючию прикладом к

грудь.

- Вот тебе, гарибальдийский щенок! Получай!

Лючия упала. Лука завизжал, выхватил свою саблю и бросился на бурбонца. За ним прыгнул и повис на враге хозяина Ирсуто. Нападение мальчика и собаки было так стремительно, что бурбонец не успел опомниться, как уже был весь искусан, исполосован саблей и позорно отступил, прикрываясь руками и вопя во все горло. Лука помог Лючии подняться.

- Больно он тебя? Стоять можешь?

Лючия не отвечала. Как во сне смотрела она на кипящую и бьющуюся толпу и видела, как в ней то появляется, то исчезает единственное на свете, самое дорогое лицо. Лука, удивленный ее молчанием, уставился туда же и вдруг вскрикнул не своим голосом:

- Наши! Синьор Алессандро! И Пучеглаз! И Монти! Свободны! Свободны!

Видно было, что Александр и двое его друзей пробиваются к дверям. Но все трое были безоружны, и водоворот всасывал их в себя и отбрасывал то к одному, то к другому краю коридора. Впрочем, Пучеглаз и голыми руками ухитрялся раздавать такие удары, что вокруг него то и дело валились сине-красные мундиры. Монти и Александр не отставали от него. У Монти был рассечен лоб и лицо залито кровью. Лука крикнул:

- Синьор Алессандро! Синьор Лоренцо! Сюда! Сюда, мы здесь!

Внезапно зарычал Ирсуто. Он рычал свирепо, он весь дрожал, и шерсть на нем встопорщилась. Весь вид собаки показывал, что она вот-вот кинется на давнего врага. Лука хотел оттащить Ирсуто и вдруг увидел в гуще сражающихся широкие брови и хищный горбатый нос. В давке трудно было стрелять, и Датто орудовал теперь коротким широким ножом. Нож то погружался в самую гущу человеческих тел, то выпрыгивал из нее, точно ядовитая серебристая рыба, и каждый раз в толпе кто-нибудь падал и уж не подымался.

- Левша! - закричал вне себя Лука. - Вон он, здесь!

Датто оглянулся, увидел мальчика и рядом с ним Лючию. Мгновенная судорога пробежала по его лицу. Он ринулся к ним, отбрасывая, валя всех на своем пути.

- А, теперь уж ты не уйдешь от меня, изменница!

- Алессандро, Алессандро, помогите! - в ужасе позвала Лючия.

Она все еще не верила себе, не верила, что ее любимый здесь, и все-таки инстинктивно звала именно его на помощь. Александр услышал. Он боролся с усатым бурбонским солдатом, стараясь вырвать у того ружье.

Солдат бил и бил его прикладом и все норовил повернуть ружье так, чтобы можно было выстрелить. Услышав голос Лючии, Александр сделал невероятное усилие, отшвырнул от себя солдата и бросился к девушке. Она припала к нему:

- Дорогой!..

- Э, нет, ты ее не получишь! - сказал над самым ухом Александра сдавленный голос.

В воздухе сверкнула ядовитая серебристая рыба. Клинок вошел между тонкими юношескими ребрами. Вошел глубоко и точно, Александр медленно падал.

Датто не смог вытащить свой нож: в руку ему впились клыки Ирсуто и ревуший, обезумевший от горя мальчик подкатился ему под ноги и стиснул их железным кольцом.

- Берите его! Держите его! - прохрипел Лука Пучеглазу и подбежавшим к нему гарибальдийцам.

45. ВИДЕНИЯ

Балконная дверь была приоткрыта. Перепутанные ветви роз, обвивавшие дом, заглядывали в комнату. Бархатным басом пел и жадно рылся в розовых лепестках толстый шмель. В белую стену дома напротив всей силой било солнце, и стена, если на нее взглянуть, ослепляла: хотелось смежить веки и посидеть в блаженной прохладной полутьме.

Там, за стенкой, кто-то уже несколько часов старательно и нудно играл одни и те же гаммы на рояле, и все это вместе - бархатистое, на одной ноте гудение шмеля, неподвижное пламя солнца на стене и низкие, монотонные звуки гаммы - сливалось в томительное ощущение зноя.

Лючия хотела было послать Луку, Пучеглаза или Монти к соседям, попросить, чтоб перестали играть - в доме умирающий, - но все трое еще на рассвете ушли в город, в здание штаба, где должен был происходить суд над бывшим капитаном гарибальдийского войска Энрико Датто. Председательствовал на суде сам генерал Гарибальди, в своей неизменной круглой шапочке и полосатом плаще. Его помощником был Сиртори, как всегда немногословный и суховатый.

Трех друзей вызвали на суд в качестве свидетелей. Свидетелем был Монти, который рассказал, как Датто предал Пелуццо, как он был у коменданта тюрьмы Сан-Микеле и о чем с ним говорил. Свидетелем был Пучеглаз: он рассказал Гарибальди и всем остальным членам суда, как вел себя Датто на телеграфе в Марсале и как хотел увести с собой пленного бурбонского "языка". И свидетелем был мальчик Лука Скабиони, впервые обнаруживший предателя на корабле, когда он сигнализировал в тумане, чтоб

корабли гарибальдийцев столкнулись и пошли ко дну. И еще Лука рассказал о пещере Францисканца и о том, как он проследил Датто и бурбонского офицера до самой пещеры, и о документах, обнаруженных в часовне.

И тогда Датто, или, вернее, Орланди Скиаффи, уличенный шпион и предатель, обмотанный бинтами, потому что рана его еще не зажила, поднялся с перекошенным ненавистью лицом и закричал трясущимися губами:

- Постыдились бы, проклятые пираты! Выставляете свидетелем мальчишку! Придаете значение его гнусной брехне! Видно, плохи ваши дела, синьор разбойничий генерал, если уж вы стали опираться на таких сопляков! - кинул он Гарибальди.

Лука, который до этой минуты держался тихо возле своих старших товарищей и только отвечал на вопросы, не вытерпел. Он взвизгнул не своим голосом и, если бы Пучеглаз не удержал его, бросился бы на Датто.

- Пустите меня! Пустите меня! Я его заставлю замолчать! Я ему заткну глотку, этому изменнику! - кричал он, отбиваясь. - Как он смеет оскорблять нашего Галубардо! Нашего святого героя Галубардо! Да что вы все смотрите на него? Прикончите его, чтоб он не пачкал своим грязным языком всех нас! - вопил он и извивался в крепких руках Пучеглаза.

Встал бледный, невозмутимый Сиртори. Он заговорил, и Лука замер, так и не освободясь от железных объятий Лоренцо.

Своим внушительным голосом Сиртори подтвердил показания Пучеглаза о поведении Датто на телеграфе; кроме того, эксперты-графологи установили, что письма и документы, найденные в пещере Францисканца, написаны тем же лицом, что и докладные записки Энрико Датто. Только одни писаны левой рукой, так как подсудимый левша, а другие - правой. Показания же мальчика Луки Скабиони вполне подтверждаются тем, что свидетельствовали Марко Монти и Лоренцо, по прозвищу Пучеглаз.

- Таким образом, Орланди Скиаффи - племянник папского ассессора Орлани, офицер короля Франциска Второго, действовавший под именем Энрико Датто, вполне изобличен и в том, что он предал одного из лучших сынов Италии Бруно Пелуццо, которого он помог арестовать и обрек на смерть, и как изменник родины и дела свободы. Обманом, под чужим именем, пробрался он в свободолюбивое наше войско, сражающееся за независимость и объединение всей Италии. Обманом втерся в доверие генерала Гарибальди и всего нашего офицерства. Он пользовался этим доверием для того, чтобы шпионить за нами, изменять нам, вести всех нас

к конечной гибели и разгрому. Орланди Скиаффи были ненавистны наши идеалы, он враг свободы и враг итальянского народа...

Тут Лука снова не выдержал и закричал:

- Вы забыли! Вы забыли, синьор полковник, еще одно: левша не только изменник и предатель, он еще и убийца! Он убил русского, хорошего, смелого, доброго синьора Алессандро! Он убил его подло, из мести, и теперь синьор Алессандро, такой ласковый, молодой, прекрасный синьор, умирает! Левша - подлый убийца! Я готов сам его убить, вот что!

- Да, высокочтимые судьи и синьоры уффициале, мальчик прав, выступил и Пучеглаз. Он немного ослабил свою хватку, и Лука вздохнул свободнее. - Изменник убил нашего большого друга, который вместе с нами сражался за свободу. Это надо помнить все время, синьоры!

Марко Монти сказал негромко:

- Он убийца, и его тоже надо убить.

- Нет, друзья, мы не забыли, мы ничего не забыли из преступлений этого человека, - раздался голос, на который все обернулись.

Говорил сам Гарибальди. Он сидел рядом с Сиртори в центре судейского стола и до сих пор не произнес еще ни слова. Сейчас он говорил и смотрел на Датто-Орланди, и преступник не выдержал его прямого, чистого взгляда и опустил голову.

- Этот человек подлежал бы смерти только за первое свое преступление - за предательство Бруно Пелуццо, - продолжал Гарибальди. Но он не только предал - он изменил своему народу и своей родине. И за это он вторично подлежит смерти. Но Датто, он же Орланди, еще убил, убил русского, который приехал к нам из своей огромной далекой страны для того, чтобы бороться за нас, за счастье всего нашего народа. Этот русский доставил мое письмо здешним патриотам, и они помогли нам справиться с бурбонцами. Русский при сражении в Калатафими показал себя настоящим героем. Русский разделял с вами наши лишения и наши опасности, он был отважным и благородным юношей! Русский был смертельно ранен, спасая нашу итальянскую девушку. За его жизнь Датто-Орланди в третий раз подлежит смерти.

Гарибальди величаво оглядел присутствующих.

- Я ничего не хочу решать без вас, братья. И я спрашиваю вас: какую кару заслужил этот человек?

- Смерть, - первым откликнулся Марко Монти.

- Смерть, - в один голос сказали Пучеглаз и Лука.

- Смерть, - подтвердили Сиртори, Биксио, Орсини и другие офицеры.

- Ты слышал, что решили люди? - обратился Гарибальди к

преступнику. Мы могли бы повесить тебя - так поступают со всеми предателями и убийцами, но мы хотим быть человечными до конца, и поэтому я, с согласия моих товарищей, приговариваю тебя к расстрелу.

- Исполнение приговора назначается на сегодня, ровно в полдень, прибавил Сиртори.

Все смотрели на Датто. Не скажет ли он хоть слово в свое оправдание, не попросит ли его помиловать, не раскается ли в содеянном?

Но Датто только побледнел как полотно, скривил рот и закричал каким-то заячьим голосом:

- Разбойники! Пираты! Вы еще ответите за это! Король накормит вами своих собак! Вы еще...

- Уведите его! - сказал страже Гарибальди.

И Датто, орущего, изрыгающего проклятия, почти вынесли на руках из зала суда.

* * *

Полдень. На колокольнях разными голосами говорят колокола: то густыми, как мед, то старчески дребезжащими, то разбитными и бойкими, точно кумушки в воскресный день. Лючия выходит на балкон и на минуту закрывает глаза - солнце обжигает ей лицо. Жар обрушивается на ее похудевшие плечи. Вот последний удар колокола - самого тяжелого, грозного, - и тотчас раздается сухой ружейный залп. Словно порох где-то подожгли. Лючия вздрагивает. Секунду она стоит, прислушиваясь. Все ее напряженное существо будто ждет еще чего-то. Но уже снова стоит тишина, и слышно, как жужжит зеленая муха, запутавшаяся в ранней паутине.

Лючия знает: только что, сию минуту, расстрелян Датто. Уже успел прибежать из суда и все рассказать Лука. Датто перед расстрелом плакал, валялся в ногах у Сиртори и молил сохранить ему жизнь. Так, на коленях, он, наверное, и принял смерть...

Мальчик, рассказывая, был полон мстительной радости: наконец-то Датто наказан за все свои преступления! Сам генерал Галубардо сказал, что он заслужил казнь!

Лука думал, что Лючия обрадуется смерти своего преследователя и убийцы Александра, но Лючия молча, с неподвижным лицом выслушала его и снова вернулась в дом. Ее не трогали сейчас ни казнь Датто, ни даже то, что Гарибальди - победитель, что он стал диктатором Палермо, что по его приказу населению продают дешевый хлеб и люди впервые за много лет поют и веселятся на улицах.

Все, все стало ей безразличным, кроме этой выбеленной прохладно-

сумеречной комнаты, где на широкой деревянной кровати разметался, разбросал простыни юноша со спутанными волосами и блестящими, ничего не видящими глазами. Нет, он видел, но не Лючию, не ее нежные руки, подносившие ему питье, ледяные компрессы на лоб, а что-то свое, далекое. И все время он говорил, шептал по-русски. О чем-то просил, кого-то убеждал, быстро, без умолку, как будто хотел в эти последние остающиеся ему часы наговориться, наговориться всласть за всю жизнь.

Ах, как мечтала Лючия понять незнакомый северный язык, на котором говорил ее любимый! Только одно она понимала: когда Александр звал ту женщину с золотыми волосами. Это она твердо знала по выражению его лица, вдруг делающегося смиренным и страстным, по его молящему шепоту.

- Я ведь ни о чем не прошу... - шептал он. - Сашенька, ангел мой, а только одного хочу: быть подле вас, защищать вас, заботиться, быть вам опорой. И ваша рука чтоб была рядом... Нет, нет я не стану целовать, не бойтесь, мне бы только прохладу почувствовать. Ах, какая у вас нежная, прохладная рука... Прижаться бы к ней лбом, очень у меня лоб болит, говорил он вдруг жалобно, как маленький.

И Лючия сама готова была разрыдаться от этого жалобного голоса.

Иногда, вперив глаза в выбеленную стену, он воображал себя среди русских снегов, разговаривал с няней Василисой или с Мечниковым.

- Какой морозец славный! - говорил он, быстро перебирая руками простыню. - А снегу-то сколько навалило! Нет, няня, не три мне щеки, мне и так жарко. Давай лучше на санках... Эх, полетели, голубчики! Ты знаешь, Левушка, я быстрый, я все умею. И ты, пожалуйста, не смейся надо мной. Ты мне все пиши, а я буду старый и буду читать и радоваться...

И впервые в жизни он разговаривал с отцом так, как всегда мечтал, серьезно, доброжелательно, твердо:

- Нельзя, нельзя быть таким жестоким, топ реге. Люди хотят ласки, доброты. Все мы рождаемся свободными, счастливыми и только сами делаем наш мир тягостным и жестоким. Я вас прошу, батюшка, будьте ласковы к людям, ну, вот хоть к Никифору. И бумагу ему дайте, ту самую, пускай он тоже будет свободным... А уж я вас так любить буду, так почитать...

Вдруг он вскочил, прислушался:

- Едет! Она едет! Она сейчас будет здесь! - Пospешно и лихорадочно он начал приглаживать волосы, застегивать рубашку у ворота. - Она сейчас войдет! - повторял он.

Лючия, не понимавшая слов, сразу поняла, кого он ждет. В самом деле,

залаял Ирсуто, и у дома остановилась коляска. Своей уверенностью Александр заразил даже девушку. Она задрожала и, сев у постели Александра, не сводила глаз с двери.

Вот на лестнице послышались шаги. Кто-то подымался. Все ближе, ближе... Лючия не выдержала, вскочила, подбежала к двери. И в ту же минуту дверь отворилась, и на пороге встал Гарибальди.

Он не заметил смятения, вызванного его приходом. Генерал был бледен и хмур. Усталые морщины перерезали его лоб. Он бросил быстрый взгляд на Лючию:

- Ты уже знаешь?

Девушка кивнула.

- И... не жалеешь о нем?

- О предателях не жалеют, - отвечала Лючия.

- Даже умереть не сумел достойно! - с отвращением вымолвил Гарибальди.

Он подошел к постели. Ему сразу бросились в глаза темные тени на веках Александра, его влажные волосы. Гарибальди столько раз видел на своем веку умирающих, что никогда не ошибался.

- А, это вы, генерал? - сказал вдруг ясным голосом и по-итальянски Александр, подавая руку. - Очень рад и польщен... Я ведь вас очень люблю, генерал, и очень горжусь, что иду рядом с вами... Но девочка, девочка... Он сморщился. - Как это ужасно - такой ребенок, и его зарезали! Зачем вы это допустили, генерал?.. Да, я совсем было забыл, - спохватился он и продолжал уже по-русски: - Сашенька, позвольте вам представить генерала Гарибальди. Ах да, я, кажется, ошибся, ведь вы же давно знакомы. - Он беспомощно уставился на Гарибальди.

- Кого это он зовет? - повернулся к Лючии Гарибальди.

- Женщину, которую любит, - отвечала Лючия.

- Как, разве не тебя он любит?

Лючия молча покачала головой.

- Сейчас это уже не имеет значения, - сказала она.

Гарибальди долго, молча смотрел то на нее, то на Александра. Потом спросил:

- Что сказал доктор?

- Что он не доживет до ночи.

Он снова помолчал.

- Ты останешься здесь, Лючия?

- Здесь.

Гарибальди поднялся. Он был печален и торжествен.

- Спасибо тебе, русский, за то, что ты пришел к нам и отдал за нас свою жизнь, - сказал он и низко склонился над Александром, как будто отдавал ему воинские почести.

Но Александр его уже не услышал.

46. ПИСЬМА "АНГЕЛУ-ВОИТЕЛЮ"

Их подали Александре Николаевне к утреннему кофе. Слуга сказал, что на рассвете их принес запыленный мальчишка-пастушонок, который пришел с лохматой собакой и ушел, так и не назвавшись.

Валерий Иванович, раздушенный, побритый, с лососево-розовыми щеками, покосился из-за газетного листа:

- Откуда?

- Не знаю. Ты же слышал: посланный не сказался, - отвечала Александра Николаевна. Она осмотрела оба конверта и прибавила: - Рука совершенно незнакомая.

"Ангел-Воитель" лукавила: один почерк, женственный, мелкий, тонкий, совершенно непохожий на своего владельца, был ей хорошо знаком. Так писал только Гарибальди. Наверное, это ответ на ее письмо, тоже посланное с оказией. На втором конверте почерк, правда, совсем ей неизвестен. Однако тотчас вскрывать письма Александра Николаевна не стала. Какое-то смутное чувство подсказывало ей, что оба письма надо читать, когда она останется одна.

Валерий Иванович скомкал газету.

- Опять твои секретные корреспонденты?! Смотри, матушка, доведешь ты и себя и меня до беды! Эти твои увлечения могут дорого мне обойтись! Нынче твой Гарибальди - победитель, герой, а завтра его поймут и вздернут на веревку. И тех, кто с ним был в переписке, тоже потянут к ответу.

- Ах, оставь, Валерий! - протянула, нахмурясь, Александра Николаевна. - Никогда мы в этом друг друга не пойдем...

Впрочем, Якоби успокоился так же быстро, как только что раздражился. Он расправил и дочитал свою газету, долго, с громким прихлебыванием пил свой кофе, долго и обстоятельно пересказывал жене замысел своей новой картины, замысел, о котором она слышала уже раз десять в продолжение последних лет: Якоби хотелось написать большое полотно - римский карнавал. Наконец, он отправился в свою студию - кое-что "подмалевать", как он выразился.

Александра Николаевна свободно вздохнула. Наконец-то она сможет прочитать, что пишет ей Гарибальди!

"Госпожа Якоби, Вы спрашиваете, что я думаю о Вашем нынешнем

правительстве? Ваш монарх ищет прославить свое царствование освобождением рабов. Надеюсь, что это дело будет завершено. Такой ореол славы, разумеется, лучше всяких побед.

Посылаю сердечный привет Вам и Вашему храброму народу, которому суждено принять большое участие в грядущих мировых событиях.

В с е г д а В а ш Д. Г а р и б а л ь д и".

Александра Николаевна задумывается. Гарибальди предрекает России великую будущность. Сбудутся ли его предсказания? Не останется ли освобождение крепостных только фиктивным актом? Да и совершится ли оно, это освобождение?

Все еще погруженная в свои мысли, она вскрывает второй конверт, написанный неизвестной рукой. На колени ей падают два листка. Она берет наудачу первый.

"Синьора, Вы меня почти не знаете. Мы встречались только однажды, и Вы меня, конечно, не запомнили. Но я Вас хорошо знаю.

Много дней подряд - в походе, в бою, на бивуаке - я видела Вас в глазах человека, которого я любила, видела Вас в его сердце. Вы жили там единовластно, и только свободу он любил, наверное, сильнее Вас. Я не знаю русского языка, на котором говорил он и говорите Вы, но я поняла - перед смертью он вспоминал свою родину и Вас. Почему, почему Вы не приехали в Палермо, как обещали? Он ждал Вас до последней минуты.

Пересылаю Вам письмо, которое нашла на нем, мертвом.

Л ю ч и я П р е т о р и".

Александра Николаевна вчитывалась в хорошо ей знакомые итальянские слова, видела глазами всю фразу целиком, но как будто не могла взять в толк чего-то, как будто скользил и убегал от нее главный смысл того, что сообщала виденная мельком итальянская девушка. Но уже болезненно заныло сердце, и взять в руки третье письмо, кругом исписанное крупными, чисто ученическими буквами, по-русски, было очень трудно. Но она все-таки взяла его и от первых же слов обращения, от боли, вызванной этими словами, закусил зубами платок.

"Родная, бесценная Сашенька, тезка моя! Нынче в первый и последний раз решаюсь назвать Вас, как называл про себя. Ради бога, простите и не оскорбитесь такой моей вольностью. Позвольте мне ее, как позволяют нечто желанное приговоренному к казни. Ведь и нам только что сказали, что завтра мы все пойдем на казнь.

Пишу Вам без надежды, что письмо это когда-нибудь Вас достигнет, хотя тюремщик и клялся мне вечным своим спасением, что доставит его на почту.

Родная Сашенька, конечно, Вы давно догадывались, что я Вас люблю. До Вас я никогда никого не любил, но всегда мечтал, что встречу женщину необыкновенную, высокой души, прекрасную собой, которая будет верить в то же, что и я.

Впервые я увидел Вас восьмого марта, ввечеру, и в тот же миг понял, что судьба мне подарила то, о чем я грезил. Вы чистая, вы необыкновенная! И как сладко мне было, когда Вы мне высказались, когда понял я, что и вы ненавидите тиранов и жизнь свою посвящаете борьбе за Человечество. Пускай циники смеются над этими словами, Сашенька, мы-то с Вами знаем, какое это блаженство - жизнью своей пожертвовать для людей! И еще был я счастлив безмерно, когда Вы доверились мне и позволили войти в благородное дело, предпринятое Д. Г. Он человек выдающийся, и я уверен, что он спасет Италию.

Теперь, когда я перебираю в памяти последние месяцы здесь, в Италии, я понимаю, что судьба меня щедро одарила. Встретить Вас и Д. Г. - да за это мало отдать жизнь!

Жаль умирать, потому что я едва лишь начал жить, и жить так чудесно. Но смерти я не боюсь, и Вы не бойтесь за меня и не жалеете.

Благодарю Вас за то, что Вы существуете.

В а ш А л е к с а н д р".

Долго-долго смотрела Александра Николаевна на имя с каким-то длинным мальчишеским росчерком-хвостиком.

Нет больше тетки - горячего, преданного, бесстрашного. Никогда не будет. Живые буквы бежали по бумаге, живой хвостик-росчерк шаловливо привесился к подписи, а рука, писавшая его, холодна, мертва, недвижна где-нибудь под каменистой желтой землей Сицилии.

Слезы теснились, кипели в горле, а глаза сухо и тяжело горели. Еще и еще раз перечитывала она письмо. Она не слышала, как в дверях появился Верещагин.

Художник, как обычно, пришел в палаццо Марескотти, к Якоби. Он хотел было поздороваться с хозяйкой дома, но взглянул на нее и вдруг замер. Он знал Александру Николаевну как свою давнюю, до мельчайших черт изученную модель. Он знал все, как ему казалось, выражения ее глаз, рта, характерные для нее повороты, движения. Знал ее улыбки, взгляд исподлобья, хмурую морщинку меж бровями, когда она уставала или была не в духе. Он мог бы перечислить по пальцам известные ему движения этого женского лица, всегда волевого, решительного или кокетливо-оживленного.

Теперь перед ним сидела совершенно другая, новая женщина.

Страдающая, с печальным ртом и трогательно-беспомощным выражением глаз. Она не видела Верещагина и все перебирала и разглаживала рукой синеватый листок бумаги, лежащий у нее на коленях.

- Что случилось? - вырвалось у Верещагина. Он даже не поздоровался, так был поражен видом "Ангела-Воителя".

Она подняла глаза в темных кругах.

- Вот. Получила письмо. Из Палермо.

- От Левушки Мечникова? - с живостью спросил художник.

Она покачала головой.

- Нет. От Александра Есипова.

- А... - протянул художник. - Что же он пишет?

- Он умер, - сказала она просто. И вдруг легла головой на стол, сцепила руки. - Не могу... Не могу... Это я, я во всем виновата... Я его втянула... Это мы с Эсперанс познакомили его с Гарибальди, затеяли... Она задохнулась.

- Неправда, - твердо возразил Верещагин. - Этот мальчик с детства впитал в себя мечту о свободе. Я помню, мне Мечников говорил... Он рвался что-то настоящее делать для людей. Он так и положил себе - отдать жизнь за идею. И вас он полюбил оттого, что вы шли тем же путем. Я ведь все понимаю...

Александра Николаевна слушала его, глаза у нее были закрыты. Верещагин, мучаясь ее болью, подошел ближе, положил руку на горячее плечо.

- Голубушка моя, вы бы пошли прилегли. А то поплачьте, легче вам станет.

- Нет, не хочу. - Она подняла голову, выпрямилась, потерла руками щеки. - Что вы знаете о Палермо? Говорите! - потребовала она.

- Наверное, то же, что и вы, - отвечал, присаживаясь возле, Верещагин. - Гарибальди провозглашен диктатором. Королевские войска покинули Палермо, и весь народ праздновал их уход. Ланца подписал капитуляцию и после того, как честил Гарибальди "бандитом", "мятежником", стал величать его "генералом" и "превосходительством". Во всяком случае, теперь Гарибальди может смотреть на Сицилию, как на землю, входящую в состав "единой Италии". Да вот, я принес вам почитать речь Гюго, которую мне переслал Мечников, - прибавил Верещагин.

- А как он? Как его здоровье? - спросила чуть живее Александра Николаевна.

- Верно, ему на всю жизнь суждено остаться хромым, - сказал художник. - Он все еще в госпитале и, кажется, еще долго пролежит в постели.

- Знает он о... смерти Александра?

- По-моему, еще не знал, когда посылал мне письмецо, - отвечал Верещагин. - Тоже будет в большом горе, - заметил он осторожно. - Ведь они с Есиповым стали большими друзьями.

Александра Николаевна прижала к глазам платок.

"Слава богу, кажется, заплакала".

Но нет. Глаза сухие и блестящие.

- Так что же сказал о Гарибальди Виктор Гюго? Прочтите, - велела она. Верещагин послушно вынул из кармана газету.

- "Что такое Гарибальди? - начал он. - Человек - и ничего более. Но человек в самом высоком смысле этого слова. Человек свободы, человек Человечности, *vir*, как сказал бы соотечественник его Вергилий. Есть у него армия? Нет. Только горсть волонтеров. Боевые припасы? Нет их. Порох? Несколько бочек. Орудия? Только взятые у неприятеля.

В чем его сила? Что доставляет ему победу? Что стоит за ним? Душа народов".

Александра Николаевна слушала механически, а сама думала о чем-то своем. Верещагин знал это по ее взгляду, погруженному в себя.

- Я поеду в Палермо, - внезапно сказала она.

- Зачем?

- Буду ходить за ранеными, помогать Гарибальди... Да мало ли дела... Мое место сейчас там.

Верещагин хотел возражать, отговаривать, но, посмотрев на "Ангела-Воителя", не посмел.

47. ПОЧТИ СТО ЛЕТ СПУСТЯ...

- Моретта! Море-етта-а!

Тишина. Ни звука в ответ. Даже колокольчика Моретты не слышно. Только эхо в горах возвращало голос Николо - задиристый и высокий, как у молодого петушка.

Мальчик звал и кричал, и чертыхался, и честил всякими обидными словами пропавшую корову.

- Рогатая вонючка, вот она кто! И непременно нужно ей, этой подлюге, забраться под самое небо, в самую недоступную чащу, в чертову глушь! Ищи ее, бегай, ломай ноги по скалам, снашивай последние чочи!.. Моретта! Моретта! У, паршивая корова! Вот если б жив был пес Джиджи, он уж давно нашел бы тебя и гнал теперь к дому, кусая за ноги.

Но беднягу Джиджи пристрелил тот мерзавец чернорубашечник, что пришел к ним в деревню вынюхивать и выпрашивать, куда подевались такие-то и такие-то парни. Ох, как испугался тогда Николо за брата, как

испугалась мама! А вдруг фашист пронюхает, что Микеле ушел в горы, к партизанам! Он и то все время повторял: "Знаю я вас, хитрых дикарей! Всё таите по углам, всё говорите, что ничего не ведаете, только пасете скот да делаете сыр, никакой политикой не занимаетесь, а куда же, скажите, подевались все ваши молодые парни? Немцы их увели? Как бы не так! А кто напал на нашу комендатуру внизу, в селении? Кто взорвал машину с немецкими офицерами? О, мы из вас еще повытрясем все ваши тайны, не беспокойтесь!" И он ходил и ходил от одного дома к другому и все расспрашивал, а когда пришел к ним и Джиджи зарычал на него, он выхватил пистолет и пристрелил бедного пса. Николо тогда стоял и дрожал - так ему хотелось вцепиться в горло этому типу в черной рубашке, но мать шепнула: "Помни о наших. Ты их погубишь!" И Николо пришлось спрятать свою ненависть... Ох, отчего он все еще считается маленьким! Отчего не может, как Микеле, уйти в горы и сражаться с фашистами?!

Из-под черной войлочной шапчонки пот градом катился по лицу мальчика. Он уже давно сошел с тропинки и теперь прямым продирался сквозь дубняк и заросли ежевики и держи-деревя все вверх, вверх, туда, где круглой лысиной вставала вершина горы. Колючки рвали его самодельную куртку, из-под ног катились камни, и приходилось то и дело перепрыгивать через мутные, пенистые ручьи. Была весна. Здесь, в горах, начинала чуть зеленеть низкая изумрудная трава, а выше, к перевалу, кое-где еще лежал снег, и чем выше подымался Николо, тем становилось холоднее. К тому же начинало смеркаться и облака все ниже нависали над горами.

- Моретта! Моретта!

Впереди, в мелком дубняке, треснула ветка. Николо устремился туда: "Ага, вот она где, беглянка! Сейчас я ее поймаю!" Он протиснулся вперед и вдруг столкнулся лицом к лицу с незнакомым человеком. Человек сидел на корточках у ручья и обмакивал в воду сухарь. Он был без шапки, светловолосый, обросший такой же светлой, как волосы, курчавой бородкой. И глаза у него были светлые, внимательные. Он смотрел на Николо и, видимо, ждал, что мальчик скажет или сделает.

Николо оглядел его запачканную, неопределенного цвета шинель, худые, стоптанные сапоги.

- Ищешь корову? - спросил человек. - Вон она, твоя корова, пасется в колючках.

Он сказал это на незнакомом Николо языке, но сказал это так выразительно и при этом показал на заросли держи-деревя чуть выше, у скалы, что Николо тотчас же понял. Он вскарабкался к скале и увидел Моретту. Черная корова преспокойно поела побег цикория, растущие

между камнями.

- Ух, проклятая! - Николо вытащил из кармана веревку и привязал к коровьим рогам. - Ну, пошла домой, дрянь такая!

Подталкивая корову, он вернулся к человеку в зарослях. Тот продолжал безмятежно грызть сухарь и запивать водой из горсти.

- Я тебя знаю, - сказал ему Николо. - Я видел тебя позавчера внизу, в Сан-Капеле. - Он показал вниз, туда, где в дымке чуть краснели черепичные крыши селения.

Человек услышал название "Сан-Капеле" и понял жест мальчика. Он кивнул.

- Я видел, как ты ремонтировал немецкий грузовик, - продолжал Николо. - Ихний конвойный стоял и понукал тебя. А потом явился офицер и стал совать тебе под нос кулачищи, а ты даже и не моргнул. Только сказал что-то по-своему и опять полез в машину. Я тогда подумал, что ты здорово смелый парень, почти как наш Микеле...

На этот раз человек со светлыми волосами ничегошеньки не понял. Он смущенно пожал плечами, улыбнулся и показал в улыбке чистые молодые зубы.

- Так ты, значит, удрал от них? - не унимался Николо. - Вижу, вижу, что удрал. Молодчина ты! Вот натянул им нос! Ох, хотел бы я видеть их морды, когда они заметили, что тебя нет! - Он в восторге хлопнул себя по коленке. - Послушай, как тебя зовут?

Светловолосый смотрел вопросительно.

- Не понимаешь? Ни словечка не понимаешь? Вот история-то! - Мальчик ткнул себя в грудь: - Ну, вот меня зовут Николо. Ни-ко-ло. Понимаешь? А тебя как? Имя? Имя как? - Николо кричал, точно глухому.

- Николай, - сказал вдруг светловолосый тихим голосом и тоже ткнул себя в грудь. - Николай.

- Что?! - Мальчик чуть не подпрыгнул. - Врешь! Неужто у тебя тот же святой, что и у меня?! Санта мадонна! До чего смешно! А ты кто такой, Николай, - француз? Франчезе? Нет? Инглезе? Тоже нет?

- Я русский, - сказал светловолосый, - из Ленинграда.

- Руссо? Ленинградо?! - Мальчик вытаращил глаза. - Ты русский? А не врешь? Вот диво! Ведь мне всегда так хотелось увидеть настоящего русского! Микеле и другие у нас говорили, будто русские бьют фашистов лучше всех. Это правда? А правда, что у вас в России всегда идет снег и вы живете в берлогах, как медведи?

В возбуждении Николо так и сыпал вопросами, не замечая, что русский молча смотрит на него и, видимо, ничего не понимает. Вдруг

мальчик спохватился:

- Ах я дурак этакий, что я стою здесь и болтаю с тобой? Ведь скоро ночь, облака сюда придут ночевать, так и до дому не доберешься. И холодно будет - страх. И потом, твои фашисты тоже не спят. Небось всё и всех кругом подняли, ищут тебя, пустили собак по твоему следу, того и гляди явятся сюда... - Он заскреб под шапочкой курчавую голову. Потом махнул рукой. - Ничего не поделаешь, придется тебя взять к нам, домой... Больше я ничего толкового придумать не могу. Уж как мне за это достанется от матери, знает только святой Николо, мой покровитель... Но не оставлять же тебя фашистам. Микеле, мой брат, никогда бы мне этого не простил. Идем, Николай.

Николай поднялся. Николо держал за веревку корову и манил его за собой. Куда? Русский не знал, но инстинктивно доверял этому мальчишке в рваной куртке и подвязанных тесемками чочах.

Они принялись спускаться по горной тропке, усыпанной каменными осколками. Ноги их то и дело оступались на этих осколках, но мальчик был привычнее к горам и легче перепрыгивал с камня на камень. Русский смотрел на вершины, на уходящую куда-то в туман долину внизу и думал, что итальянские горы в этих местах совсем не похожи на горы Кавказа, где ему приходилось бывать. Там были скалистые снежные вершины с языками ледников, с бездонными трещинами во льдах, а здесь между камнями росла трава, виднелись зеленые лысины пастбищ и только изредка скалы преграждали путь и красными стражами вырастали на дороге.

Темная полоса кустарника постепенно поредела, белый щебень все гуще усеивал тропинку, и, наконец, на уступе горы показалось несколько прилепившихся к скалистому склону хижин. Хижины были совсем крохотные, с покатыми черепичными крышами, которые уже позеленели от времени, с оконцами, выглядывающими где-то из-под самых крыш. Из нескольких труб над хижинами шел дымок, но над трубой той хижины, к которой Николо подвел своего спутника, дыма не было. Они перешагнули через темный порог и очутились в полнейшей тьме, потому что стемнело уже и на воле, а здесь, в доме, не было никакого освещения.

- Мама! - окликнул с порога Николо. - Ты спишь?

Кто-то зашевелился в углу, зашуршала солома, чиркнула спичка, и маленький желтый огонек затрепетал и отбросил большую тень на беленую стену.

Николай увидел масляную коптилку, потом держащую эту коптилку темную жилистую руку, потом блестящие болезненные глаза, устремленные, казалось, прямо ему в душу.

- Кто с тобой? - спросил низкий, с придыханием голос. - Кого это ты еще привел?

- Это русский, мама, - оробев, отвечал Николо. - Его зовут, как и меня, Николай, ты понимаешь? Я нашел его наверху, когда искал Моретту. Он сбежал от фашистов, я его видел там, в Сан-Капеле. А теперь он от них сбежал.

Мальчик старался говорить непринужденно, но чувствовалось, что ему не по себе.

- Спятил ты, что ли? - резко сказала мать. - Хочешь, чтоб всех нас расстреляли, чтоб спалили наш дом? Ну-ка, вспомни, что сделали с семьей Гарроне, когда у них нашли чужого солдата!.. Ты хочешь, чтоб и с нами было то же? Дай ему хлеба, если хочешь, и пусть идет на все четыре стороны! Она отчаянно закашлялась, но ее горячий взор не отпускал русского, держал его на прицеле.

- Что ты говоришь, мама! - вдруг так и взвился Николо. - Ты подумай сама, что ты мне велишь делать! Выгнать этого несчастного парня, который ни слова по-нашему не знает, выгнать ночью, в холод, в горы! А фашисты?! Да они тут же его схватят, даже если он выживет в голоде и холоде! А если нашему Микеле придется вот так же спастись от врагов и кто-нибудь, как ты, выгонит его вон?..

- О, Микеле... Микеле... - простонала мать.

- Вот видишь, ты об этом не подумала, - горячо продолжал мальчик. Ты не бойся, ничего нам за него не будет. Я его так спрячу, что никто его не найдет. А потом мы позовем дядю Пьероне и спросим его, что даже говорит по-русски. Пускай он с этим парнем поговорит. И пускай посоветует, что с ним делать дальше.

Больная направила на сына свет своей коптилки.

- Ты мастак говорить, Николо, - сказала она не то брюзгливо, не то с удовольствием. - Точь-в-точь как твой покойный отец. Ну, смотри, парень, пропадем мы все из-за твоего русского. И куда ты его запрячешь, хотела бы я знать?

- Об этом уж ты не тревожься, - с живостью отвечал очень довольный Николо. - В случае чего, я засуну его в скалы. Там-то его уж никто не найдет.

- Ну, гляди, гляди, - пробормотала больная. - Да дай ему чего-нибудь пожевать. В шалаше Анна оставила для тебя немного минестрины. Поделись с твоим русским.

И снова Николай увидел пронзительные, как у птиц, глаза, которые оглядывали его с головы до ног.

Пока мальчик на своем быстром, слегка певучем диалекте переговаривался с матерью, Николай успел рассмотреть внутренность хижины.

Пол был земляной, обстановка самая простая и грубая: стол, несколько соломенных стульев, самодельный шкаф. В углу нечто вроде деревянной кровати, широкой и низкой, с кучей покрытых попоной сухих листьев. Больная лежала на этом ложе, закутанная в потрепанное одеяло.

Николай видел, что она недовольна его приходом, и догадался, что мальчику попадает из-за него.

Он немного подумал и направился к двери.

- Ты куда? - вцепился в него Николо. - Николай, ты с ума сошел! Хочешь опять попасться фашистам? Вот видишь, мама, он все понял! - с упреком сказал он матери. - Понял, что ты хочешь его прогнать, и сам хочет уйти.

- "Понял, понял"! - пробормотала больная, а сама все шарила и шарила на полке возле кровати. Наконец она нашарила что-то завернутое в чистую тряпку и поманила к себе русского. - Вот, возьми на ужин, - сказала она, подавая ему круглую головку сыра. - Это хороший сыр, я сама его делала, когда была здорова.

Она вдруг усмехнулась и шлепнула Николая по протянутой руке. И Николай понял, что теперь ему уж никуда не надо идти: его здесь приняли.

Николо вытащил из-под кровати какой-то сундучок, вынул старый черный плащ.

- Вот тут лежат вещи Микеле. Я дам тебе его плащ, тебе будет тепло, как под одеялом.

Он повел Николая в соседнюю пристройку, нечто вроде шалаша, крытого соломой и прилепившегося к каменистому склону горы. Внутри была комната с земляным полом, железной кроватью и тюфяком, набитым сухими кукурузными листьями. У задней стены были горой навалены такие же листья. Николо чуть отодвинул их, и открылась глубокая ниша, ведущая под скалу.

- В случае чего спрячешься здесь. Тут тебя никто не найдет, - сказал мальчик, показывая Николаю это убежище.

Посреди шалаша стоял треножник с закопченным чугуном. Под треножником тлел огонь, и горький дым подымался вверх, в дыру, проделанную в крыше.

- Ну, давай поужинаем, а потом спать. Я совсем измотался с этой проклятой Мореттой! - сказал мальчик, усаживаясь на деревянный чурбан у очага. - Вот попробуешь нашей минестрины.

Он дал Николаю ложку, и оба молча и жадно принялись глотать вкуснейшую в мире, как показалось беглецу, похлебку из хлеба и фасоли.

Потом мальчик отправился задать корм Моретте, а Николаю указал на тюфяк, набитый листьями.

И вот шуршат сухие листья, пахнет горьким дымом, чуть доносится голос Николо, уговаривающий корову, а Николай Дремин, ленинградец, бывший студент-медик, не то грезит, не то вспоминает что-то. Ему бы подумать о себе, о своей дальнейшей участи, а он думает совсем-совсем о другом. Где он видел такую вот хижину с черепичной кровлей, каменную изгородь, горбатые спины гор на заднем плане? Так знакомы эти белые камни, зеленые лысины пастбищ, пенистый горный ручей, прыгающий по камням! Где же? Где?

И тут он вспоминает альбомчик в потертой желтой коже, который он нашел однажды в столе отца, известного ленинградского хирурга. В альбомчике было несколько видов Италии, набросанных талантливой и мастерской рукой, и два письма, таких пожелтевших, истончившихся, что они стали уже похожи на цветы из гербария. И запах от них шел тоже цветочный, тонкий. Над каждым письмом стояло: "Сицилия, 1860 год"...

"Любовь твоей прабабки, Натальи Осмоловской, - сказал отец, когда Николай спросил его о письмах и альбоме. - Прабабка твоя любила человека замечательного - художника, историка, полиглота Льва Мечникова, но, кажется, безнадежно. Знаю по семейным рассказам, что Мечников пошел с Гарибальди в Сицилию и там его сильно ранили. Наталья Андреевна порывалась ехать туда, чтобы ходить за ним, но ты знаешь, что такое законы семьи в прошлом веке... Словом, Наташу Осмоловскую не пустили в Сицилию. Твой прадед Михаил Дремин очень долго добивался ее, страдал, и через несколько лет она стала его женой..."

Сейчас Николаю Дремину-младшему очень ясно припомнились и рассказ отца, и белая ленинградская ночь, смотревшая в окна, обращенные на Неву.

Это был последний мирный год. Отец встретил его тогда на лестнице, нетерпеливо спросил:

"Ну как, сдал экзамен? Что получил по биологии? Ну, спасибо, брат, не посрамил нашу старую медицинскую семью".

Николай услышал голос отца, его раскатистое, чуть картавое "р". Где-то сейчас отец? Верно, где-нибудь на фронте. А что теперь с их домом? Ведь говорили же гитлеровцы, что Ленинграда уже не существует, что его сровняли с землей. Ленинград, Ленинград, волшебный город...

- Еще не спишь, Николай? Спи, спи, парень, тебе нужно быть

сильным, говорил Николо, укладываясь рядом с новым другом и подминая вокруг себя листья. - Ох, замучила меня Моретта!

Он дунул на коптилку и почти тотчас же ровно и тихо задышал. От мальчика шло такое чудесное, такое успокаивающее, уютное тепло, что и у Николая стали сами собой смыкаться глаза, и сон накрепко стер все его мысли, все тревоги.

48. ПАРОЛЬ

Он проснулся оттого, что кто-то пристально его разглядывал. Вскочил, сунул, по привычке, руку в карман шинели - там было пусто. Послышался добродушный старческий смех.

- Эй, Николо, твой русский хотел выпустить из меня кишки!

Перед Николаем стоял старичок, весь белый, в белых чулках до колен, в короткой куртке и черной круглой шапочке на белых волосах. Нос его смотрел в рот, зато глаза были молодые. Он все смеялся, глядя на заспанного Николая.

- Дядя Пьероне, поговори с ним по-русски, - попросил Николо, просовываясь в дверь хижины. - Послушаем, что он тебе расскажет о себе.

- Гм... по-русски? Что ж, поговорим, - бодро сказал старичок, подходя поближе к Николаю.

- Извошник, - произнес он вдруг, старательно выговаривая трудное слово. - По-жа-лу-ска. Одэсса.

Николай невольно засмеялся.

- Понимаю, понимаю, папаша, вы были у нас в Одессе, - сказал он. Только, наверное, давно это было. Теперь извозчиков в Одессе не найдешь. Одни такси.

Он взял уголек из очага и на одном из чурбаков быстро набросал как умел сначала лошадь с пролеткой и кучером, потом автомобиль. Присев на корточки и приоткрыв рот, дядя Пьероне и Николо с напряжением следили за угольком. Увидев рисунок, старик радостно, как ребенок, захолопал в ладоши, засмеялся:

- Si, Si! Извошник. E automobile. Одэсса - bell'citta - красивый город.

- В Одессе теперь тоже фашисты, - хмуро сказал Николай.

- О, в Одессе - фашисты! Какая жалость! Che peccato! Такой красивый город, - повторил старик. Он обратился к Николо: - Ну вот, я узнал все, что ты хотел. Твой парень чистокровный русский. Он тебе не врал. Он все понял, что я ему сказал по-русски.

- О, вот так разговор! - разочарованно сказал Николо. - Я думал, дядя Пьероне, ты и вправду умеешь говорить по-ихнему.

- А на каком же я говорил, по-твоему? - запальчиво отозвался Пьероне.

- Говори с ним сам, если умеешь лучше. И что тебе нужно от него, скажи на милость! Что он русский, ты теперь знаешь. Что он ненавидит фашистов, как мы с тобой, как все наши, тебе ясно. Что ему у них несладко жилось - это по нему видно. Что он сбежал и его теперь ищут и надо парня сберечь - это тоже понятно. А что тебе еще от него надо?

И, говоря, старик так жестикулировал, что едва не наступил на очаг. Николай вовремя удержал его.

- А что с ним делать? - спросил Николо. - Мама не хочет, чтоб мы его держали здесь, в доме. Боится, что придут черные рубашки или немцы.

- С матерью я сам поговорю, - подумав, сказал Пьероне. - Она поймет, не может не понять. Русского надо подкормить, а через несколько дней, когда фашисты перестанут его искать, переправим его к нашим, в горы... Я слышал, будто там у них в одном из отрядов тоже были русские. Вот придет Анна, мы у нее спросим, правда ли это. Она должна знать.

- А кто его поведет к нашим? - спросил мальчик.

- Кто? Ты, конечно.

- Мама ни за что меня не пустит.

- Уф... твоя мама!.. - проворчал старик. - Когда она наконец поймет, что жизнь стала совсем другая...

Но, видно, Фламиния, мать Николо и партизана Микеле, начала уже кое-что понимать, потому что в тот же день она через младшего сына послала русскому домашнюю колбасу и еще одну головку сыра. И еще она велела Николо дать русскому что-нибудь из одежды Микеле: рубашку, старые чочи, штаны с кожаными наколенниками, шапку, и, когда Николай Дремин, ленинградский студент, надел все эти вещи, он как будто сразу преобразился. Не только внешне, но и внутренне он вошел в эту суровую бедную крестьянскую семью с ее горестями и заботами.

Он оглядел дом и пристройку, потом попросил у Николо топор, мотыгу, молоток. Наколот дров, залатал крышу, прорыл за домом канаву и отвел подальше ручей, который грозил вот-вот затопить пристройку. Чуть выше, на огороде, он вскопал землю. Николо, который сам весь день был занят то овцами и коровой, то домом, то уходом за матерью, был в восторге.

- Ты совсем как наш Микеле, делаешь всю его работу! - повторял он и бегал рассказывать матери, что и как сделал русский парень.

Старик Пьероне ходил вниз, в селение, "понюхать, чем пахнет", узнать, не ищут ли беглеца, посмотреть, как ведут себя немцы и черные рубашки. Ему сказали, что нацисты обшарили все дома в селении, ходили с собаками даже в горы, посадили под арест конвойных, которые сторожили пленного, но что уже два дня, как у них идет какая-то суэта, сборы.

Приехало несколько машин со стрелками, транспорт с консервами, привезли две горные пушки.

- Видно, сейчас им не до тебя, малый. Молись святой деде - своей заступнице, - сказал Николаю, вернувшись, старик. - Наверное, решили, что в горах ты и сам пропадешь с голоду и не стоит тратить на тебя время. Но куда собираются эти кровопийцы - вот что надо бы узнать!

В следующие дни все, казалось, было спокойно. Только раз или два снизу, из долины, донеслись выстрелы да однажды невдалеке залаяли собаки. Николай тотчас же забрался в нишу, Николо завалил его листьями, и до вечера беглец просидел в этом убежище.

С помощью еще не забытой медицинской латыни Николай начинал уже кое-что понимать по-итальянски. Маленький приятель все больше вводил его в жизнь своей семьи. Николай уже знал, что Пьероне - сосед и старый друг всех Плетти (это была фамилия Николо), что дочь Пьероне, Анна, девушка Микеле и, когда кончится война, она и Микеле собираются пожениться, что Микеле и многие парни из деревни ушли в горы и стали партизанами. Николо и сам рвался воевать, но старший брат строго-настрого приказал ему не оставлять мать и никуда не отлучаться надолго. С тех пор как отца увели черные рубашки и он пропал без вести, мать все болеет. То ноги, то руки отнимаются. Как же ее оставишь...

- Когда приходит Анна, я могу уйти на целый день, потому что она и обед стоговит, и подаст маме все, что нужно. Но Анна почти все время у наших ребят, в отряде. Она там у них и связная, и разведчик, и стряпуха, объяснил Николо русскому другу. - Девчонкам легче всюду бегать, они и сквозь игольное ушко пролезут, если нужно, - с завистью добавил мальчик.

Наконец однажды утром пришла Анна. Николай понял это по тому, что его маленький друг явился в пристройку сконфуженный и красный, бормоча себе под нос:

- А я почему знал, что вечером маме нужна грелка? Почему она сама мне ничего не сказала? Мне ж нетрудно было бы нагреть воды. А теперь честит меня на все лады: уж я и лентяй отпетый, и такой и сякой, и повернуться как надо не умею... Язык прямо как у змеи... Ох, уж эти девчонки, лучше с ними не связываться!

Николай представил себе Анну непременно крупной девушкой, громкоголосой, с командирскими ухватками. А пришла худенькая, загорелая девчоночка, очень немногословная, тихая и быстрая, как мышка.

Она тотчас быстро и бесшумно засновала из хижины в пристройку и обратно, и вскоре всюду запахло едой и дымком, чистыми простынями и какой-то душистой травой, которой она подмела полы. Пьероне и Николо

долго шушукались с Анной, потом оба пришли к Николаю.

- Надо тебе отсюда уходить, руссо, - сказал старик, трогая сухой рукой руку Николая. - Анна говорит, что нацисты нагнали сюда горных стрелков, оцепляют все кругом, хотят изловить всех партизан. Наши ребята решили сниматься со своей стоянки, уйти дальше, за перевалы. Надо успеть переправить тебя к ним, покуда они еще не ушли.

- Анна слышала, будто в одном отряде есть твои, русские, - прибавил Николо. - Вот бы тебе встретиться с ними.

У Николая зашло сердце. Всю его невозмутимость как рукой сняло: русские, свои, здесь! Он может их увидеть, вместе с ними опять сражаться!

- Когда пойдем? - спросил он.

Пьероне что-то сказал. Николай от волнения не понял.

- Анна велит идти сегодня же ночью, - объяснил Николо, - а то наши могут уже уйти. Ей хотелось бы самой повести тебя, но у нее поручение к товарищам в Сан-Капеле. Словом, я сам буду твоим проводником, - с гордостью сказал Николо и вдруг совсем по-детски прибавил: - А маме мы ничего не скажем, а то она меня не пустит.

В ту же холодную и, как назло, светлую лунную ночь они вышли в путь. И как не хотелось покидать теплую, освещенную желтым огоньком коптилки хижину! Но Николай шел по каменистой тропке, стараясь думать только об одном: скоро, скоро он увидит своих, русских, скоро услышит русскую речь!..

Зеленоватый холодный отблеск луны лежал на дальних и ближних вершинах, и только во впадинах и ущельях залегли черные тени. Оба - и беглец и его маленький проводник - шагали молча: и осторожность этого требовала, и сама ночь точно приказывала соблюдать тишину. Где-то в ночи кипел и бурлил горный ручей, цокали камушки, катясь из-под ног, да чуть поскрипывала на поясе Николо фляга с вином, которую дала им на дорогу мать.

Да, да, Фламиния узнала-таки, что младший сын уходит провожать русского в отряд, и не только не запретила ему уходить, но даже сама дала им с собой еды и вина.

И Фламиния благословила русского, когда он пришел к ней проститься.

- Я уже старая женщина, и, может быть, дева Мария обратит внимание на мое благословение, - деловито сказала она. - Ну, руссо, пусть твои отец и мать увидят тебя целым и невредимым.

В холодном зеленоватом небе, казалось, вращалась луна. Уже пройден один перевал, уже ледяным ветром обдуло путников. Невидимая тропка,

которую может найти только Николо, ведет вниз, в ущелье, откуда снова должен начаться подъем. Два перевала нужно одолеть, две реки перейти, чтоб добраться до стоянки отряда, сказал Николо, и Николаю этот ночной путь по горам кажется каким-то сказочным искусом: вот надо перейти через такие-то и такие-то препятствия, сразиться со злыми духами, и только тогда достигнешь того, к чему стремишься всем сердцем. Тихонько ползет из-под ног каменная осыпь, звенят и сыплются, как серебряные монетки, грифельные кусочки скал, одинокое, скрюченное ветрами дерево прилепилось к скале, и мнится, что кто-то прячется там, в его корявых ветвях.

Уже не холодно, а жарко путникам, уже стащил Николай шапку с головы, а Николо - материнский шарф. Петляет, кружит тропа. Снова гребень перевала, снова пахнувший снегом ветер и снова спуск куда-то во тьму.

- Скоро? - спрашивает Николай.

- Теперь уже скоро, - чуть слышно отвечает Николо. - Вон там, внизу, река, а за ней, на другом берегу, лесок. Там, в лесу, уже наши.

Николай ускоряет шаг. Если б было можно, если б видна была тропа, он просто покатился бы вниз, как катался в детстве "на собственных салазках" со снежных горок. Но тут по обе стороны - скалистые черные провалы. Чуть оступился - и костей не соберешь.

Бумм! Бу-умм! - обрушилось и загрохотало впереди.

- Обвал? - спросил Николай.

Он спросил это у самого себя, почти беззвучно, а сам уже знал: нет, не обвал. Вот они, злые духи гор!

- Они уже здесь? опередили нас! Как же мы теперь? - тревожно сказал Николо.

И почти мгновенно ночь превратилась в день. Как лампы, повисли рядом с луной, соперничая с ней, бледно-голубые тающие, колеблющиеся ракеты. Трубами гигантского серебряного органа заиграли и зашевелились прожектора. Бум-м! Бум-м! Грохот пролетел по горам, ударился о скалы, отскочил и снова вернулся, удесяттеренный эхом.

Николай и Николо застыли, облитые с ног до головы этим злым, леденящим светом. Они стояли как будто голые, у всех на виду, и не решались шевельнуться. Под их ногами лежала долина, вся в кольцах огненных разрывов. Бомбы, снаряды, каменные осколки - все гремело, сверкало, сотрясало небо и землю.

- А наши-то так близко! - Николо пригнул к себе голову Николая и жалобно сопел ему в самое ухо. - Вон там, за речкой, видишь лесок? Там

они и должны быть, если не ушли. - Он дрожал и еле шевелил губами.

- Идем. Надо пробиться. Здесь стоять - верный конец. - Николай, уже не думая о дороге, о том, что может вот-вот сорваться, переломать кости, ринулся вниз, увлекая за собой мальчика вниз, туда, где, вся в серебряных вспыхивающих искрах, прыгала горная речка. Воздух рвал барабанные перепонки, земля под ногами бегущих вздымалась на дыбы или вдруг бросала им в лицо едкую пыль взрывов и ослепляла. Николай и Николо оступались, проваливались в расщелины, выкарабкивались, снова подымались и снова бежали.

Наверное, нацисты заметили две фигурки, бегущие в голубом шатком свете по долине. Взрывы стали чаще, запрыгали рядом с беглецами оторвавшиеся от гор камни, зашипели, как змеи, раскаленные осколки металла. Внезапно густая черная тень накрыла беглецов. Николай рывком свалил мальчика:

- Ложись!

Казалось, самолет ползет по долине на брюхе - так низко, так медленно, так гнусно он летел. Он летел и расстреливал из пулемета горы, камни, речку, травы, а главное, самое главное - тех двух, что только что бежали, а теперь затаились где-то здесь, за камнями. И огромное ядовитое животное принюхивалось, приглядывалось ко всякой щели там, под крыльями. И летчик, оседлавший его, неведомый враг в шлеме и защитных очках, наверное, тоже перегнулся и высматривал, высматривал двух беглецов и решетил пулями ни в чем не повинную прекрасную долину.

Но вот черная тень уползла куда-то дальше. В последний раз выпалил пулемет.

- Вставай. Идем скорей! - скомандовал Николай.

Мальчик не отзывался. Он продолжал тихо лежать за камнем. Николай схватил его за руку:

- Николо! Николо! Ты слышишь меня? Что с тобой, Николо!

Маленькая рука вяло лежала на ладони Николая.

- О, черт!

Николай ощупывал голову, грудь, плечи, ноги мальчика. Когда он коснулся ног, Николо чуть слышно застонал.

- Io a momenti... Я сейчас... О-о... Нога, моя нога...

Николай рвал на полосы свою рубашку, крепко бинтовал, но видел, что тряпка уже пропитывается кровью. Медик, он знал, что нужно торопиться.

- За шею можешь меня взять? - спрашивал он Николо, забыв, что тот его не понимает. - Крепче берись.

Он взвалил мальчика на спину, хотел подняться, но понял, что это

невозможно - его тотчас заметят. Надо ползти. И он пополз. Пополз по камням, по выбоинам, по осколкам, по страшной земле войны. Пополз под сплошным перекрестным огнем, потому что теперь стреляли не только враги, но и свои, партизаны. Его колени и ладони сразу стали липкими от крови он сбил их о камни, но даже не чувствовал боли, как и вообще не чувствовал ни тяжести Николо, ни собственного тела. Он полз, спрятав голову, как черепаха, и только иногда взглядывал вперед, туда, где искрилась и кипела река. Мальчик за его спиной стонал и все время что-то шептал горячо и настойчиво. Кажется, он уговаривал своего русского друга оставить его, бросить, бежать налегке. Николай все равно не понимал его.

Вода студеным языком облизывает горящие ладони и колени, и только тут Николай видит, что он уже ступил в реку. Но с откоса на противоположном берегу садят из пулемета, а сзади тоже свистят пули, и на воде, как во время дождя, вскакивают пузырьки. От ледяного прикосновения реки Николо тоже приходит в себя и что-то кричит.

- Постой, постой, погоди! - бессмысленно бормочет Николай, отступаясь и скользя по валунам.

Его руки, его колени уже онемели от холода, но он не смеет подняться, не смеет ускорить переправу: за спиной у него мальчик, и он должен донести его. Донести живым.

Кипят ледяные струи, вырываются из-под ног скользкие, как рыбы, камни, шмякаются в воду совсем рядом пули. Еще шаг. Еще.

- Не стреляйте, - просит-кричит Николо. - О мадонна, не стреляйте! Свои, мы свои! Suoi!

Николай ложится на последний валун, почти перекачивается с него на берег. Совсем близко темнеет полоса деревьев. Кажется, это каменные дубы. Там - спасительная тень, там можно будет хоть ненадолго укрыться от выстрелов, выпрямиться, осмотреть рану Николо...

Вот она, тень и свежесть леса, и чудесное, ни с чем не сравнимое чувство безопасности. Осторожно снимает Николай мальчика. В глаза ему плещет свет фонарика.

- Стой! Кто такие? - спрашивает мужской голос.

Николо барахтается на земле, пытается приподняться.

- Это наши, наши! - говорит он радостно. - Я узнаю их! С ними мой брат, Микеле Плетти.

Из темноты выступает бородатый человек. Свет фонарика вспыхивает на его красном галстуке.

- Говоришь, ты братишка Микеле? - переспрашивает он. - Ну, если ты из наших, ты должен знать пароль.

- А как же, конечно, знаю! - гордо отвечает Николо. - Пароль "Джузеппе Гарибальди".

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)